СУД ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА



ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВЕРХОВЕНСТВА ПРАВА НА ПРОСТРАНСТВЕ ЕАЭС

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ

VIII МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ СУДА ЕАЭС

V ЕВРАЗИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ

XIV ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ФОРУМ

МИНСК

Суд Евразийского экономического союза

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВЕРХОВЕНСТВА ПРАВА НА ПРОСТРАНСТВЕ ЕАЭС

Сборник материалов
VIII Международной конференции Суда ЕАЭС,
V Евразийского экономического форума,
XIV Петербургского международного юридического форума

Минск
«Энциклопедикс»
2026

УДК 341.645.5(476+574+470)(082)
ББК 67.93(2)я43
О-13

Составители:
заместитель руководителя Секретариата Суда –
начальник экспертно-аналитического отдела *М. Т. Джаманкулов;*
советник экспертно-аналитического отдела Секретариата Суда,
к. ю. н. *Е. С. Орлова*

Обеспечение верховенства права на пространстве ЕАЭС : сб. материалов VIII Международной конференции Суда ЕАЭС, V Евразийского экономического форума, XIV Петербургского международного юридического форума / Суд Евразийского экономического союза ; сост.: М. Т. Джаманкулов, Е. С. Орлова. – Минск : Энциклопедикс, 2026. – 407 с.
ISBN 978-985-7340-40-8.

Издание представляет собой сборник статей и выступлений на VIII Международной конференции Суда ЕАЭС «Обеспечение верховенства права на пространстве ЕАЭС» (20–21 ноября 2025 года). Также в сборнике представлены тексты выступлений участников сессии, организованной Судом ЕАЭС совместно с ЕЭК на полях V Евразийского экономического форума (28 мая 2026 года), и сессии Суда ЕАЭС на площадке XIV Петербургского международного юридического форума (25 июня 2026 года).

Адресовано юристам, ученым и практикам, государственным служащим, преподавателям, студентам и аспирантам юридических вузов, а также всем тем, кто интересуется вопросами правового регулирования интеграционных процессов.

Все опубликованные материалы основаны на выступлениях, представленных на указанных мероприятиях, и не отражают позицию Суда ЕАЭС.

УДК 341.645.5(476+574+470)(082)
ББК 67.93(2)я43

ISBN 978-985-7340-40-8 © Суд Евразийского экономического союза, 2026
© Оформление. ЧУП «Энциклопедикс», 2026

Содержание

VIII МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ СУДА ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА «ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВЕРХОВЕНСТВА ПРАВА НА ПРОСТРАНСТВЕ ЕАЭС» (20–21 ноября 2025 года)

Приветствия почетных гостей

А. А. Дронов
Председатель Суда Евразийского экономического союза 10
Н. И. Кочанова
Председатель Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь 13
Е. И. Коваленко
Министр юстиции Республики Беларусь 15
А. С. Тукиев
Председатель Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Республики Казахстан 17
Ч. И. Садырова
Судья Верховного Суда Кыргызской Республики 21
И. В. Краснов
Председатель Верховного Суда Российской Федерации..... 25
Н. В. Тимошин
Председатель Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации..... 26
А. А. Клишас
Председатель Комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству.....27
Б. А. Сагинтаев
Председатель Коллегии Евразийской экономической комиссии..... 29

И. В. Петришенко
Первый заместитель Генерального секретаря Содружества Независимых Государств 31
Г. К. Нурбаев
Председатель Экономического Суда Содружества Независимых Государств 36

Вступительное слово Председателя Суда Евразийского экономического союза А. А. Дронова 39

Сессия I
Роль Суда Союза в обеспечении верховенства права на пространстве Евразийского экономического союза
В. В. Войников
Роль Суда ЕАЭС в выявлении пробелов в правовом регулировании в рамках Союза 55
Н. В. Павлова
Судебная модель обеспечения верховенства права в интеграционном объединении: условия эффективности 67
А. М. Паутов
Роль правовых позиций Суда ЕАЭС в формировании практики применения законодательства экономическими судами Республики Беларусь 86
Г. Ж. Альмагамбетова
Роль нормативных постановлений Верховного Суда Республики Казахстан при применении права Союза 90
М. В. Виноградов
Актуальные вопросы деятельности Суда ЕАЭС 95
О. В. Кадышева
Можно ли говорить о существовании публичного порядка ЕАЭС? 100
А. С. Исполинов
Роль доктрины в практике международных судов и в развитии права ЕАЭС 117

Круглый стол «Вопросы представительства в Суде Союза»

Е. И. Добриян
Использование правовых позиций Суда ЕАЭС на национальном уровне 127
П. Ю. Булатов
Использование консультативных заключений Суда ЕАЭС при разрешении споров в рамках международного инвестиционного арбитража 131
В. П. Шавшина
Восстановление прав хозяйствующих субъектов на уровне ЕАЭС 142
А. И. Анищенко
Исполнение решений Суда ЕАЭС в рамках национальных правопорядков: практический аспект..... 147
Д. В. Семашко
Средства доказывания в Суде ЕАЭС 158

Сессия II
Таможенное регулирование. Развитие внутреннего рынка Евразийского экономического союза

Ю. Г. Иваненко
Роль решений Евразийской экономической комиссии и Суда Евразийского экономического союза в формировании единообразной судебной практики применения таможенного законодательства 168
А. Ю. Бушев
Добросовестность частных и публичных субъектов в практике Конституционного Суда Российской Федерации и Суда Евразийского экономического союза 178
Т. Н. Нешатаева
К вопросу о публичном порядке ЕАЭС 192
А. В. Петренко
Значение международного права и системной интеграции для развития права ЕАЭС в свете дела «О самолетах» 209

Н. В. Мельников
Соотношение правовых актов ЕАЭС и национальной правовой системы при конституционно-правовой оценке привлечения к уголовной ответственности за контрабанду..... 220
Е. А. Дмитрикова
Дискреция государств – членов Евразийского экономического союза в вопросах установления и применения мер административной ответственности за нарушение единых таможенных правил 227
В. Н. Лопатин
Стандарты таможенной защиты интеллектуальной собственности в развитии евразийской интеграции.....239
П. Н. Бирюков
Проблемы таможенной защиты объектов интеллектуальной собственности в праве ЕАЭС..... 249
Е. С. Орлова
Применение Судом ЕАЭС принципа правовой определенности при проверке решений Комиссии о классификации отдельных видов товаров 257

Сессия III

Общие правила конкуренции на трансграничных рынках Евразийского экономического союза

М. Л. Ермолович
Направления совершенствования защиты конкуренции в ЕАЭС 266
А. Б. Кишкембаев
Некоторые аспекты правовых позиций Суда ЕАЭС по антимонопольным спорам.....270
Д. В. Тютин
Антимонопольные санкции ЕАЭС – некоторые теоретические и практические проблемы 283
К. В. Энтин
Последние тенденции в практике Суда ЕАЭС по вопросам конкуренции 289

А. А. Наку
К вопросу об иных соглашениях: условия допустимости вертикальных соглашений о разделе рынков в мировой практике *292*
О. А. Бакиновская
Обеспечение конкуренции при осуществлении государственных закупок: право Союза, национальное законодательство, практика Суда ЕАЭС *306*
П. П. Мысливский
Защита конкуренции в ЕАЭС: актуальные вопросы материального и процессуального права *315*

V ЕВРАЗИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ

Сессия «Право ЕАЭС и деятельность Суда Союза в условиях цифровой трансформации: потенциал развития» (28 мая 2026 года)

Э. А. Азимова
Председатель Конституционного Суда Республики Казахстан *326*
А. А. Дронов
Председатель Суда Евразийского экономического союза *329*
Н. Н. Филиппова
Первый заместитель Министра юстиции Республики Беларусь *339*
С. Т. Ызакова
Первый заместитель Министра юстиции Кыргызской Республики *347*
М. В. Виноградов
Начальник главного управления международно-правового сотрудничества Генеральной прокуратуры Российской Федерации *351*
А. Е. Басалыга
Заместитель директора Правового департамента Евразийской экономической комиссии *356*

XIV ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ФОРУМ

Сессия «Суд ЕАЭС как инструмент защиты прав и законных интересов Союза, государств-членов и негосударственных субъектов: актуальные тенденции, вопросы и перспективы» (25 июня 2026 года)

А. А. Дронов
Председатель Суда Евразийского экономического союза 361
А. Б. Кишкембаев
Заместитель Председателя Суда Евразийского экономического союза.....370
М. Л. Ермолович
Член Коллегии (министр) по конкуренции и антимонопольному регулированию Евразийской экономической комиссии.....376
А. Ю. Чурсина
Адвокат, адвокатское бюро «Нортия», руководитель аппарата общественного представителя по спорам с таможней при Уполномоченном при Президенте Российской Федерации 380
Е. В. Тарибо
Судья Конституционного Суда Российской Федерации.....385
А. В. Кирильченко
Адвокат, партнер практики таможенного права и международной торговли BGP Litigation 390
М. В. Токарева
Проректор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС). 397
Т. В. Шашихина
Заместитель Председателя Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации, директор Евразийского учебного института МГИМО МИД России 401
К. Л. Чайка
Главный научный сотрудник ИГП РАН, судья Суда ЕАЭС в отставке 403

VIII МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ СУДА ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА «ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВЕРХОВЕНСТВА ПРАВА НА ПРОСТРАНСТВЕ ЕАЭС»

(20–21 ноября 2025 года)

Приветствия почетных гостей

А. А. Дронов
Председатель Суда Евразийского экономического союза

Уважаемые гости, коллеги! Дорогие друзья!

Открывая очередную VIII Международную конференцию Суда Евразийского экономического союза, хотел бы прежде всего сердечно поприветствовать всех вас! Выразить искреннюю признательность за проявленный вами интерес, готовность принять непосредственное участие в предстоящей дискуссии, которая, убежден, будет насыщенной, как и в прошлом году, даст всем нам обильную пищу для размышлений, импульс к продолжению общих усилий по дальнейшему продвижению на основе верховенства права, процесса евразийской экономической интеграции, который – особенно на нынешнем этапе развития межгосударственной системы, переживающей глубокую трансформацию, – приобретает для наших стран и народов жизненно важное значение, выходящее далеко за рамки сугубо экономических интересов.

Хотел бы также от всей души поблагодарить коллег – должностных лиц высокого уровня, которые, не имея возможности приехать в Минск, сочли необходимым обратиться к конференции с приветствием!

Видим в этих проявлениях дружественности со стороны как очных, так и заочных участников конференции наглядное

подтверждение поддержки Суда Союза, отмечающего в этом году 10-летие со времени начала его практической деятельности, признание его авторитета и роли как постоянно действующего органа международного правосудия, призванного вносить свой уникальный вклад в усилия по достижению высокой и благородной цели – формирования странами-членами и их народами общего экономического пространства, предусматривающего обеспечение четырех свобод – движения товаров, услуг, капиталов и рабочей силы, основанного на суверенном равенстве, сотрудничестве и солидарности, на дружественных отношениях, спаянных общностью исторических судеб, взаимным уважением их истории, культуры и традиций.

Как и было анонсировано нами на VII Международной конференции Суда, состоявшейся в Минске 21–22 ноября 2024 г., мы несколько изменили фокус обсуждения – с тем чтобы уйти от общих презентаций, сосредоточить внимание на обсуждении конкретных, как теоретических (доктринальных), так и практических вопросов, возникающих в практике Суда в связи с применением Договора о Евразийском экономическом союзе, иных актов права Союза, которые в соответствии со ст. 6 вышеупомянутого Договора и на его основе формируют систему права Союза.

В связи с изложенным сочли целесообразным, продолжая полезный обмен мнениями, начатый в ходе предыдущей сессии конференции, обсудить комплекс вопросов, относящихся к обеспечению верховенства права на пространстве Союза – в условиях действия на этом пространстве Договора о ЕАЭС, созданных в соответствии с ним системы права Союза и системы органов этой международной организации региональной экономической интеграции, неотъемлемым элементом которой, согласно ст. 8 и ст. 19 Договора, является Суд Союза.

Надеемся, что обсуждение этого имеющего сквозное значение комплекса вопросов на первой сессии конференции задаст нужный вектор последующему обмену мнениями и будет продолжено завтра в рамках специализированных форматов конференции: диалога Суда Союза и государств-членов и круглого стола по проблематике представительства в Суде Союза (в первой половине дня), а также организуемых параллельно во второй половине дня 21 ноября второй и третьей сессий конференции, посвященных, соответственно, темам «Таможенное регулирование и развитие внутреннего рынка ЕАЭС» и «Общие правила конкуренции на трансграничных рынках».

Н. И. Кочанова
Председатель Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь

Уважаемый Алексей Александрович!
Уважаемые участники конференции!

От имени Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь и от себя лично рада приветствовать вас на международном форуме, посвященном вопросам обеспечения верховенства права на пространстве Евразийского экономического союза.

Верховенство права – это не только основополагающий принцип легитимности и справедливости правового регулирования, равенства всех перед законом. В глобальном контексте это универсальный постулат защиты прав человека, который является краеугольным камнем современной цивилизации и международного правопорядка. В нем отражены важнейшие цели и ценности современных государств: мир, развитие, права и свободы человека.

Обеспечение верховенства права является фундаментом евразийского интеграционного строительства, важнейшим фактором роста экономик государств – членов Евразийского экономического союза. Это гарантия того, что сотрудничество между нашими народами и странами развивается на принципах законности и справедливости, а в основе всех принимаемых решений – четкие и понятные правовые нормы.

Суду отведена особая роль в содействии реализации положений Договора о Евразийском экономическом союзе и совершенствовании права ЕАЭС. Его решения и юридические позиции становятся ориентиром для национальных судов и органов власти, формируют единые стандарты и укрепляют правовую предсказуемость. В этом смысле Суд – не только хранитель, но

и созидатель правопорядка, архитектор, выстраивающий прочный каркас евразийской интеграции.

Особое значение имеет возможность обращения за судебной защитой в рамках ЕАЭС не только государств, но и субъектов хозяйствования. Это подчеркивает, что право ЕАЭС выступает реальным инструментом защиты интересов бизнеса и граждан, создает условия для справедливой конкуренции и устойчивого экономического роста.

Убеждена, что обмен мнениями между практикующими юристами, судьями, государственными деятелями будет содействовать сближению позиций сторон по наиболее актуальным проблемам правоприменения.

Уважаемые коллеги! Искренне желаю вам плодотворной работы, содержательных дискуссий и новых идей, которые обеспечат справедливые условия для работы всех субъектов Евразийского экономического союза, придадут импульс дальнейшему развитию экономик наших суверенных и независимых государств.

Е. И. Коваленко
Министр юстиции Республики Беларусь

За прошедшие годы Евразийский экономический союз стал самой продвинутой формой экономической интеграции на постсоветском пространстве. Сегодня наш Союз – это не просто договоренность, а мощный фактор экономического роста в регионе, реальный инструмент обеспечения суверенитета и стабильности государств-членов в условиях крайне шаткой глобальной ситуации.

Можно с уверенностью констатировать: этап становления ЕАЭС успешно пройден. Союз утвердился в качестве авторитетной организации, обладающей полноценной международной правосубъектностью.

И сегодня наша ключевая задача – вывести Союз на новый уровень развития. Как точно отметил Президент Беларуси Александр Григорьевич Лукашенко, мы должны строить «ЕАЭС версии 2.0».

Дальнейшее развитие евразийской интеграции требует от нас постановки новых, более серьезных задач и, что крайне важно, рационального распределения ресурсов с особым акцентом на цифровизацию и совместные научно-технические проекты.

Какой бы прочной ни была конструкция, ей нужен надежный фундамент. Таким фундаментом для поступательной эволюции Союза является право ЕАЭС.

За прошедшее десятилетие термин «право ЕАЭС» прочно вошел в нашу повседневную жизнь и вышел далеко за узкий круг экспертов. Акты органов ЕАЭС сегодня напрямую влияют на жизнедеятельность наших стран – это и стабильность общественных отношений, и функционирование бизнеса, и в конечном счете уровень благосостояния наших граждан.

Однако в целях защиты национальных интересов государства-члены иногда используют разные подходы к толкованию и применению норм права Союза. Это неизбежно влечет за собой возникновение барьеров и препятствий на внутреннем рынке.

И поэтому, несмотря на наличие правовой базы, «барьерная» тематика постоянно звучит на заседаниях органов ЕАЭС.

Понятно, что в одиночку, на национальном уровне, обеспечить устойчивость правовой конструкции ЕАЭС невозможно. Без общих усилий мы получим лишь механический набор нормативных правовых актов и будем развиваться по фрагментарному, неэффективному сценарию.

В этом контексте роль Суда Союза, по нашему глубокому убеждению, огромна. Суд Союза призван играть одну из ключевых ролей в достижении общих целей ЕАЭС, закрепленных в Договоре о Евразийском экономическом союзе.

Анализ накопленной судебной практики свидетельствует о том, что за прошедшее время Суд Союза в своих актах сформулировал ряд важных правовых позиций, на которые опираются как органы ЕАЭС, так и национальные суды, а также органы государств-членов при применении права Союза.

Способствуя единообразному правоприменению на территории всех государств-членов и восполняя пробелы правового регулирования, можно говорить о влиянии Суда Союза на эволюцию правовых систем государств – участников ЕАЭС в целом.

Вместе с тем вызовы современности и те условия, в которых мы ежедневно функционируем, выводят задачи Суда ЕАЭС далеко за рамки обеспечения единообразного применения права Союза и восполнения пробелов в регулировании.

В духе сегодняшней откровенной дискуссии следует сказать прямо: мы ставим перед Судом гораздо более амбициозные цели. Прежде всего речь идет об обеспечении дисциплины в имплементации наднациональных решений, а также о поддержании правовой определенности для всех участников межгосударственного образования.

Более того, мы должны думать на опережение и обсуждать возможные пути для дальнейшего развития Суда.

Спасибо за внимание!

А. С. Тукиев
Председатель Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Республики Казахстан

Уважаемые коллеги!

Сегодняшнее заседание посвящено сразу нескольким ключевым вопросам. Поэтому, не отнимая время, перейду сразу к сути. Тематика моего выступления касается вопроса развития судебного диалога между судами стран – участниц ЕАЭС.

Согласованное толкование и применение положений Союза позволяет обеспечивать стабильность внешнеэкономической деятельности и формировать единый правовой подход во взаимоотношениях между участниками.

Одним из направлений, вызывающих наибольшее количество судебных споров, остаются вопросы классификации товаров по Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности.

В судах Республики Казахстан в текущем году наблюдается устойчивая динамика роста обращений по таможенным вопросам. Так, за 10 месяцев т. г. в суды поступило порядка 158 заявлений, касающихся таможенных споров, в том числе возникающих в рамках ЕАЭС. Основная часть этих дел связана с обжалованием решений таможенных органов о классификации товаров.

При этом следует отметить, что существо споров не касалось предварительных решений о классификации, а было обусловлено ошибками участников внешнеэкономической деятельности при заполнении деклараций.

Показательным в этом контексте является пример дела ТОО «К.», в котором рассматривался вопрос правильности классификации препарата «М.». Суд подтвердил позицию таможенных органов, отнеся товар к категории пищевых добавок

(код 2106 ТН ВЭД ЕАЭС), что соответствует решению Коллегии Евразийской экономической комиссии (решение № 119 от 13.09.2021).

Аналогичные вопросы поднимались и в деле ТОО «А.», где предметом спора стало определение кода для жатки, используемой при уборке урожая.

Суды подтвердили правомерность переклассификации оборудования по коду 8433 59 8509, подчеркнув, что очесывающая жатка не выполняет функцию обмолота, а лишь «очесывает» колосья и подает их в молотилку комбайна, что соответствует решению Коллегии ЕЭК № 17 от 13.03.2024.

Или, например, в деле ТОО «S.» суд поддержал позицию импортера, признав правильной классификацию мобильного бетоносмесителя, что соответствует решению Коллегии ЕЭК (решение № 105 от 29.08.2017).

Можно с уверенностью отметить, что национальные суды в подобных спорах опираются на решения Коллегии Евразийской экономической комиссии. **И судебная практика в этих вопросах стабильна и наработана.**

Данные примеры свидетельствуют о необходимости повышения уровня правовой грамотности участников внешнеэкономической деятельности, а также обеспечения единообразного толкования положений таможенного законодательства в рамках ЕАЭС.

Согласно п. 1 ст. 40 Кодекса «О таможенном регулировании в Республике Казахстан» классификация товаров представляет собой поэтапное отнесение товаров к конкретным товарным позициям, субпозициям и подсубпозициям в соответствии с Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности.

При классификации товаров учитываются следующие основные критерии:

– функциональное назначение товара;
– материал (состав), из которого товар изготовлен.

Классификация осуществляется с соблюдением принципа однозначного отнесения товаров, с учетом степени их обработки и на основании Основных правил интерпретации ТН ВЭД, примечаний к разделам, группам и позициям, а также дополнительных пояснений, разъясняющих специфические вопросы.

Таким образом, практика судов Республики Казахстан свидетельствует о необходимости обеспечения единообразного толкования положений таможенного законодательства в рамках ЕАЭС; развития судебного диалога (обмена судебной практикой и выработки совместных подходов между государствами-членами); проведения разъяснительной работы с целью предупреждения ошибок.

Коллеги, хочу отметить еще один момент. В начале этого месяца мы проводили заседание научно-консультативного совета при Верховном Суде Республики Казахстан в рамках проекта нового нормативного постановления Верховного Суда о вопросах применения процессуального законодательства по административным делам.

В рамках обсуждения была отмечена важность учета применения норм международного права и международных договоров.

Правовая гармонизация позволит минимизировать различия в судебных процедурах государств-членов и обеспечить цельность правовой системы ЕАЭС при разрешении споров, связанных с применением союзного права.

В целях повышения эффективности судебного диалога возможно рассмотреть:

– создание координационных списков уполномоченных представителей (офицеров связи) в судебных органах государств-членов, ответственных за оперативный обмен информацией;

– внедрение защищенного канала коммуникации для быстрого взаимодействия между судами по вопросам практики применения норм ЕАЭС;

– проведение регулярных межсудейских консультаций и рабочих встреч для анализа судебной практики и выработки единых подходов.

Реализация данных мер позволит сократить сроки рассмотрения дел, связанных с применением союзного права, повысить согласованность судебных решений и обеспечить формирование устойчивого и эффективного судебного диалога в рамках Евразийского экономического союза.

Благодарю за внимание!

Ч. И. Садырова
судья Верховного Суда Кыргызской Республики

Уважаемые коллеги, дорогие друзья!

От имени Верховного Суда Кыргызской Республики разрешите поприветствовать всех участников VIII Международной конференции Суда Евразийского экономического союза, посвященной теме, имеющей особое значение для наших стран, – обеспечению верховенства права на пространстве Евразийского экономического союза.

Прежде всего позвольте выразить искреннюю благодарность организаторам этой конференции и лично Председателю Суда Евразийского экономического союза Алексею Александровичу за приглашение и возможность диалога на столь представительной площадке, объединяющей судебное сообщество государств – членов ЕАЭС. Такие встречи позволяют не только обменяться опытом, но и совместно искать ответы на вызовы, стоящие перед нашими правовыми системами.

Отдельно хотелось бы отметить профессиональную деятельность судей Суда Евразийского экономического союза, в том числе представляющих нашу страну. Их профессионализм, глубокие знания и верность принципам верховенства права направлены на развитие интеграционного правосудия и способствуют формированию правовых позиций, обеспечивающих баланс интересов государств-членов и защиту прав субъектов экономической деятельности.

Тема нашей встречи глубоко актуальна. Договор о Евразийском экономическом союзе стал не только экономическим, но и правовым фундаментом взаимодействия наших государств. От того, насколько эффективно будут реализованы его

положения, зависит доверие к институтам Союза и устойчивость всей интеграционной системы.

В современных условиях особое значение приобретает комплексное осмысление актуальных правовых вопросов, связанных с применением и толкованием норм Договора о ЕАЭС. И в этом процессе исключительно важную роль играют верховные суды государств-членов, обеспечивающие единообразие судебной практики, правовую определенность и защиту прав участников интеграционного пространства.

Верховенство права – не просто юридический принцип. Это основа доверия граждан к государству, гарантия справедливости и уверенности каждого человека в защите его прав. Именно на этих ценностях строится устойчивое и процветающее общество.

Сегодня, когда сотрудничество государств – членов ЕАЭС становится все более тесным, перед судебными системами стоит ответственная задача – обеспечить единое понимание и последовательное применение права, укрепление взаимного доверия и развитие судебного взаимодействия.

Судебное сотрудничество в рамках Союза служит надежной основой для укрепления правовой интеграции и согласованного развития. Взаимное уважение, обмен опытом и совместная выработка правовых подходов – залог того, что верховенство права останется главным ориентиром для всех наших судебных систем.

Особенно важно уделить внимание следующим ключевым правовым вопросам, возникающим в процессе реализации Договора о ЕАЭС:

– гармонизация законодательств государств – членов ЕАЭС и устранение противоречий между национальным правом и обязательствами Союза;

– обеспечение доступа к правосудию и защита прав участников интеграционных процессов – физических и юридических

лиц, которые работают или осуществляют деятельность на пространстве ЕАЭС;

– реализация судебной практики, способствующей единообразному толкованию и применению норм ЕАЭС, а также мониторинг судебной практики, чтобы различия не приводили к фрагментации правового пространства;

– вопросы признания и исполнения решений судов и нормативных актов государств-членов, обеспечивающие, чтобы интеграционные обязательства не оставались на бумаге, а вступали в действие на практике;

– укрепление механизмов судебного сотрудничества, обмена опытом и информацией между высшими судебными инстанциями стран-членов с целью повышения эффективности правоприменения в интеграционном контексте.

В этом контексте верховные суды государств – членов ЕАЭС выступают ключевыми партнерами интеграции, поскольку именно они:

– обеспечивают стабильность судебной системы и ее соответствие принципам независимости, законности и справедливости;

– формируют и распространяют единообразную судебную практику в вопросах применения судами Конституции, законов, общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров;

– участвуют в развитии интеграционного правового пространства – через обмен опытом, научно-методическое сотрудничество, создание платформ для межсудебного диалога;

– способствуют реализации принципов ЕАЭС на практике, тем самым укрепляя доверие граждан и бизнеса к институтам правосудия на Евразийском уровне.

Кыргызская Республика последовательно выступает за укрепление независимости судов, повышение прозрачности и открытости правосудия. Мы убеждены, что проведение подобных

международных конференций, обмен опытом между судами стран ЕАЭС, взаимное обучение и совместные инициативы будут способствовать развитию общего правового пространства, основанного на принципах справедливости и уважения к праву.

Желаю участникам конференции плодотворных дискуссий, новых идей и конкретных решений, которые послужат делу укрепления верховенства права во всем евразийском пространстве.

Благодарю за внимание.

И. В. Краснов
Председатель Верховного Суда
Российской Федерации

От имени Верховного Суда Российской Федерации и от себя лично приветствую участников VIII Международной конференции Суда Евразийского экономического союза.

Благодаря усилиям Суда ЕАЭС сформирована значимая площадка для открытого обмена мнениями, профессионального диалога и совместного поиска эффективных решений правового и интеграционного взаимодействия.

Авторитетные правовые позиции Суда Союза фактически стали неотъемлемым элементом нашей общей правовой системы: они способствуют единообразию правоприменения, устраняют противоречия в толковании норм и тем самым укрепляют верховенство права в каждом из государств ЕАЭС.

Сегодня, опираясь на этот фундамент, мы можем решать новые задачи по дальнейшему совершенствованию интеграционного правопорядка. Уверен, что только через тесное сотрудничество и постоянный диалог между Судом ЕАЭС и национальными судебными системами мы сможем успешно отвечать на современные вызовы и эффективно совершенствовать право Союза.

Повестка конференции, как всегда, актуальна и своевременна. Обсуждение ее вопросов на экспертном уровне в рамках конференции создает благоприятную основу для дальнейшего углубления экономической интеграции.

Желаю всем участникам конференции плодотворной работы, конструктивных дискуссий и новых профессиональных достижений во имя дальнейшего укрепления верховенства права на пространстве Евразийского экономического союза.

Н. В. Тимошин
Председатель Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации

Уважаемые коллеги!

От имени Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации поздравляю вас с 10-летием со дня начала практической работы Суда Евразийского экономического союза, которая стала ярким примером конструктивного сотрудничества, единства целей и стремления к развитию интеграционных процессов, объединяющих между собой общества разных государств. Особо отмечу, что благодаря вашему профессионализму, опыту и преданности делу были достигнуты значительные успехи в поддержании законности на всем правовом пространстве Евразийского экономического союза.

Организуемая вами VIII Международная конференция «Обеспечение верховенства права на пространстве Евразийского экономического союза» является значимым событием, которое подчеркивает важность соблюдения правовых норм и стандартов в рамках взаимодействия между собой государств – участников Евразийского экономического союза и разрешения возникающих споров.

Уверен, что проведение подобного мероприятия стимулирует совершенствование правовой базы Евразийского экономического союза, повышение доверия к органам Союза и прозрачности их деятельности, что в итоге будет способствовать развитию национальных интересов государств – участников Союза.

Желаю вам и всем участникам конференции ее успешного проведения, свежих идей, новых свершений и достижений во имя блага всех народов, входящих в Евразийский экономический союз!

А. А. Клишас
Председатель Комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству

От имени Комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству и от себя лично приветствую организаторов, участников и гостей VIII Международной конференции Суда Евразийского экономического союза «Обеспечение верховенства права на пространстве ЕАЭС».

Евразийский экономический союз создан для обеспечения свободы движения товаров, услуг, рабочей силы и капитала между странами-участницами, в его рамках обеспечиваются условия для стабильного, устойчивого роста экономик, реализуются крупномасштабные совместные программы и проекты в интересах населения государств-членов.

Современные реалии требуют расширения сотрудничества для формирования эффективного и доступного правосудия в Евразийском экономическом союзе при безусловном соблюдении принципа верховенства прав и свобод человека и гражданина. Важное значение имеет дальнейшая гармонизация законодательства стран-участниц в различных отраслях права.

Особый вклад в эту работу вносит Суд Евразийского экономического союза, который обеспечивает правовую определенность на всем пространстве интеграционного образования и дает ответы на вопросы его участников.

Отрадно отметить, что международная конференция Суда стала авторитетной диалоговой площадкой для обсуждения принципов и подходов к решению проблем, охватывающих весь спектр деятельности Союза.

Уверен, что в условиях новых глобальных вызовов и формирования многополярного мироустройства работа конференции будет способствовать обеспечению законности, дальнейшей гармонизации судебной практики и укреплению межгосударственного взаимодействия между странами-участницами.

Желаю успехов и плодотворной работы.

Б. А. Сагинтаев
Председатель Коллегии
Евразийской экономической комиссии

Уважаемый Алексей Александрович!
Уважаемые участники конференции!

От имени Евразийской экономической комиссии приветствую участников VIII Международной конференции Суда Евразийского экономического союза «Обеспечение верховенства права на пространстве Евразийского экономического союза».

Проводимая Судом Союза ежегодная конференция стала важной профессиональной площадкой для обсуждения ключевых вопросов интеграционного правоприменения и развития судебной практики Союза.

В нынешнем году она проходит в знаменательный период – десятилетие начала практической деятельности Суда, который сыграл значимую роль в становлении наднациональной судебной системы и укреплении принципа верховенства права в нашем общем правовом пространстве.

Суд Союза, обеспечивая единообразное применение Договора о Евразийском экономическом союзе, формирует правовые ориентиры, способствующие устойчивому развитию внутреннего рынка, защите прав и законных интересов государств-членов и хозяйствующих субъектов.

Его деятельность является важнейшим элементом правовой системы Союза, обеспечивающей доверие к интеграционным институтам и стабильность правовой среды.

Для Комиссии вопросы верховенства права, предсказуемости и прозрачности правоприменения являются стратегическим приоритетом.

Эффективное взаимодействие Суда Союза и Комиссии способствует повышению качества нормотворчества, обеспечивает правовую определенность для участников экономических отношений и единообразное применение права Союза.

Особого внимания заслуживают вопросы повышения эффективности судебных процедур, укрепления взаимодействия Суда Союза с национальными судебными системами и повышения правовой грамотности участников интеграционного процесса. Эти направления служат важным условием дальнейшего развития Союза, его способности гибко и эффективно адаптироваться к стремительно развивающимся экономическим отношениям в современном мире.

Убежден, что конференция станет авторитетной площадкой для содержательного обсуждения насущных вопросов интеграционного правосудия, обмена опытом и выработки предложений, направленных на совершенствование правовой системы Союза и дальнейшее укрепление его институтов.

Желаю участникам конференции плодотворной работы, конструктивного диалога и новых идей для укрепления правовых основ евразийской интеграции!

И. В. Петришенко
первый заместитель Генерального секретаря Содружества Независимых Государств

Уважаемый Алексей Александрович!
Уважаемые участники конференции!

Позвольте выразить благодарность за приглашение и поприветствовать всех гостей.

Проведение конференции Судом Евразийского экономического союза уже стало доброй традицией, и Исполнительный комитет Содружества Независимых Государств всегда с интересом принимает в ней участие.

VIII конференция посвящена вопросу обеспечения верховенства права на пространстве Евразийского экономического союза – одному из важнейших вопросов в ряду задач, решаемых государствами-членами и органами Союза.

Для всех очевидно, что верховенство права в международных отношениях достигается прежде всего абсолютной приверженностью их участников принципу добросовестного выполнения своих международных обязательств.

Ответственность за успешное развитие любой интеграции и выполнение международных договоров лежит именно на государствах. Это включает в себя не только обеспечение вступления договоров в силу и их имплементацию в национальное законодательство, но и соблюдение условий договоров, а также принятие конкретных мер для их исполнения.

Роль международных институтов, каковыми выступают исполнительные и судебные органы международных организаций и объединений, не менее важна в достижении этой цели.

Каждый из них, реализуя предоставленную компетенцию, вносит вклад в создание необходимых условий для соблюдения

и добросовестного выполнения странами своих международных обязательств.

Так, Статутом Суда ЕАЭС предусмотрено, что целью его деятельности является обеспечение единообразного применения государствами-членами международных договоров.

Полагаю, что эту цель можно назвать первостепенной для судебного органа любого интеграционного объединения. Поскольку, если участники интеграции обращаются к такому органу преимущественно для разрешения споров, что порой бывает неизбежным, такое сотрудничество будет сложно назвать эффективным.

Кроме того, уверен, что правовые позиции, зафиксированные в толковательных судебных актах, должны быть востребованы на этапе не только правоприменения, но и нормотворчества.

В консультативных заключениях по делам о разъяснении могут содержаться пусть и не прямые указания, но своего рода рекомендации, которые имеют ценное значение для последующего регулирования отношений между странами.

Необходимо отдать должное и экспертному мнению международных судебных институтов. Формируемое в условиях активного взаимодействия с профессиональным и академическим сообществом, оно должно занимать свое место в деле развития интеграционного сотрудничества.

В этом проявляется значение и важность инициативы Суда ЕАЭС по проведению этой ежегодной конференции, которая выступает одним из эффективных элементов взаимодействия Суда с государствами.

Уважаемые участники! В условиях функционирования нескольких интеграционных объединений со схожими целями задача обеспечения верховенства права становится более комплексной. Это наблюдается сегодня на примере выстраивания экономических отношений в рамках ЕАЭС и СНГ.

Содружество Независимых Государств, являясь первым интеграционным объединением на постсоветском пространстве, обеспечивает сотрудничество по наиболее широкому спектру направлений – в политической, социально-экономической, гуманитарной, правоохранительной, военной и других сферах. Для этого наработана солидная правовая база и созданы необходимые механизмы. Именно СНГ обеспечивает равноправное взаимодействие государств-участников в этих сферах, независимо от их членства в других организациях.

Евразийский экономический союз – объединение с более глубоким и скоростным уровнем региональной экономической интеграции.

В экономической сфере оба объединения решают во многом схожие задачи, развивают одни и те же направления сотрудничества, разрабатывают и принимают документы, регулирующие смежные вопросы.

Как следствие, в ряде случаев мы можем сталкиваться с двойным регулированием и определенными коллизиями норм.

Например, злободневной проблемой остается выявление и устранение технических барьеров во взаимной торговле. Иногда на практике вместо упрощения правил и процедур мы получаем технические и административные барьеры для субъектов экономических отношений и граждан из стран, входящих и не входящих в ЕАЭС.

На сегодняшний день в процедурах устранения технических барьеров государства – участники СНГ, не входящие в состав ЕАЭС, фактически приравнены к статусу третьих стран, что не соответствует заявленным целям сотрудничества в СНГ.

Я уже отмечал на Евразийском экономическом форуме и повторю снова, что динамика экономического взаимодействия на евразийском пространстве такова, что все острее встает вопрос эффективного сопряжения экономических форматов

Евразийского экономического союза и Содружества Независимых Государств.

Обсуждается это и на самом высоком уровне. Как недавно подчеркнул Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко, «сопряжение двух форматов помогает государствам масштабировать потенциал экономического сотрудничества на широкий интеграционный контур, совместно решать самые сложные задачи в реальном секторе экономики».

Мы видим в этом призыв к более активному и глубокому взаимодействию национальных органов, органов СНГ и ЕАЭС в рамках двух объединений для «подтягивания» уровня экономического сотрудничества стран СНГ до уровня Евразийского экономического союза, опираясь на его опыт и очевидный позитивный эффект.

Правовая база СНГ в сфере экономического сотрудничества также значительна и включает более 250 международных договоров по различным направлениям.

Экономические отношения между странами Содружества, входящими и не входящими в ЕАЭС, регулируются такими важнейшими договорами, как Договор о зоне свободной торговли, Соглашение о свободной торговле услугами, Соглашение о Правилах определения страны происхождения товаров и многими другими.

Постоянно ведется работа над новыми проектами договоров. И в этой работе нам необходимо стремиться к максимальному устранению барьеров между странами Содружества, независимо от их участия в ЕАЭС.

Органами СНГ и ЕАЭС на сегодняшний день уже предпринимаются определенные меры в этом направлении.

Налажено взаимодействие между Евразийской экономической комиссией и Исполнительным комитетом СНГ, отраслевыми органами Содружества.

Сложилась практика участия руководства исполнительных структур СНГ и ЕАЭС в заседаниях высших органов.

В рамках взаимодействия особое внимание уделяется вопросу недопущения коллизий в правовом регулировании смежных отношений, сближения правовых норм СНГ и ЕАЭС.

Как положительный пример можно привести согласование документов в сфере транспорта и межгосударственных перевозок по автомобильным дорогам.

Уверен, что наша совместная работа будет продолжена и принесет ожидаемый положительный эффект, поскольку наличие широких возможностей и перспектив для взаимодействия между СНГ и ЕАЭС очевидно, а его необходимость поддерживается на самом высоком уровне.

Отмечу, что в Содружестве для этого уже созданы необходимые условия.

Советом глав государств СНГ определен порядок предоставления статусов «Наблюдатель при СНГ» и «Партнер СНГ».

В октябре этого года статус наблюдателя был предоставлен Шанхайской организации сотрудничества.

На том же заседании учрежден новый формат сотрудничества с другими государствами, их объединениями и международными организациями – «СНГ плюс».

В этой части для нас интересен опыт развития отношений структур ЕАЭС с другими странами и межгосударственными объединениями.

Возможно, взаимная поддержка в этой области оказала бы ощутимый эффект для наших стран в рамках обеих организаций.

Уважаемые друзья! Завершая свое выступление, хочу пожелать коллективу Суда Евразийского экономического союза успехов в решении поставленной перед ним задачи по поддержанию атмосферы согласия и взаимопонимания в Союзе. А гостям конференции – интересной, насыщенной работы и содержательных дискуссий.

Спасибо за внимание.

Г. К. Нурбаев
Председатель Экономического Суда
Содружества Независимых Государств

Уважаемые гости, организаторы и участники конференции!

Позвольте поприветствовать вас от имени Экономического Суда Содружества Независимых Государств.

Тематика конференции чрезвычайно актуальна не только для государств – членов Евразийского экономического союза. Обеспечение реального верховенства права и эффективное взаимодействие с национальными органами, осуществляющими государственную правовую политику, являются важным ориентиром и для государств – участников Содружества Независимых Государств. Поэтому хотелось бы подчеркнуть особое значение наших международных судебных органов – Суда ЕАЭС и Экономического Суда СНГ – в обеспечении верховенства права и правовой интеграции на всем евразийском пространстве.

В этой связи следует отметить, что оценка эффективности деятельности любого международного суда базируется не на количестве рассмотренных дел, а на том, насколько эффективно он способен справляться с возложенными на него задачами, как он позиционируется во внешнем пространстве, насколько активно взаимодействует с национальными и международными органами, иными организациями государств и международным сообществом.

Роль и значение региональных международных судов как межгосударственных арбитров уникальны, так как именно они своей деятельностью в значительной мере обеспечивают единообразное понимание и применение норм права своих интеграционных объединений и норм международного права в целом. Наши международные суды – это гарантия добросовестного

исполнения государствами региона обязательств, возложенных на них заключенными в рамках СНГ и ЕАЭС международными договорами. Сама возможность обратиться в такой суд для рассмотрения возникающих между государствами спорных вопросов имеет организующее и стабилизирующее значение.

При этом обращение в международный суд не должно рассматриваться как признак слабости или некомпетентности соответствующих государственных органов или свидетельство неэффективности их деятельности. Рассмотрение дела в суде – это цивилизованный мирный способ урегулирования любой конфликтной ситуации. Стороны сознательно прибегают к судебному механизму разрешения спора, поскольку судебный процесс обеспечивает возможность выслушать обе стороны, узнать мнение экспертов и получить объективное решение, вынесенное независимым судом.

Таким образом, обращение в международный суд для разрешения споров и толкования правовых норм – это свидетельство зрелости правовой системы конкретного государства, проявление уважения к международным обязательствам и подтверждение того, что государство стремится к транспарентности, справедливости и единообразию правоприменения.

Кроме того, на евразийском пространстве обращение в международный суд должно рассматриваться как эффективный инструмент правовой интеграции и укрепления доверия между государствами, поскольку позволяет снять возможные противоречия и перевести спорную или неоднозначно понимаемую ситуацию в правовую плоскость.

Содружество Независимых Государств и Экономический Суд СНГ как его уставной орган всегда были сторонниками сопряжения деятельности международных интеграционных объединений с созвучными целями и задачами в евразийском регионе.

Уверен, что Экономический Суд СНГ и Суд Евразийского экономического союза могут конструктивно взаимодействовать, поддерживая, дополняя и обогащая друг друга.

В заключение хочу поблагодарить Суд Евразийского экономического союза и лично его Председателя, уважаемого Алексея Александровича, за предоставленную возможность участвовать в таком представительном мероприятии и пожелать участникам конференции плодотворной работы, интересных и конструктивных дискуссий.

Вступительное слово Председателя Суда Евразийского экономического союза А. А. Дронова

Уважаемые участники конференции!

В этом году мы отмечаем 80-летие победы во Второй мировой войне, решающий вклад в которую внес многонациональный народ СССР, наследниками и хранителями памяти о которой являются народы постсоветских республик, в том числе пяти государств, входящих в Евразийский экономический союз (ЕАЭС). Одним из важнейших итогов Великой Победы стало создание Организации Объединенных Наций, принятие ее Устава, воплотившего выстраданные человечеством цели и принципы, ставшие ядром современного международного права, основанного на принципах суверенного равенства государств, развития сотрудничества и дружественных отношений между нациями, запрета на применение силы или угрозы силой в международных отношениях в нарушение Устава ООН, добросовестного выполнения государствами их обязательств, принятых в соответствии с Уставом ООН, всеобщего уважения прав человека и основных свобод.

В Декларации совещания на высоком уровне по вопросу о верховенстве права на национальном и международном уровне, принятой резолюцией 67/1 Генеральной Ассамблеи ООН от 24 сентября 2012 г., главы государств и правительств единодушно, без голосования подтвердили «неизменную приверженность международному праву и правосудию, а также международному порядку на основе верховенства права» (п. 1), выразили «убежденность в том, что верховенство права и развитие тесно взаимосвязаны, являются взаимоусиливающими и что утверждение принципов верховенства права на национальном и международном уровнях

имеет важнейшее значение для поступательного и всеохватного экономического роста и устойчивого развития» (п. 7).

В докладе Генерального секретаря ООН (документ A/66/749), по итогам рассмотрения которого была принята вышеупомянутая Декларация, верховенство права определялось как «принцип управления, в соответствии с которым все лица, учреждения и структуры, государственные и частные, в том числе само государство, функционируют под действием законов, публично принятых, в равной степени исполняемых, независимо реализуемых судебными органами и совместимых с международными нормами и стандартами в области прав человека».

Подтвердив в преамбуле Договора о Евразийском экономическом союзе (далее – Договор) «приверженность целям и принципам Устава ООН, другим общепризнанным принципам и нормам международного права», а также зафиксировав в ст. 3 Договора положение, в соответствии с которым «уважение общепризнанных принципов и норм международного права, включая принципы суверенного равенства государств-членов и их территориальной целостности», отнесены к категории «основных принципов функционирования Союза», добросовестное соблюдение которых, по смыслу данной статьи, является необходимым условием выполнения Союзом его функций, государства-члены закрепили императив верховенства права в качестве базового параметра процесса экономической интеграции в рамках Союза, деятельности и развития его институтов.

Заключение Договора о ЕАЭС привело *de jure* к существенной трансформации архитектуры и системы регулирования правоотношений на пространстве Союза, последствия которой, видимо, пока не осмыслены в полной мере, но оказывают серьезное влияние на осуществление на этом пространстве принципа верховенства права.

Государствами-членами в соответствии с Договором учрежден новый субъект международного права в виде между-

народной организации региональной экономической интеграции, целью создания и смыслом деятельности которой является обеспечение на общем пространстве, состоящем из территорий этих государств, в их общих интересах единого правового режима, предусматривающего свободу движения товаров, услуг, капиталов и рабочей силы, формирование общего (единого) рынка.

Для достижения этих целей государства-члены передали учрежденному ими межгосударственному объединению часть своих суверенных полномочий, наделив его органы правом в установленных Договором случаях и пределах принимать юридически обязательные решения, имеющие прямое действие и подлежащие непосредственному применению на территориях государств-членов, а также создали систему права Союза, конституирующую основу которой формирует Договор о ЕАЭС, на котором выстраивается свод норм, юридическая сила которых зависит от их источника (международный договор или акт вторичного права) и статуса принявшего их органа Союза. В целях осуществления предоставленной Союзу компетенции создана система его органов, которая включает Евразийскую экономическую комиссию (ЕЭК) – постоянно действующий регулирующий орган Союза, обеспечивающий его функционирование и развитие, и Суд Союза – его постоянно действующий судебный орган.

При этом в соответствии со ст. 1 Договора в рамках Союза проводится скоординированная, согласованная или единая политика в отраслях экономики, определенных Договором, международными договорами в рамках Союза. Через правовые категории политик (ст. 2 Договора) описываются пределы и объемы, в которых государства-члены передали Союзу часть их суверенных полномочий, и присущий каждой из них превалирующий метод правового регулирования. Для областей, отнесенных Договором к единой политике, это метод правовой унификации; к согласованной политике – гармонизации правового регулирования, в том числе на основе решений органов

Союза; к скоординированной – определение общих подходов, одобренных органами Союза и необходимых для достижения целей Союза, на основе которых государства-члены осуществляют сотрудничество в соответствующих областях.

Таким образом, государствами-членами на основе Договора о ЕАЭС определена область общественных отношений, применительно к которой их долгосрочным национальным интересам отвечает использование единого правового регулирования, обеспечиваемое созданным ими общим (союзным) механизмом, которому они в этих целях согласились передать часть своих суверенных полномочий. Тем самым отказались от их индивидуального осуществления в рамках своих национальных прерогатив. При этом объект Договора не статичен, а динамичен: цель заключения Договора – создание пространства четырех свобод, которая к настоящему времени реализована только частично, определяет направленность и основное содержание происходящего в рамках Союза процесса евразийской экономической интеграции, рассчитанного на длительную перспективу, и предполагает постепенное, с общего согласия государств-членов, расширение области единой политики, т. е. сферы действия интеграционного правопорядка, предусматривающего унифицированное правовое регулирование на основе международных договоров в рамках Союза и решений его органов.

Единое правовое регулирование, в свою очередь, *a priori* предполагает единообразное понимание и применение принципов и норм, на которых оно основывается, самим регулятором и иными правоприменителями. Речь не только об узкоюридическом значении этих принципов и норм, а об их понимании, базирующемся на общей, отвечающей духу союзничества мировоззренческой основе, ряд важных постулатов которой заложен в преамбуле Договора о ЕАЭС.

Что касается правоотношений, составляющих предмет регулирования Договора, и основанных на нем актов права Союза,

то круг субъектов, которые здесь выступают или должны выступать правоприменителями, наряду с органами Союза, охватывает государства-члены – в лице их органов законодательной, исполнительной и судебной власти, а также частных лиц, вовлеченных в осуществление экономической деятельности на пространстве ЕАЭС.

В свете вышеизложенного обеспечение единообразного применения Договора, иных актов права Союза всеми его государствами-членами и органами Союза, которое согласно п. 2 Статута Суда составляет цель его деятельности, одновременно является одним из базовых принципов функционирования и последовательного развития системы права Союза, достижения целей Договора. Добросовестное сотрудничество государств-членов и органов Союза для обеспечения единообразного применения права Союза – один из ключевых элементов вытекающего из ст. 3 Договора обязательства по созданию благоприятных условий выполнения Союзом его функций и непринятию мер, способных поставить под угрозу достижение целей Союза, во многом определяющий содержательное наполнение принципа верховенства права в его проекции на пространство ЕАЭС.

В этом смысле императив единообразного применения Договора, иных актов права Союза всеми государствами-членами и органами Союза выступает в качестве одного из ключевых элементов формируемого в рамках Союза (интеграционного) публичного порядка. Кроме того, поскольку обеспечение такого единообразного правоприменения на территориях всех государств-членов, составляющих пространство ЕАЭС, является условием, при соблюдении которого каждое из них согласилось на передачу Союзу части своих суверенных регулятивных полномочий, осуществление этого принципа, очевидно, становится элементом и их национального публичного порядка. Вопрос для осмысления в правовой доктрине – как и многие другие

вопросы, включая содержание понятия «единообразное применение права Союза».

Как представляется, изложенные соображения стоит учитывать, когда речь заходит о подходе к толкованию и применению положений Договора, определяющих статус и компетенцию Суда Союза, а также об оценке правового эффекта, в том числе исполнимости принимаемых им актов (решений по спорам и консультативных заключений) в рамках как интеграционного правопорядка Союза, так и национальных правопорядков государств-членов. Намерены предметно обсудить этот блок вопросов и в рамках диалога Суда Союза с высшими судебными инстанциями государств-членов («Диалога Судов»), который имеет критически важное значение в контексте обеспечения единообразного применения права Союза в государствах-членах и который важно перевести на постоянную, системную основу.

Речь, конечно, не о том, чтобы искусственно раздвигать пределы, в которых Договором и Статутом установлена компетенция Суда. Вместе с тем едва ли оправданно, основываясь на содержании отдельных норм Статута, делать выводы, способные вести к недооценке потенциала и роли Суда Союза как постоянно действующего судебного органа межгосударственного интеграционного объединения, притом наделенного функцией нормоконтроля, что, по моему убеждению, имело бы негативные последствия не только для дальнейшего развития в рамках Союза института международного правосудия, но и для продвижения процесса евразийской экономической интеграции на основе верховенства права.

В связи с изложенным хотел бы привлечь внимание к ряду аспектов, иллюстрирующих роль Суда Союза в обеспечении верховенства права на пространстве ЕАЭС.

Право Союза, разновидность системы интеграционного права, как ранее отмечалось, имеет сложную архитектуру. При

этом, будучи относительно автономной, действует и развивается в тесном взаимодействии с международным правом и национальными правопорядками государств-членов.

Несмотря на то, что ЕАЭС существует более 10 лет, процессы формирования его институтов, включая право Союза, как и имманентной процессу евразийской интеграции формы правосознания, наличие которой – важный системный фактор эффективного применения права Союза и динамичного развития его системы, не завершены. В этой связи на данном этапе евразийской экономической интеграции роль практики Суда ЕАЭС, в том числе в контексте обеспечения единообразного применения права Союза, не ограничивается решением непосредственной задачи – разрешением споров, возникающих по вопросам реализации Договора о ЕАЭС, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза между государствами-членами, государствами-членами и ЕЭК, Комиссией и хозяйствующими субъектами (п. 39 Статута). Исходя из п. 2 Статута, роль Суда видится весьма востребованной в формировании – при рассмотрении им как заявлений о разъяснении, так и заявлений по спорам – правовых позиций, обосновывающих его судебные акты, позволяющих восполнять пробелы, устранять неопределенность и двусмысленность, возникающие у субъектов правоотношений в процессе реализации Договора, иных актов права Союза, информировать об этих правовых позициях общественность наших стран.

В этой связи в целом положительной тенденцией, по моему мнению, можно считать заметное возрастание интереса государств-членов, Евразийской экономической комиссии и международных служащих Союза к использованию консультативных заключений для получения разъяснений положений Договора, иных актов права Союза, которые, по мнению заявителей, являются пробельными, двусмысленными и/или создают правовую неопределенность.

В 2024 г. в Суд поступило семь таких обращений, по трем из которых вынесено консультативное заключение. В этом году за первые 10 месяцев поступило шесть новых заявлений о разъяснении (ожидаем еще), с начала года рассмотрено в общей сложности четыре, еще четыре ожидают рассмотрения. Расширяется тематический диапазон заявлений о разъяснении, который в 2024–2025 гг., наряду с традиционно превалирующими вопросами функционирования Таможенного союза и защиты добросовестной конкуренции на трансграничных рынках, охватывает вопросы политики в области воздушного и железнодорожного транспорта, трудовой миграции, правового статуса и гарантий прав международных служащих Союза. Сожалеем, что в ЕЭК не получило достаточной поддержки предложение курирующего члена Коллегии (министра) о направлении в Суд заявления о разъяснении положений Договора, касающихся технического регулирования.

Ценность консультативных заключений как инструмента развития права Союза несомненна: не являясь для сторон юридически обязательными (жестким правом), они позволяют постоянно действующему Суду на основе толкования применимых норм права Союза в их системной взаимосвязи, в свете объекта и цели Договора о ЕАЭС, а также с учетом правоприменительной практики Комиссии и государств-членов (включая их конституционные и верховные суды) формулировать правовые позиции, которые, исходя из п. 2 Статута, призваны служить общим знаменателем или ориентиром для единообразного применения норм права Союза – без ущерба для права государств-членов достигать такого эффекта посредством совместного (аутентичного) толкования соответствующего международного договора (п. 47 Статута).

Более того, в соответствии с императивом обеспечения единообразного применения права Союза, принципами добросовестности и сотрудничества Комиссия и государства-члены не могут просто игнорировать консультативные заключения

Суда, ссылаясь на их рекомендательный характер (п. 48 Статута), не рассматривая изложенные в них правовые позиции на предмет возможного учета в нормотворческой и/или правоприменительной практике. Явно выраженное или молчаливое согласие Комиссии и государств-членов с правовыми позициями, формируемыми Судом в консультативных заключениях, может быть важным – эффективным и гибким – способом развития права Союза и совершенствования практики его применения, органично дополняя нередко весьма трудоемкие и занимающие немало времени усилия Комиссии и государств-членов по разработке и принятию актов позитивного права (в виде внесения поправок в Договор о ЕАЭС, международных договоров в рамках Союза и/или принятие решений органов Союза).

Наконец, в отсутствие в рамках ЕАЭС института преюдициального запроса консультативные заключения могут использоваться для получения разъяснений по вопросам толкования и применения норм права Союза, возникающим при рассмотрении конкретных дел национальными судами, а также для тестирования этого института на предмет определения оптимальной модели его внедрения в рамках ЕАЭС.

Знаковым событием, показывающим роль Суда ЕАЭС в обеспечении на уровне Союза конституционных прав и свобод граждан, стало обращение Евразийской экономической комиссии в Суд с заявлением о разъяснении по делу о праве физических лиц на оспаривание актов, действий (бездействия) в сфере конкуренции (№ Р-6/24), по итогам рассмотрения которого Суд 12 февраля 2025 г. вынес консультативное заключение, констатировав наличие у Комиссии полномочий привлекать к ответственности за нарушение общих правил конкуренции на трансграничном рынке несколько категорий физических лиц, из которых только одна (лица, имеющие статус индивидуальных предпринимателей), в соответствии с п. 39 Статута, наделена правом на обжалование решений ЕЭК в Суде Союза, что нарушает право соответствующих

категорий физлиц на судебную защиту. Этот акт Суда послужил стимулом для активизации Комиссией работы по подготовке и согласованию с государствами-членами проекта соответствующих поправок в Статут Суда и Протокол об общих принципах и правилах конкуренции (приложение № 19 к Договору).

Однако вызывает серьезную обеспокоенность, что до настоящего времени процедура внутригосударственного согласования вышеупомянутых поправок не завершена, текст соответствующего протокола не принят, процедура его ратификации в государствах-членах не запущена. Представляется крайне нежелательным пролонгирование этой ситуации, которая несовместима с основными принципами функционирования Союза, затрагивает конституционное право граждан на судебную защиту. Хотел бы воспользоваться настоящей возможностью, чтобы обратиться к Комиссии и представителям государств-членов с призывом поспособствовать скорейшему завершению внутренних процедур, необходимых для вступления протокола о поправках в силу.

Эта ситуация, как представляется, заслуживает серьезного внимания со стороны Комиссии и государств-членов, т. к. свидетельствует о потенциальном наличии в сфере действия Договора и иных серых зон, где передача государствами-членами части их суверенных (в том числе властных) полномочий Союзу могла не сопровождаться созданием для субъектов соответствующих правоотношений доступа к механизму судебной защиты их прав. В общих интересах в превентивном порядке выявлять такие серые зоны и, в случае их наличия, принимать меры к их устранению.

В данном контексте уместно упомянуть о положении Договора, имеющем принципиально важное значение как в плане толкования и применения Договора, развития системы права Союза, так и в плане выстраивания – на началах комплементарности – взаимодействия Суда Союза с национальными судебными системами государств-членов, а именно об установленном в третьем абзаце преамбулы Договора принципе, согласно

которому государства-члены при создании Союза руководствуются «необходимостью безусловного соблюдения принципа верховенства конституционных прав и свобод человека и гражданина». Этот принцип оказал и продолжает оказывать самое серьезное влияние на практику Суда Союза, позиция которого начиная с 2018 г. (когда им было вынесено консультативное заключение по делу № Р-5/18 о пенсионном обеспечении должностных лиц и сотрудников органов ЕАЭС) неизменно состоит в том, что уровень конституционных прав и свобод, гарантированный Союзом, не может быть ниже, чем он обеспечивается в государствах-членах. Такой, основанный на Договоре, подход, ставший стимулом живого (как теоретического, так и практического) интереса Суда к конституционной традиции государств-членов, практике их конституционных и верховных судов, позволяет избежать системного конфликта наднациональной и национальных юрисдикций, который наблюдаем в ЕС.

Получила продолжение ранее наметившаяся тенденция использования государствами-членами обращения в Суд с заявлениями о разъяснении положений Договора, иных актов права Союза, в отношении толкования и применения которых в конкретных правоотношениях между государствами-членами возникают разногласия или споры. Свежие примеры таких заявлений – обращения Министерства транспорта и коммуникаций Кыргызской Республики по вопросу применения унифицированного тарифа к железнодорожным перевозкам (дело № Р-2/25) и Министерства юстиции Республики Беларусь по вопросу осуществления авиаперевозок (дело № Р-5/25), в котором ставился вопрос о применении раздела XV Договора, касающегося торговли услугами, к услугам воздушного транспорта. По обоим делам, которые оказались весьма непростыми, Суд Союза вынес консультативные заключения.

Думается, что подобная практика нуждается в определенном осмыслении. Не подлежит сомнению право государств-членов

на основании п. 39 Статута обращаться в Суд Союза за разъяснениями положений Договора, иных актов права Союза, применение (или неприменение) которых к тому или иному конкретному правоотношению вызывает разногласия или даже спор между государствами-членами. Хорошо, если выносимые Судом консультативные заключения способствуют достижению сторонами желаемого урегулирования, позволяют избежать передачи в Суд межгосударственного спора. Следует, однако, учитывать, что при вынесении консультативного заключения Суд, исходя из Статута, не вправе давать оценку вопросам, составляющим существо конкретного спора или разногласия, обязан ограничиваться общим разъяснением смысла норм права Союза, не привязываясь к той или иной конкретной ситуации, послужившей мотивом для обращения в Суд. В контексте рассмотрения подобных дел возникают и вопросы процедурного порядка, например, в части, касающейся обеспечения в ходе процесса равного отношения к сторонам, интересы которых затронуты спорной ситуацией, ставшей поводом для обращения в Суд с заявлением о разъяснении (Регламентом Суда этот вопрос не урегулирован).

Заслуживает внимания, положительной оценки и дальнейшего использования опыт, когда уполномоченные органы государств-членов в сотрудничестве с компетентными национальными ведомствами, экспертным и бизнес-сообществом, находящимися на переднем крае практики применения норм права Союза, выявляют его проблемные аспекты, затрагивающие права и законные интересы хозяйствующих субъектов (обусловленные, например, их правовой неопределенностью или двусмысленностью), формулируют на этой основе вопросы, касающиеся соответствующих (конкретных) положений Договора, иных актов права Союза, и обращаются за разъяснением по ним в Суд на основании п. 46 Статута. В этой связи упомяну консультативное заключение № Р-4/24 о предварительных решениях о таможенной классификации товаров, вынесенное на основании обращения Генеральной

прокуратуры Российской Федерации, и консультативное заключение № Р-3/24 о соотношении конкуренции и государственных закупок, вынесенное по запросу Агентства по защите и развитию конкуренции Республики Казахстан, поводом для которого явилось обращение Национальной палаты предпринимателей «Атамекен». Как представляется, здесь благодатное поле для сотрудничества уполномоченных органов государств-членов, курирующих вопросы Суда ЕАЭС, с юридическим сообществом и объединениями предпринимателей, результаты которого могут оказать заметное влияние на динамику развития практики Суда и права ЕАЭС.

Представляется все же, что в плане обеспечения устойчивости и последовательности единообразного применения права Союза консультативные заключения не могут в полной мере на перспективу заменить институт преюдициального запроса, задействование которого могло бы позволить поставить взаимодействие Суда Союза с национальными правовыми системами на прочную основу. Убежден, что от обсуждения данной темы нам не уйти. Остаются актуальными и нуждаются в обсуждении с участием академических кругов и представителей бизнес-сообщества и иные меры, способные заметно повысить эффективность Суда Союза: закрепление в национальных правопорядках возможности приостановления судебного разбирательства при наличии параллельного процесса в Суде Союза, а также возможность пересмотра дел национальными судами вследствие вынесения решения Судом Союза.

По сравнению с предыдущим годом заметно снизилось количество заявлений по спорам хозяйствующих субъектов, рассмотрение которых – одно из ключевых направлений работы Суда (в прошлом году их поступило десять, рассмотрено восемь; в этом – рассмотрено три, из которых только одно поступило в 2025 г.). В частности, в текущем году, в отличие от прошлых лет, в Суд не поступило ни одного заявления об обжаловании решений ЕЭК по таможенной классификации (один

из наиболее сложных вопросов функционирования таможенного союза). Это может быть следствием различных, в том числе случайных факторов. Не исключаю, что на это могла некоторым образом повлиять и практика Суда Союза. Считал бы полезным обмен мнениями на этот счет в ходе конференции и, в частности, ее второй сессии, посвященной таможенному регулированию и развитию внутреннего рынка.

Уважаемые коллеги, Суд Союза – единственный на сегодня межгосударственный орган международного правосудия, который действует на постсоветском пространстве на постоянной основе, применяя не только право ЕАЭС, но также нормы международного права и международный обычай. Практика Суда, который за 10 лет своей работы рассмотрел более 100 дел, и общение с судьями – источник живого знания о праве Союза и его применении. Возможности Суда (пусть и ограниченные) стоит использовать для продолжения и наращивания усилий по формированию в наших обществах правосознания, отвечающего реалиям существования системы права Союза и потребностям развития евразийской интеграции. Решение этой масштабной задачи, очевидно, потребует консолидации усилий органов Союза, государств-членов, академических кругов, юридической общественности. Проведенные новым составом Суда мероприятия и встречи во всех государствах-членах позволяют говорить о низкой степени осведомленности общественности наших стран, в том числе их профессионального сообщества, о праве Союза и деятельности его институтов (включая Суд) при потенциально значительном интересе к данной проблематике, о чем свидетельствуют, в частности, итоги просветительского мероприятия «День Суда ЕАЭС», организованного Судом Союза совместно с Российской академией народного хозяйства и госслужбы (РАНХиГС) и Евразийским учебным институтом МГИМО (У) МИД России. Наблюдается дефицит специалистов, занимающихся преподаванием права ЕАЭС, профильных

программ обучения и повышения квалификации. Здесь намечаются позитивные сдвиги, но этой работе необходимо придать надлежащий импульс, вести дело к ее переводу на системную основу, включая ее соответствующее финансирование с использованием возможностей бюджета Союза и государств-членов. То же касается поддержки программ научных исследований и публикаций в области права Союза как вида интеграционного права и практики его применения, для чего, как представляется, могли бы использоваться бюджетные средства, выделяемые ЕЭК на цели научно-исследовательских разработок (НИР).

Дефицит специалистов, свободно владеющих навыками и имеющих достаточный опыт работы с процессуальными и материальными нормами права Союза, неблагоприятно отражается на количестве обращений в Суд и качестве представительства в Суде Союза, особенно хозяйствующих субъектов, что, в свою очередь, негативно сказывается на практике Суда Союза. В данном контексте также считаю необходимым привлечь внимание к важности обеспечения очного (а не дистанционного) участия в проводимых Судом процессах представителей профильных департаментов и ведущих экспертов ЕЭК, выделения на эти цели соответствующего финансирования. В этой связи вызывает обеспокоенность тенденция к урезанию этой статьи расходов Комиссии. Хотел бы подтвердить открытость Суда к диалогу и сотрудничеству с юридическим сообществом по вопросам повышения качества представительства в нем.

В заключение хотел бы вновь выразить признательность всем гостям, особенно прибывшим к нам издалека, за интерес к обсуждению проблематики деятельности Суда и пожелать всем нам интересной и продуктивной дискуссии, а также радости от дружеского общения и пребывания в городе-герое Минске!

Сессия I
Роль Суда Союза в обеспечении верховенства права на пространстве Евразийского экономического союза

В. В. Войников
профессор Высшей школы права, Балтийский федеральный университет,
профессор кафедры интеграционного права и прав человека, МГИМО МИД России,
ведущий научный сотрудник Центра европейских и евразийских правовых исследований юридического факультета, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского

Роль Суда ЕАЭС в выявлении пробелов в правовом регулировании в рамках Союза

Введение

В соответствии со Статутом Суда[1] основная задача Суда ЕАЭС состоит в обеспечении единообразного применения права Союза. Однако правоприменительная практика показывает, что наряду с основной следует выделить дополнительные задачи, которые включают в себя как совершенствование права Союза, так и предварительный нормоконтроль[2]. Роль Суда ЕАЭС

[1] Статут Суда Евразийского экономического союза (приложение № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе). – URL: http://www.eurasiancommission.org/ (дата обращения: 10.02.2026).

[2] Бабкина, Е. В. Косвенное восполнение пробелов в праве Судом Евразийского экономического союза / Е. В. Бабкина // Беларусь в современном мире = Беларусь у сучасным свеце : материалы XVII Междунар. науч. конф., посвящ. 97-летию образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 26 окт. 2018 г. – Мн. : БГУ, 2018. – С. 104–105.

не исчерпывается традиционным разрешением споров, а также состоит в толковании права, имеющем своей целью не только его применение в рамках конкретного конфликта, но и в целом в интересах развития правопорядка Союза[3]. Правовые позиции Суда ЕАЭС играют огромную роль не только при разрешении дел, но и в выявлении и восполнении пробелов права Союза. Иными словами, Суд Союза участвует в восполнении пробелов права.

Пробельность в праве представляет собой абсолютно объективное явление, поскольку в ходе нормотворческой деятельности невозможно предусмотреть все особенности регулирования общественных отношений. В правовой науке под пробелом в праве понимается отсутствие или неполнота правовой нормы для урегулирования конкретного общественного отношения в ситуациях, требующих такого регулирования. По мнению М. М. Степанова, пробел в позитивном праве представляет собой полное или частичное отсутствие правовых установлений (норм)[4].

Применительно к праву ЕАЭС проблема пробельности приобретает особый характер в силу целого ряда политических и правовых причин. Поэтому выявление и устранение пробелов в праве Союза является долгосрочной и многоуровневой задачей.

Несмотря на существующие ограничения в компетенции и достаточно осторожный подход самого Суда к толкованию норм права, Суду ЕАЭС отводится особая роль в деятельности по преодолению пробелов в праве.

Проблема участия Суда ЕАЭС в преодолении пробельности права Союза имеет большое научное и практическое значение.

---

[3] Дьяченко, Е. Б. Отправление правосудия в судах интеграционных объединений : автореф. дис. … д-ра юрид. наук : 5.1.5 // Дьяченко Екатерина Борисовна. – М., 2023. – С. 20.

[4] Степанов, М. М. Судебное преодоление пробелов в праве через призму исторического опыта / М. М. Степанов // Администратор суда. – 2021. – № 3. – С. 40–44.

Научная проблема заключается в идентификации и систематизации основных форм участия Суда ЕАЭС в преодолении пробельности права Союза.

Современная теория права знает множество форм преодоления пробелов в законодательстве, однако далеко не все из них характерны для Суда ЕАЭС.

Анализ судебной практики показывает, что для Суда ЕАЭС в целом не характерно судебное правотворчество. В частности, Суд не восполняет пробелы в праве путем создания нормы права и не выступает субъектом законодательной инициативы.

Суд ЕАЭС постоянно сталкивается с необходимостью восполнения пробела в праве. При этом можно выделить прямое и косвенное восполнение пробелов.

В первом случае Суд пытается самостоятельно восполнить пробел в праве путем толкования или применения норм по аналогии, применения обычного права. Во втором случае Суд констатирует отсутствие правового регулирования.

В последнем случае Суд ЕАЭС фиксирует наличие пробела в правовом регулировании, не пытаясь его самостоятельно разрешить. В ряде случаев Суд предлагает уполномоченным органам решить данную проблему путем принятия необходимых правовых норм. К примеру, в консультативном заключении от 12.02.2025[5] Суд ЕАЭС констатировал наличие пробела в праве Союза в части отсутствия права на обращение в Суд у физических лиц, не являющихся индивидуальными предпринимателями, и указал способ, при помощи которого данный пробел может быть устранен. Таким образом, Суд ЕАЭС проявил

[5] Консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза от 12.02.2025 г. по делу Р-6/24. – URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-6.24/ (дата обращения: 20.02.2026).

т. н. умеренный активизм[6]. В этом проявляется некая форма диалога между судебной и законодательной властью. При этом судебный активизм следует отграничивать от судебного нормотворчества, поскольку судебный активизм в умеренной форме направлен не на создание новой правовой нормы, а на ее выявление из действующего права, в том числе за счет применения общепризнанных принципов и норм международного права, общих принципов права интеграционного объединения[7].

От пробелов следует отличать такое явление, как незавершенность формирования той или иной политики. С указанным правовым явлением Суд также встречается в своей деятельности. Это тоже пример диалога Суда с органами власти государств-членов и органами Союза, в рамках которого Суд дает сигнал о том, что процесс формирования определенной политики в рамках Союза не завершен, и это создает сложности в правоприменительной деятельности. Примером такой ситуации выступает т. н. дело о самолетах. В консультативном заключении от 07.04.2025[8] Большая коллегия констатировала незавершенность формирования общего рынка услуг в сфере воздушного транспорта, что не дает, по ее мнению, возможности дать ответ на вопрос о правомерности тех или иных действий, являющихся предметом запроса.

---

[6] Энтин, К. В. Консультативное заключение Суда ЕАЭС по делу № Р-6/24 о доступе физических лиц к правосудию: развернутый комментарий / К. В. Энтин // Международное правосудие. – 2025. – № 2. – С. 3–17.

[7] Дьяченко, Е. Б. Отправление правосудия в судах интеграционных объединений : автореф. дис. … д-ра юрид. наук : 5.1.5 // Дьяченко Екатерина Борисовна. – М., 2023. – С. 20.

[8] Консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза от 07.04.2025 г. по делу Р-5/24. – URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-5.24/ (дата обращения: 17.02.2026).

Суд Союза сталкивается с пробелами в различных областях права ЕАЭС. В рамках настоящей работы хотелось бы остановиться на трех областях, где уровень пробельности может достигнуть критического уровня.

Международная гражданская служба

Международные служащие органов Союза представляют собой движущую силу, которая обеспечивает поступательное развитие интеграции. Однако право ЕАЭС, сформированное к настоящему моменту, лишь фрагментарно регулирует трудовые отношения[9].

Возникновение спорных ситуаций, связанных с регулированием трудовых отношений, во многом обусловлено отсутствием в рамках ЕАЭС единого правового регулирования, согласно которому был бы установлен и детализирован правовой статус служащих органов Союза. По этой причине Суд ЕАЭС неоднократно обращал внимание на необходимость разработки внутренних положений (правил) о персонале в рамках Союза.

В консультативных заключениях от 03.06.2016[10], от 12.09.2017[11] и от 11.12.2017[12] Большая коллегия Суда

---

[9] Томашевский, К. Л. Правовое регулирование увольнений международных служащих в ЕАЭС: коллизии, пробелы, предложения / К. Л. Томашевский // Ежегодник трудового права. – 2021. – № 11. – С. 261–276.

[10] Консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза от 03.06.2016 г. по делу Р-1/16. – URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-1.16/ (дата обращения: 25.02.2026).

[11] Консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза от 12.09.2017 г. по делу Р-2/17. – URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-2.17/ (дата обращения: 20.02.2026).

[12] Консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза от 11.12.2017 г. по делу Р-5/17. – URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-5.17/ (дата обращения: 20.02.2026).

отмечала целесообразность развития норм трудового права Союза, принятия внутренних положений (правил) о персонале в рамках Союза, последовательного ухода от регулирования внутренних вопросов организации национальным правом. Суд Союза отметил, что комплексным решением данной проблемы может стать разработка и принятие в рамках работы по совершенствованию права Союза нормативного акта, более широко регламентирующего различные аспекты труда и социального обеспечения международных служащих в органах Союза с учетом необходимости обеспечения их независимости, а также надлежащей социальной и правовой защищенности[13]. Суд Союза пришел к выводу о том, что отсылка к национальному регулированию трудовых отношений правомерна постольку, поскольку согласована и закреплена государствами-членами в учредительном акте созданной ими международной организации.

Иными словами, Судом Союза был установлен пробел в правовом регулировании трудовых отношений служащих органов Союза.

По мнению Суда ЕАЭС, принятие на уровне Союза соответствующих правовых актов позволило бы снять противоречия, возникающие из-за того, что трудовые отношения служащих Союза регламентированы разными нормами в зависимости от страны размещения соответствующего органа (нормами российского трудового законодательства – в отношении служащих ЕЭК – и нормами белорусского трудового права – в отношении служащих Суда). Международная служба в рамках Союза должна быть подчинена единым правилам, которые обеспечивали бы единый правовой статус и одинаковый уровень социальных гарантий. В перспективе аналогичный подход можно было бы

[13] Дьяченко, Е. Б. Обзор практики Суда Евразийского экономического союза в 2017–2018 годах / Е. Б. Дьяченко, К. В. Энтин // Закон. – 2019. – № 3. – С. 88–109.

распространить и на пенсионное обеспечение служащих органов Союза.

Еще один пробел в регулировании трудовых отношений служащих Союза – это отсутствие определенности по вопросу защиты трудовых прав. В праве Союза отсутствуют нормы, касающиеся судебного порядка разрешения трудовых споров между служащими Союза и их работодателями. В этой ситуации нередко международные служащие обращаются в национальные суды по месту нахождения органа Союза (к примеру, решение Хамовнического суда г. Москвы по делу 2-1231/20)[14]. Однако в особом мнении судьи Т. Н. Нешатаевой по делу № Р-2/17 отмечается, что в силу действующих иммунитетов споры по делам международной службы Союза не подсудны национальным судебным органам государства пребывания. Единственная форма разрешения трудового спора с участием Суда ЕАЭС, предусмотренная правом Союза, – вынесение Судом ЕАЭС консультативного заключения по вопросу трудовых правоотношений[15]. Однако консультативная процедура не всегда позволяет эффективно обеспечить защиту трудовых прав, поскольку консультативное заключение не является юридически обязывающим. По этой причине необходим иной порядок разрешения трудовых споров, предусматривающий рассмотрение дела по существу в национальном суде или в Суде Союза. Это позволит усилить гарантии служащих Союза и повысить эффективность международной гражданской службы.

---

[14] Информация по делу № 02-1231/2020. – URL: https://mos-gorsud.ru/rs/hamovnicheskij/services/cases/civil/details/750365fc-ff5e-4109-9752-0231534f33b7 (дата обращения: 30.01.2026).

[15] Консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза от 12.09.2017 г. по делу Р-2/17. – URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-2.17/ (дата обращения: 20.02.2026).

Наиболее правильным вариантом было бы наделение Суда ЕАЭС полномочиями по рассмотрению индивидуальных трудовых споров служащих Союза. Создание специального трибунала[16] представляется нецелесообразным ввиду потенциально небольшого количества таких споров и относительно небольшого числа самих международных служащих. Это позволило бы обеспечить единство правоприменительной практики в области трудовых и социальных отношений в сфере международной гражданской службы. При этом трудовые споры нет необходимости рассматривать в коллегиальном составе, такие дела могли бы рассматриваться единолично одним судьей, что, безусловно, снизило бы нагрузку на Суд.

Доступ физических лиц к правосудию

Проблема отсутствия у физических лиц права на обращение в Суд ЕАЭС обсуждается практически с момента основания Союза. Фактически данная проблема является ровесницей самого Союза.

В силу того, что право ЕАЭС порождает права и обязанности не только у хозяйствующих субъектов, но и у физических лиц, не имеющих такого статуса, вполне очевидно, что доступ к интеграционному правосудию должен быть открыт и для них. Более того, Комиссия наделена правом привлекать к ответственности физических лиц, не имеющих статуса индивидуального предпринимателя, за нарушение общих правил конкуренции на трансграничных рынках.

Ситуация, при которой Комиссия наделена компетенцией по привлечению физических лиц к ответственности, а физические лица, по сути, лишены права на судебную защиту, представляет собой явный пробел в праве.

---

[16] Томашевский, К. Л. Правовое регулирование увольнений международных служащих в ЕАЭС: коллизии, пробелы, предложения / К. Л. Томашевский // Ежегодник трудового права. – 2021. – № 11. – С. 261–276.

Сейчас эта проблема достигла точки кипения, поскольку по вопросу доступа к правосудию физических лиц были высказаны принципиально разные позиции со стороны Верховного Суда Российской Федерации[17] и Суда ЕАЭС[18]. Так, Верховный Суд Российской Федерации в кассационном определении от 21.02.2025 отметил, что органы Союза обладают иммунитетом от юрисдикции национальных судебных органов. В этой связи Верховный Суд Российской Федерации пришел к выводу о том, что рассмотрение требований физических лиц о соответствии решений Комиссии о наложении штрафов в сфере конкуренции на трансграничных рынках Договору о ЕАЭС отнесено к исключительной компетенции Суда Союза (с. 5 кассационного определения). А всего за несколько дней до этого, 12 февраля 2025 г., Суд ЕАЭС констатировал отсутствие у него полномочий по рассмотрению заявлений, подаваемых физическими лицами, не наделенными статусом индивидуального предпринимателя. Совместное прочтение позиций двух судов говорит о том, что физические лица лишены права на судебную защиту. При этом, как отмечалось выше, Суд ЕАЭС констатировал наличие пробела, который не может быть устранен Судом самостоятельно.

Таким образом, сложившаяся ситуация требует устранения существующего пробела в праве ЕАЭС, ограничивающего возможность обращения в Суд Союза физических лиц, не имеющих статуса индивидуального предпринимателя.

---

[17] Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации по делу № 5-КАД24-70-К2 от 21 февраля 2025 г. – URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2444760 (дата обращения: 15.02.2026).

[18] Консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза от 12.02.2025 № Р-6/24 О разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. – URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-6.24/ (дата обращения: 15.02.2026).

Полагаю, что это право должно быть предоставлено не только по делам о нарушении общих правил конкуренции, но и по другим вопросам. В частности, такое право должно быть предоставлено служащим Союза по трудовым спорам, а также в связи с оспариванием актов, непосредственно затрагивающих права физических лиц.

Процессуальные вопросы

Процессуальный аспект деятельности Суда ЕАЭС также содержит множество пробелов, с которыми сталкивается Суд в своей практике и которые ему приходится устранять.

Порядок судопроизводства в Суде ЕАЭС регулируется главным образом Регламентом Суда[19], однако некоторые процессуальные аспекты урегулированы в Статуте.

К примеру, в Регламенте Суда вопросам судопроизводства по делам о разъяснении посвящено всего несколько статей. При этом формально Регламент не распространяет порядок судопроизводства по делам о разрешении споров на дела о разъяснении. Вследствие этого многие процессуальные вопросы по делам о разъяснении оказались неурегулированными. К примеру, согласно ст. 79 Регламента судья вправе заявить особое мнение только при вынесении решения Суда. Формально это означает то, что особые мнения могут быть заявлены при рассмотрении дел о разрешении спора и при апелляционном судопроизводстве, где предусмотрено вынесение решений. По делам о разъяснении Суд выносит не решения, а консультативные заключения. Таким образом, если дословно следовать норме, содержащейся в ст. 79 Регламента, консультативная процедура не предусматривает особых мнений.

---

[19] Решение Высшего Евразийского экономического совета от 23.12.2014 г. № 101 «Об утверждении Регламента Суда Евразийского экономического союза».

Аналогичная ситуация возникает в связи с оставлением жалобы без движения (ст. 33 (3) Регламента). Данное процессуальное действие предусмотрено в рамках судопроизводства по делам о разрешении споров, а не в рамках консультативной процедуры.

Тем не менее практика Суда показывает, что в рамках консультативной процедуры судьи заявляют особые мнения, а также выносятся постановления об оставлении без движения. Очевидно, что в данном случае нормы Регламента, касающиеся рассмотрения дел о разрешении споров, применяются по аналогии при рассмотрении дел о разъяснении.

Практика деятельности Суда Союза за 11 лет показала, что Регламент нуждается в пересмотре в части совершенствования правовой регламентации процедуры рассмотрения дел. В частности, с целью устранения существующих пробелов необходима более детальная регламентация процедуры рассмотрения дел по рассмотрению заявлений о разъяснении. Кроме того, с учетом потенциального расширения компетенции Суда в части предоставления права на обращение в Суд физических лиц и ЕЭК требуется адаптация Регламента в соответствии с возможными изменениями Статута.

Заключение

Практика Суда ЕАЭС свидетельствует о постоянном выявлении пробелов в правовом регулировании интеграционных процессов в рамках Союза, при этом на некоторые пробелы Суд Союза неоднократно обращал внимание. В практике Суда ЕАЭС можно выделить следующие формы участия в восполнении пробелов в праве Союза:

1. Толкование норм первичного и вторичного права.
2. Применение норм по аналогии.
3. Констатация отсутствия правового регулирования тех или иных отношений.

Последняя форма применяется тогда, когда Суд не обладает соответствующей компетенцией и апеллирует к тем органам, которые могут устранить данный пробел. Реализация функции Суда ЕАЭС по восполнению пробелов проявляется при формулировании правовых позиций в судебных актах по разрешению споров и в рамках консультативной процедуры. Однако судебные акты обладают ограниченной обязательностью. Поэтому эффективность деятельности Суда ЕАЭС по восполнению пробелов во многом зависит от уровня восприятия правовых позиций со стороны законодательных и правоприменительных органов. Однако далеко не всегда констатация того или иного пробела приводит к его разрешению.

В связи с этим предлагается:

1. Предоставить Суду ЕАЭС право выступать с инициативой по изменению права Союза, регламентирующего его деятельность и вопросы судопроизводства.

2. В сфере трудовых отношений служащих Союза необходимо рассмотреть вопрос о разработке специального правового регулирования с целью постепенного ухода от субсидиарного регулирования отношений трудовым правом страны пребывания, а также наделения Суда ЕАЭС правом рассмотрения трудовых споров служащих Союза.

3. По вопросу доступа физических лиц к правосудию следует признать, что единственным решением данной проблемы может быть изменение Статута Суда с включением физических лиц в число заявителей по делам о разрешении спора.

4. По вопросу совершенствования процессуальных аспектов деятельности Суда необходимо рассмотреть вопрос об изменении действующего Регламента с целью более детального регулирования судопроизводства по делам о разъяснении, а также адаптации Регламента к возможному расширению компетенции Суда.

Н. В. Павлова
судья Суда Евразийского экономического союза,
доцент кафедры международного права
Российского государственного университета правосудия

Судебная модель обеспечения верховенства права в интеграционном объединении: условия эффективности

Концепция верховенства права известна с древних времен, когда древнегреческий философ Аристотель провозгласил: «Править должен закон»[1].

Тем не менее эта очень общая и одновременно очень краткая формула не так мала с точки зрения своего содержания. Каково же это содержание? Чем наполняется указанное понятие?

И есть ли разница в понимании верховенства права в рамках отдельных государств, в национальных правопорядках и в рамках интеграционных объединений? Соответственно, по-разному или нет понимают верховенство права национальные суды и международное правосудие? От ответа на этот вопрос зависит ответ на вопрос о том, как обеспечить эффективность в достижении верховенства права в национальном и международном правосудии.

Показательно, каким образом в настоящее время, когда в мире наблюдается сочетание национальных, интеграционных и даже наднациональных правопорядков, на данный вопрос о разнице или совпадении в понимании верховенства права в государствах и интеграционных объединениях отвечает

---

[1] Аристотель. Метафизика. Политика. Поэтика. Риторика. – СПб. : Азбука, 2021. – С. 269–484.

искусственный интеллект. Верховенство права как таковое (предполагаем, что обобщаются признаки применительно к национальным государствам) всегда представлено Фемидой – богиней правосудия, а также иными символами правосудия: весы, судейский молоток, обязательно присутствует судья. На запрос «верховенство права в интеграционном объединении», т. е. без указания на конкретное объединение, искусственный интеллект реагирует как на некую совокупность лиц, субъектов, физических и юридических лиц, но, что показательно, не государств, однако также находящихся под контролем правосудия, Фемиды. Вероятно, синтезируется идея о том, что, какова бы ни была совокупность, над ней всегда правосудие, верховенство закона. Более интересна и точна реакция на запрос «верховенство права в ЕАЭС». Также во всех предложенных вариантах присутствуют символы правосудия и прежде всего Фемида, при этом Фемида может быть в самых разнообразных с точки зрения национальных и культурных традиций государств – участников ЕАЭС образах. При этом результата о том, что это наднациональная Фемида с собственным облачением, искусственный интеллект не демонстрирует. Однако важно, что молоток как символ правосудия и Фемида ассоциируются с верховенством права в ЕАЭС. Но еще более показательно, что в большинстве визуальных ответов на запрос «верховенство права в ЕАЭС» присутствует указание на Суд ЕАЭС или его фотографии. Таким образом, автоматическое обобщение информации, присутствующей в информационных сетях, тем не менее позволяет сделать обоснованный вывод о том, что судебный орган, который был создан государствами – членами ЕАЭС для обеспечения эффективного функционирования правопорядка ЕАЭС[2], ассоциируется с верховенством права в ЕАЭС и воспринимается

[2] Статут Суда Евразийского экономического союза // Приложение № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г.

как орган, призванный обеспечивать верховенство права в указанном интеграционном объединении. Если отойти от доли условности и возможной погрешности, присущей искусственному интеллекту, то можно сделать вывод, что верховенство права – это во всех случаях деятельность правосудия, верховенство права невозможно обеспечить без суда, право не будет обладать свойством верховенства, если не будет суда.

Соответственно, напрашивается вывод о том, что верховенство права важно как для отдельных государств, так и для их объединений, т. е. для тех социальных институтов, которые обладают собственным правопорядком, нуждающимся в судебной защите. Почему?

Вот как на этот вопрос ответил еще в 2010 г. Председатель Конституционного Суда Российской Федерации В. Д. Зорькин: «Одному государству в изоляции от мировых процессов невозможно развиваться. Замкнутая (закрытая) правовая система – это все равно что государство за железным занавесом[3]». Так он обосновывает важность не только индивидуального государственного существования, но и развития государств в рамках интеграционных объединений. Но далее он продолжает: «В этих условиях важнейшая задача как суверенных государств, так и региональных союзов и мирового сообщества в целом – утвердить верховенство права как условие выживания человечества»[4].

Такой основополагающий для человеческого существования характер принципа верховенства права определяет то понимание, что современное государство должно носить правовой характер, равно как и сосуществование субъектов в рамках гражданского общества должно строиться на правовых основах.

---

[3] Зорькин, В. Д. Современный мир, право и Конституция / В. Д. Зорькин. – М. : Норма, 2010. – С. 122–132.

[4] Зорькин, В. Д. Конституционно-правовое развитие России / В. Д. Зорькин. – М. : Норма, 2011.

Данное утверждение в полной мере актуально и для правового пространства, формируемого государствами в рамках интеграционного объединения.

Что включает в себя данный принцип? Какие элементы ему присущи? Традиционно их определяют применительно к государствам. Актуальны ли они для интеграционных объединений и ЕАЭС в частности?

В отечественной науке права выделяют ряд элементов верховенства права[5], признавая его и целой доктриной, и принципом, в который могут быть включены элементы, многие из которых сами по своей правовой природе имеют характер принципа.

К таким элементам и одновременно принципам принято относить следующие категории: правовая система, правовое регулирование социальных отношений и поведения людей основаны на юридическом равенстве как всеобщей норме свободы; права человека и основные свободы определяют смысл, содержание и применение законов, функционирование публичной власти и обеспечиваются правосудием; общепризнанные принципы и нормы международного права являются составной частью внутригосударственной правовой системы; стабильность права, обеспечивающая упорядоченность и предсказуемость поведения участников правоотношений, возможность планирования и координации действий на протяжении определенного периода, стабильная судебная практика; в настоящее время принято говорить о том, что и нормы позитивного права, и правоприменительная, прежде всего судебная, практика должны обеспечивать разумные ожидания, т. е. быть стабильными и предсказуемыми, а судебная практика – еще и единообразной, поэтому этот элемент важен; суверенная государственная власть осуществляется на основе разделения

[5] Чиркин, В. Е. Верховенство права: современные варианты терминологии / В. Е. Чиркин // Журнал российского права. – 2015. – № 12. – С. 5–11.

властей и при подчинении праву (правовое государство); верховенство правового закона в системе нормативных актов и правоприменительной деятельности (режим законности), особое значение в континентальных странах у верховенства Конституции; наличие независимого, беспристрастного, справедливого правосудия, решающего споры о праве, в том числе споры между гражданином и государством; предусмотрен судебный контроль конституционности[6].

Примерно такой же перечень предлагает В. А. Виноградов в качестве принципов правового государства и верховенства права: юридическое равенство граждан перед законом и судом, уважение достоинства личности, гарантия и защита прав и свобод человека и гражданина на уровне международных стандартов; правовая определенность, в частности установление и привлечение к юридической ответственности в соответствии с опубликованным и четко определенным законом; запрет придавать обратную силу законам, ухудшающим положение человека и гражданина; осуществление государственной власти только на основе Конституции и законов, формально и материально ей соответствующих и имеющих своим приоритетом права и свободы человека и гражданина; рациональность при осуществлении государственной власти; независимость и эффективность судебной системы, обеспечивающей защиту прав и свобод человека и гражданина, а также политическую конкуренцию; доступность и эффективность системы правоохранительных органов[7].

---

[6] Зорькин, В. Д. Верховенство права и встреча цивилизаций / В. Д. Зорькин // Журнал конституционного правосудия. – 2008. – № 1.

[7] Виноградов, В. А. Правовое государство и верховенство права: теоретические конструкции и реализация / В. А. Виноградов // Закон. – 2013. – № 12. – С. 97–101.

Таким образом, выделяется семь-восемь базовых элементов верховенства права в российской юридической доктрине.

Важно отметить, что в зарубежных правопорядках, несмотря на различия зачастую в политико-правовом оформлении государственного устройства и гражданского общества, а также на различия в правовой природе интеграционных объединений зарубежных государств, видение верховенства права, наполнение данного принципа не сильно отличается. За ним также признается значение основополагающего принципа функционирования государства и построения правовой системы. Более того, анализу его правовой природы и реализации в конкретных правопорядках, а также созданию рекомендаций по его достижению в правовых системах государств посвящена деятельность ряда международных организаций. Так, Венецианская комиссия, функционирующая под эгидой Совета Европы[8], в 2011 г. (60 правопорядков представлено) выделила восемь составляющих верховенства права: открытый доступ к закону (положения которого должны быть понятными и предсказуемыми); решение вопросов юридических прав, как правило, на основании закона, а не по усмотрению; равенство перед законом; осуществление власти в соответствии с законом, справедливо и разумно; защита прав человека; предоставление средств для урегулирования споров без неоправданных издержек или отсрочек; справедливый суд; соблюдение государством своих обязательств в рамках как международного, так и национального права[9].

---

[8] Венецианская комиссия, официально Европейская комиссия за демократию через право, – консультативный орган по конституционному праву, созданный при Совете Европы (СЕ) в 1990 г. С 2002 г. участвовать в работе комиссии могут и страны, не входящие в СЕ.

[9] Доклад о верховенстве права : утв. Венецианской комиссией на 86-й пленарной сессии (Венеция, 25–26 марта 2011 г.). – URL: https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2011)003rev-rus (дата обращения: 02.03.2026).

Таким образом, верховенство права – это не только доктринальная совокупность принципов. Это, что важно, еще и критерии для оценки эффективности данного принципа. Именно по ним и оценивается эффективность верховенства права в том или ином правопорядке.

Все перечисленные элементы верховенства права важны также в равной степени не только для отдельных государств, но и для эффективного функционирования интеграционного объединения, тем более для интеграционного объединения наднационального типа[10], каковым является Евразийский экономический союз[11].

Если обобщить все вышеназванные элементы верховенства права, можно прийти к выводу о том, что верховенство права обеспечивается по трем направлениям:

во-первых, на основе обеспечения позитивного правового регулирования;

во-вторых, на основе единообразной и определенной судебной практики;

в-третьих, на основе той процессуальной формы, которая должна обеспечивать верховенство права.

Посмотрим на каждый из этих аспектов. Каким образом они реализуются в ЕАЭС?

Нормативно-правовой основой конституирующего типа указанного Союза является Договор о Евразийском экономическом союзе 2014 г. (далее – Договор о ЕАЭС, Договор)[12], который многие из вышеназванных элементов верховенства права имеет в качестве своих базовых принципов.

---

[10] Право Евразийского экономического союза : учебник / под ред. д. ю. н. пр. Т. Н. Нешатаевой. – М. : Городец, 2025. – С. 61–73.

[11] URL: https://eaeunion.org/ (дата обращения: 02.03.2026).

[12] URL: https://docs.eaeunion.org/documents/236/8429/ (дата обращения: 02.03.2026).

Так, в преамбуле к Договору о ЕАЭС указывается на безусловное соблюдение принципа верховенства конституционных прав и свобод человека и гражданина в правопорядке ЕАЭС. К основным принципам функционирования Союза (ст. 3 Договора) отнесены принципы равноправия сторон и уважения общепризнанных принципов международного права.

Таким образом, позитивное правовое регулирование сформировано в форме основного нормативного акта Союза – Договора о ЕАЭС – и подчиненных ему актов. Вопрос о конституционно-правовом нормоконтроле (с точки зрения юридической природы) в отношении этих актов передан на рассмотрение специализированного судебного органа – Суда ЕАЭС. Суд наделен компетенцией по рассмотрению споров: а) по заявлению государства-члена о соответствии международного договора в рамках Союза или его отдельных положений Договору; о соответствии решения Комиссии или его отдельных положений Договору, международным договорам в рамках Союза и (или) решениям органов Союза; о соблюдении другим государством-членом (другими государствами-членами) Договора, международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов Союза, а также отдельных положений указанных международных договоров и (или) решений; б) по заявлению хозяйствующего субъекта о соответствии решения Комиссии или его отдельных положений, непосредственно затрагивающих права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, Договору и (или) международным договорам в рамках Союза, если такое решение или его отдельные положения повлекли нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта.

Таким образом, правовая основа для обеспечения верховенства права в аспекте позитивного правового регулирования

в Союзе реализована. Вместе с тем, как видим, ее эффективное функционирование невозможно без судебного контроля, деятельности правосудия, которое призвано выявлять несоответствие в правовом регулировании, а также пробелы в его составе.

В качестве постоянно действующего органа Союза государства-члены создали Суд Союза. Таким образом, государства-члены обеспечили реализацию в Союзе такого элемента верховенства права, как право на справедливое судебное разбирательство или доступ к суду. Целью деятельности Суда является обеспечение в соответствии с положениями настоящего Статута единообразного применения государствами-членами и органами Союза Договора, международных договоров в рамках Союза, международных договоров Союза с третьей стороной и решений органов Союза[13]. Устанавливая данную цель правосудия на пространстве ЕАЭС, государства-члены обеспечили правовую основу для такого элемента верховенства права, как принцип разумных ожиданий участников правоотношений в части стабильности, предсказуемости и ясности судебной практики суда. Поскольку важно, чтобы ожидания субъектов права базировались не только на нормах позитивного права, но и на судебной практике, отвечающей критерию единообразия.

Суд ЕАЭС, реализуя свою компетенцию в целях обеспечения верховенства права во многих его элементах, в своей деятельности за истекшие 11 лет своего функционирования выявил немало проблемных аспектов, которые ярко иллюстрируют определенную неэффективность правового регулирования в правопорядке ЕАЭС, а значит, недостижение или необеспечение в полной мере верховенства права на указанном правовом пространстве.

---

[13] Пункт 2 Статута Суда Евразийского экономического союза. Приложение № 2 к Договору о ЕАЭС.

Одним из факторов, блокирующих достижение верховенства права, является пробел в праве. Особенно опасный характер правовой пробел приобретает тогда, когда он препятствует реализации права на доступ к правосудию. Именно в таком аспекте ущемление принципа верховенства права выявил Суд ЕАЭС при рассмотрении дела по заявлению Евразийской экономической комиссии, второго постоянно действующего органа ЕАЭС, о разъяснении положений Договора о ЕАЭС в части пп. 39, 41 Статута Суда (приложение № 2 к Договору) и п. 14 Протокола об общих принципах и правилах конкуренции (приложение № 19 к Договору). Как указал заявитель, в практике работы Комиссии возник вопрос, связанный с обжалованием в судебном порядке решений Комиссии о наложении на физических лиц штрафов за нарушение общих правил конкуренции на трансграничных рынках. Согласно п. 14 Протокола акты Комиссии в сфере конкуренции оспариваются в Суде Союза в порядке, предусмотренном Статутом Суда. Вместе с тем п. 39 Статута к компетенции Суда прямо не отнесено рассмотрение заявлений физических лиц, не являющихся индивидуальными предпринимателями. Согласно п. 41 Статута вопрос о наличии компетенции Суда по разрешению спора разрешается Судом. Заявитель просил разъяснить данные нормы в их системной взаимосвязи в отношении наличия компетенции Суда по рассмотрению споров по заявлениям физических лиц об оспаривании актов Комиссии, определяющих их ответственность в сфере конкуренции, с учетом права на доступ к правосудию и иммунитета органов Союза, предусмотренных Договором. В консультативном заключении от 12 февраля 2025 г.[14] Большая коллегия указала на различия в круге субъектов, которые могут быть привлечены к ответственности за нарушение правил конкуренции

[14] URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-6.24/ (дата обращения: 03.03.2026).

на трансграничных рынках, и субъектов, имеющих право на обращение в Суд Союза. К физическим лицам, которые могут быть привлечены к ответственности в сфере общих правил конкуренции, относятся четыре категории лиц: а) индивидуальные предприниматели; б) физические лица, чья профессиональная приносящая доход деятельность в соответствии с законодательством государств-членов подлежит государственной регистрации и (или) лицензированию; в) должностные лица; г) физические лица, не относящиеся ни к одной из вышеуказанных категорий. Из перечисленных категорий Суд наделен компетенцией рассматривать дела об оспаривании решений Комиссии, определяющих ответственность за нарушения в сфере конкуренции на трансграничных рынках, только в отношении индивидуальных предпринимателей.

В связи с этим Суд констатировал проблему отсутствия правовых гарантий реализации прав указанных лиц на справедливое судебное разбирательство и неравенство прав и обязанностей различных категорий физических лиц, которые могут быть привлечены к ответственности.

Суд также пришел к выводу, что из п. 41 Статута следует, что Суд в рамках решения вопроса о приемлемости заявления *ratione personae* устанавливает, является ли заявитель хозяйствующим субъектом в значении п. 39 Статута и затронуты ли его права и законные интересы оспариваемым решением Комиссии. Вместе с тем Суд не вправе расширить (сузить) свою компетенцию. Изменение компетенции Суда может быть осуществлено государствами – членами Союза посредством внесения соответствующих поправок в Договор о ЕАЭС.

Таким образом, выявленный пробел обусловлен отсутствием в правопорядке ЕАЭС соответствующих норм о наделении физических лиц правом на обращение в Суд ЕАЭС, а у Суда – отсутствием соответствующей субъектной компетенции. Для предотвращения нарушения права указанных лиц на доступ

к Суду и, соответственно, нарушения принципа верховенства права Суд ЕАЭС указал на необходимость скорректировать нормы права ЕАЭС.

Не менее опасной для эффективного функционирования права ЕАЭС и верховенства права в данном правопорядке является ситуация, при которой нормы позитивного права регулируют соответствующие отношения, однако их предписания не соблюдаются соответствующими органами государств-членов или Союза. Тем более что ситуация является принципиально не соответствующей принципу верховенства права, если в основе невыполнения предписаний позитивных норм права находится применение данных норм с обратной силой, ухудшающее правовое положение субъектов правоотношений. Именно такую ситуацию выявил Суд ЕАЭС при формулировании консультативного заключения по заявлению гражданки Российской Федерации Т. И. Брыновой[15]. Названная гражданка России являлась международным служащим Союза, однако после завершения службы в Союзе и обращения за назначением пенсии международного служащего получила отказ соответствующих компетентных национальных органов по причине неверного применения с обратной силой положений права Союза, ухудшающих положение заявителя в части условий права на пенсию международного служащего в части минимального срока международной службы, дающего право на такую пенсию. В Договор о ЕАЭС были внесены изменения, и этот срок был увеличен. Однако Т. И. Брынова поступала на международную службу ЕАЭС, соответственно, формировала свои ожидания в части пенсионного обеспечения в период действия более благоприятного правового регулирования, следовательно, как указал Суд

[15] URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-2.24/ (дата обращения: 03.03.2026).

ЕАЭС, на ее пенсионные права распространяются нормы в прежней редакции. В противном случае нарушались бы права заявителя и не достигалось верховенство права. Именно из принципов правового государства, верховенства закона и юридического равенства вытекает требование разумной предсказуемости правового регулирования.

Важнейшее значение принцип верховенства права приобретает при обеспечении иерархии нормативно-правовых актов в Союзе, реализуясь в императивном требовании о соответствии всех нормативных правовых актов в Союзе Договору, а также в части соответствующего предмета регулирования – компетенции, переданной на наднациональный уровень Союза, о соответствии национальных нормативных актов праву Союза. Наиболее показательно действие верховенства права в этом аспекте выявлено Судом ЕАЭС при формулировании консультативного заключения[16] по заявлению Министерства юстиции Республики Беларусь о разъяснении положений ст. 74, 75, 76 Договора о ЕАЭС, посвященных общим принципам и правилам конкуренции. Пункт 3 ст. 74 предоставляет государствам-членам право закреплять в своем законодательстве дополнительные запреты, а также дополнительные требования и ограничения в отношении запретов, предусмотренных ст. 75 и ст. 76 Договора. В своем запросе заявитель просил разъяснить, вправе ли государство-член устанавливать в национальном законодательстве иные критерии допустимости вертикальных соглашений. 4 апреля 2017 г. Большая Коллегия Суда вынесла консультативное заключение, в котором указала, что взаимосвязанное прочтение ст. 4, ст. 74–76 Договора, а также раздела II Протокола об общих принципах и правилах конкуренции (приложение № 19 к Договору о Союзе) не предусматривает право

[16] URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-1.17/ (дата обращения: 03.03.2026).

государств – членов Союза изменять установленные в праве ЕАЭС критерии допустимости вертикальных соглашений.

Вместе с тем в ряде случаев Судом за истекшие 11 лет функционирования выявлены системные проблемы, влияющие на эффективное функционирование права Союза и обеспечение верховенства права в нем.

Одна из этих проблем – вопрос необеспечения нормами позитивного права, регламентирующими процессуальные вопросы правосудия в Союзе, надлежащей процессуальной формы рассмотрения дел в Суде. Между тем нормы учредительных документов Союза (прежде всего Договора о ЕАЭС) предусматривают разделение компетенции между Союзом и государствами-членами на основании трех видов политик: единой, согласованной, скоординированной. Это предполагает передачу на наднациональный уровень Союза ряда полномочий. В рамках такой передачи полномочий Суд ЕАЭС наделяется исключительной компетенцией по соответствующей категории дел, в том числе по обеспечению нормоконтроля в Союзе, среди которого (нормоконтроля) прежде всего выделяется нормоконтроль конституционно-правового смысла – о соответствии нормам Договора о ЕАЭС. Правовые позиции Суда, сформулированные в рамках исключительной компетенции, обязательны для всех органов Союза, хозяйствующих субъектов, а также органов, в том числе судебных, государств-членов, применяющих нормы права Союза при рассмотрении конкретных дел. Для реализации верховенства права в элементе взаимодействия правопорядка Союза и правопорядков государств-членов должна быть приведена в соответствие с нормами права Союза процессуальная форма рассмотрения дел в Суде ЕАЭС, обеспечивающая взаимодействие национального и наднационального правосудия, в том числе в национальном процессуальном законодательстве государств, а также обеспечивающая исполнение в национальных правопорядках государств-членов судебных актов Суда ЕАЭС.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что процессуальная форма рассмотрения дел в правопорядке ЕАЭС не регламентирована полностью. А значит, право на суд и эффективность верховенства права под вопросом.

Между тем, раскрывая содержание права на судебную защиту как гарантии всех других прав, например, Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно подчеркивал, что данное право предполагает наличие конкретных институциональных и процессуальных механизмов, которые позволяли бы реализовывать его в полном объеме и обеспечить эффективное восстановление в правах посредством справедливого правосудия. Ничто не может освобождать публичную власть от полноценного и эффективного обеспечения доступа граждан к правосудию[17].

Так, нормы права ЕАЭС предусматривают такую процессуальную форму, как разъяснение права Союза, завершающееся формулированием консультативного заключения Суда, носящего рекомендательный характер. Вместе с тем отсутствие процессуальной модели, которая могла бы обеспечить эффективность правосудия в ЕАЭС и предотвратить судебную ошибку (не исправлять ее) – модели процессуального запроса, также в полной мере не обеспечивает верховенство права в правопорядке ЕАЭС.

Например, такой институт успешно применяется в правопорядке другого известного наднационального объединения экономического типа – Европейском союзе. Преюдициальный запрос – это процедура, в рамках которой Суд Европейского союза

[17] По делу о проверке конституционности статьи 809 Гражданского кодекса Российской Федерации и части 3 статьи 69 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. В. Филатова : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25.12.2023 г. № 60-П.

(ЕС) толкует норму права ЕС по вопросу, возникающему в ходе основного производства в национальных судах. Вопрос может касаться толкования учредительных договоров, действительности и толкования актов институтов, органов или учреждений ЕС. Если вопрос ставится в деле, находящемся на рассмотрении юрисдикционного органа, решения которого могут быть обжалованы, такой орган вправе обратиться за преюдициальным толкованием (факультативная преюдиция). Когда вопрос ставится в деле, находящемся на рассмотрении в национальном юрисдикционном органе, решения которого согласно внутреннему праву не подлежат судебному обжалованию, данный орган обязан обратиться в Суд ЕС (обязательная преюдиция). Решение, вынесенное по преюдициальному запросу, обязательно для всех судебных органов любого государства-члена в той мере, в которой Суд ЕС выносит решение по вопросам права.

До создания в 2014 г. Суда ЕАЭС, как известно, функционировал его предшественник – Суд Евразийского экономического сообщества, который был судебным органом указанного сообщества и существовал с 2012 по 2014 г. в соответствии с Договором об учреждении Евразийского экономического сообщества от 10 октября 2000 г. Данный орган также наделялся компетенцией о разъяснении. Однако полномочия Суда ЕврАзЭС и Суда ЕАЭС в этой части существенно различаются. Так, Суд ЕврАзЭС обладал компетенцией по рассмотрению преюдициальных запросов высших органов судебной власти государств-членов, которые были вправе обратиться в суд с таким преюдициальным запросом о вынесении заключения по вопросам применения международного договора в конкретном деле. При этом в определенных случаях обращение с таким запросом было правом высшего судебного органа (если он сочтет такой запрос необходимым или получит ходатайство хозяйствующего субъекта о таком обращении, однако если высший судебный орган государства-члена выступает в качестве

органа надзорной инстанции, решение которой не обжалуется, он обязан был направить такой запрос о толковании норм права ЕврАзЭС, подлежащих применению в конкретном разрешаемом национальным судом деле (ст. 3 Договора о ЕврАзЭС)). Но Суд ЕАЭС, который стал судом объединения более высокой степени интеграции, таких полномочий не получил.

Полагаем, что подобное дополнение компетенции Суда способствовало бы более эффективной и своевременной защите прав хозяйствующих субъектов на пространстве ЕАЭС, поскольку в результате приводило бы к достижению правовой определенности в спорных правоотношениях уже на национальном этапе разрешения спорной ситуации. Отсутствие данного эффективно зарекомендовавшего в праве иных интеграционных объединений процессуального инструмента, напротив, свидетельствует нередко о затруднительности реализации права на эффективную судебную защиту в том случае, когда спорные правоотношения регулируются нормами права ЕАЭС, за единообразное применение которых отвечает наднациональный судебный орган. Иллюстрацией этому служат многочисленные обращения российского юридического лица «Польские машины» в национальные суды Российской Федерации и Суд ЕАЭС по вопросу толкования норм права ЕАЭС о таможенном регулировании. Если бы модель преюдициального запроса существовала в праве ЕАЭС, возможно, спор был бы исчерпан на стадии национального разбирательства с привлечением консультативного заключения Суда ЕАЭС, состоявшегося по такому запросу.

Вместе с тем важно, чтобы национальное право предусматривало соответствующие процессуальные механизмы для применения правовых позиций Суда ЕАЭС при разрешении конкретных споров и при защите нарушенных (оспоренных) прав конкретных субъектов.

Например, в процессуальном законодательстве Российской Федерации такие нормы не предусмотрены. Так, Арбитражный

процессуальный кодекс Российской Федерации, процессуальный акт, который применяется в качестве процедурной основы разрешения экономических споров в Российской Федерации, имеет в своем содержании норму о пересмотре судебных актов по новым обстоятельствам (ст. 311 АПК РФ). К таким новым обстоятельствам, например, отнесены акты Конституционного Суда Российской Федерации. Новым обстоятельством, на основании которого могут быть пересмотрены арбитражными судами Российской Федерации судебные акты по спору с участием заявителя, является признание постановлением Конституционного Суда Российской Федерации не соответствующим Конституции Российской Федерации или применение в истолковании, расходящемся с данным Конституционным Судом Российской Федерации в постановлении истолкованием, примененного арбитражным судом в судебном акте нормативного акта либо его отдельного положения в связи с обращением заявителя, а в случаях, предусмотренных Федеральным конституционным законом от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», в связи с обращением иного лица независимо от обращения заявителя в Конституционный Суд Российской Федерации.

В связи с этим важно отметить, что применительно к актам международных судебных органов такое основание уже существовало в правовой системе Российской Федерации. Ранее п. 4 указанной части нормы содержал аналогичное основание для пересмотра судебных актов по новым обстоятельствам на основании акта международного суда – Европейского суда по правам человека (на основании Федерального закона от 11 июня 2022 г. № 183-ФЗ данная норма была исключена). Однако применительно к судебным актам Суда ЕАЭС данная норма до настоящего времени отсутствует, что, безусловно, влияет на эффективность и своевременность защиты прав российских предпринимателей в рамках правового поля ЕАЭС. Примером

такой неэффективности правового регулирования служит дело № А27-11118/2020 Арбитражного суда Кемеровской области, которое, несмотря на свое начало в 2020 г., до настоящего времени не разрешено, правовая определенность в спорных правоотношениях не установлена в судебном порядке, при этом заявитель, прошедший один круг разбирательств в судах Российской Федерации, выиграл дело в Суде ЕАЭС (решение Коллегии Суда ЕАЭС от 08.12.2022, решение Апелляционной палаты Суда от 14.03.2023, дело № С-6/22) и на основании аналогии закона обратился вновь в арбитражные суды Российской Федерации.

Таким образом, принцип верховенства права имплементирован в правопорядок ЕАЭС. Однако отдельные его элементы не имеют материально-правовой или процессуально-правовой основы для обеспечения верховенства права, что нуждается, на наш взгляд, в исправлении.

А. М. Паутов
судья Судебной коллегии по экономическим делам Верховного Суда Республики Беларусь

Роль правовых позиций Суда ЕАЭС в формировании практики применения законодательства экономическими судами Республики Беларусь

(Стенограмма)

Добрый день, коллеги!

Я не буду останавливаться на введении: все мы прекрасно понимаем, что судебные системы, применяя одни и те же нормы права, сталкивались со схожими вопросами, которые однозначно оказывают влияние друг на друга. Сейчас я остановлюсь на том, каким образом на практику наших экономических судов оказывают влияние правовые позиции Суда ЕАЭС.

Условно это влияние можно разделить на два вида: опосредованное, когда суды воспринимают позицию Суда ЕАЭС через решения или акты иных органов, и непосредственное, в случаях, когда экономические суды непосредственно используют решения либо консультативные заключения при аргументации своих выводов в решении, в котором разрешается спор по существу.

Итак, во-первых, существенное значение для экономических судов имеет имплементация правовых позиций Суда Союза в национальное законодательство. Корректировка как законодательных актов, так и нормативных правовых актов министерств, иных республиканских органов государственного управления, произведенная в связи с высказанными Судом

ЕАЭС позициями, не может не привести к изменениям в практике экономических судов, применяющих данные нормы права при разрешении споров. Ярким примером такого влияния является консультативное заключение Суда ЕАЭС от 24 апреля 2017 г. по делу о критериях допустимости вертикальных соглашений, в котором по обращению Министерства юстиции Республики Беларусь разъяснены нормы ст. 74, 76 Договора о ЕАЭС. Изложенный в данном консультативном заключении подход отражен в новой редакции Закона Республики Беларусь «О противодействии монополистической деятельности и развитию конкуренции». Соответственно, нормы названного закона применяются судами, в частности, при рассмотрении заявлений хозяйствующих субъектов о признании недействительными ненормативных правовых актов Министерства антимонопольного регулирования Республики Беларусь.

Во-вторых, позиция Суда ЕАЭС играет немалую роль в случаях необходимости применения экономическими судами правовых актов органов Союза, проверка которых на предмет соответствия праву интеграционного объединения осуществлена Судом ЕАЭС. Наиболее часто подобные ситуации возникают, когда экономические суды проверяют законность решений, действий и бездействия таможенных органов и их должностных лиц. В судебных постановлениях по делам такого рода содержатся ссылки на решения Совета Евразийской экономической комиссии, Коллегии Евразийской экономической комиссии. В качестве примера такого акта можно привести решение Совета Евразийской экономической комиссии, которым утверждена Единая товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности ЕАЭС. Кроме того, к компетенции экономических судов отнесено рассмотрение дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 24.8 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях. Эта статья предусматривает ответственность за нарушение требований

законодательства о техническом нормировании и стандартизации. Рассматривая дела данной категории, суды обращаются к техническим регламентам Таможенного союза, Евразийского экономического союза, применение положений которых находится также в поле зрения Суда ЕАЭС.

Третье, о чем хотелось бы сказать: в экономических судах имеется практика, когда правовые позиции Суда Союза имели непосредственное значение для разрешения спора и были применены судом для аргументации своих выводов. Так, Экономическим судом города Минска рассматривался спор между двумя субъектами хозяйствования, в котором истец – покупатель товара заявил требование о взыскании с поставщика денежных средств, оплаченных за товар, ввиду его некачественности. В свою очередь ответчик выдвигал возражение, настаивал на соответствии качества товара предъявляемым требованиям. Оценивая доводы сторон, апелляционная инстанция Экономического суда города Минска приняла во внимание положения технического регламента Таможенного союза «Электромагнитная совместимость технических средств», при этом в обосновании возможности применения данного акта к спорным правоотношениям апелляционная инстанция сослалась на консультативное заключение Суда ЕАЭС от 10 июля 2018 г. В данном заключении был сформулирован вывод о том, что «решения Комиссии Таможенного союза, действующие на 1 января 2015 г. и не противоречащие Договору о ЕАЭС, входят в право ЕАЭС, являются обязательными для государств-членов и подлежат непосредственному применению на территории государств – членов Союза». Позиция апелляционной инстанции была воспринята коллегией по экономическим делам Верховного Суда Республики Беларусь, которая в своем постановлении также сослалась на упомянутое выше консультативное заключение Суда Союза.

Приведенный пример наглядно демонстрирует, что консультативные заключения Суда ЕАЭС, несмотря на их рекомендательный характер, выступают не только ориентиром для судов при вынесении решений, но и используются судами как авторитетный источник, позволяющий согласовывать национальное законодательство с правом Союза. Таким образом, предусмотренный в Договоре о ЕАЭС механизм взаимодействия национальных судов с наднациональным судом в полной мере позволяет учитывать правовые позиции Суда ЕАЭС при формировании судебной практики.

В силу этого с точки зрения экономических судов в настоящее время нет необходимости введения нового института – института преюдициального запроса. Благодаря механизму принятия, предусматривающему привлечение при подготовке консультативных заключений национальных органов государств-членов, экспертов и научных организаций, правовые позиции Суда ЕАЭС обладают значительной ценностью и востребованы судами. Ведущий вопрос об изменении их юридического статуса не является актуальным.

Г. Ж. Альмагамбетова
судья Верховного Суда Республики Казахстан

Роль нормативных постановлений Верховного Суда Республики Казахстан при применении права Союза

Верховный Суд Республики Казахстан является высшим судебным органом по гражданским, уголовным и иным делам, подсудным местным и другим судам, в предусмотренных законом случаях рассматривает отнесенные к его подсудности судебные дела и дает разъяснения по вопросам судебной практики.

Действующим правом в Республике Казахстан являются нормы Конституции, соответствующих ей законов, иных нормативных правовых актов, международных договорных и иных обязательств республики, а также нормативных постановлений Конституционного Суда и Верховного Суда Республики Казахстан.

Разъяснения по вопросам судебной практики Верховный Суд принимает в форме нормативных постановлений.

Нормативные постановления Верховного Суда:

1) обязательны для всех судов Казахстана;
2) разъясняют, как правильно применять нормы закона;
3) обеспечивают единообразие судебной практики.

В рамках настоящей дискуссии предлагается обсудить вопрос относительно нормотворческой деятельности верховных судов.

Право принятия актов в форме постановлений Пленумов, разъяснений предоставлено ряду верховных судов – членов Евразийского экономического союза.

Таблица

Страна	Как называются разъяснения	Кто принял
Армения	Правовые позиции Кассационного суда	Кассационный суд
Беларусь	Постановление Пленума Верховного Суда	Верховный Суд
Казахстан	Нормативные постановления Верховного Суда	Верховный Суд
Кыргызстан	Постановление Пленума Верховного Суда	Верховный Суд
Россия	Постановление Пленума Верховного Суда	Верховный Суд

Полагаю, основной вопрос, подлежащий разрешению высшим судебным органом, следующий: как следует применять норму права при рассмотрении определенной категории дел?

В соответствии с Конституцией международные договорные и иные обязательства Республики Казахстан отнесены к действующему праву. Они подлежат применению в порядке, предусмотренном законодательством Республики Казахстан.

При рассмотрении дела суд применяет право Союза. Соответственно, по результатам обобщения судебной практики Верховный Суд вправе в нормативном постановлении разъяснить применение права Союза. Может ли данная компетенция быть передана Суду Союза?

Право Союза применяется несколькими государствами, допускается разная судебная практика по применению одной и той же нормы Союза.

Выражено несколько позиций, в том числе о достаточности консультативного заключения Суда.

Действительно, Суд по заявлению государств-членов или органов Союза осуществляет разъяснение положений Договора, международного договора в рамках Союза и решений

органов Союза. Осуществление Судом разъяснения означает предоставление консультативного заключения и не лишает государства-члены права на совместное толкование ими международных договоров.

При этом согласно п. 98 Статута консультативное заключение по заявлению о разъяснении носит рекомендательный характер.

Речь идет о формировании права Евразийского союза. Соответственно, возникает вопрос о его единообразном применении государствами-участниками, в противном случае не достигаем цели формирования такого права и создания Союза.

Верховным Судом Республики Казахстан принято нормативное постановление «О некоторых вопросах применения таможенного законодательства» от 29 ноября 2019 г., в котором предусмотрено, что на решения Евразийской экономической комиссии, принятые в рамках ее полномочий, распространяются положения ст. 4 Конституции о приоритете ратифицированных Республикой Казахстан международных договоров перед ее законами.

Решения Комиссии, ущемляющие конституционные права и свободы человека и гражданина, не имеют приоритета перед нормативными правовыми актами Республики Казахстан.

Согласно п. 99 Статута Суда ЕАЭС (приложение № 2 к Договору о ЕАЭС от 29 мая 2014 г.) акты Суда ЕАЭС, вынесенные в соответствии с его компетенцией, обязательны для исполнения сторонами спора, по которому они вынесены. В этой связи акты Суда ЕАЭС должны учитываться судами при разрешении споров, связанных с применением норм права ЕАЭС, соответствие которых Договору о ЕАЭС было предметом рассмотрения в Суде ЕАЭС.

Здесь сделано два вывода:

1) по юридической силе решений Евразийской экономической комиссии;

2) рекомендовано национальным судам учитывать правовые позиции Суда ЕАЭС по применению норм права Союза.

Относительно правовых позиций Суда Союза Верховный Суд Казахстана применяет выражение «должны учитываться».

В п. 99 Статута предписано об обязательности судебного акта для сторон по результатам рассмотрения споров, рассмотренных по подп. 1 п. 39 Статута.

Это споры по заявлению государства – члена Союза, но по нормативному постановлению имеют значение только споры, предметом рассмотрения которых являлось соответствие норм права ЕАЭС Договору о ЕАЭС.

Это первые шаги Верховного Суда по закреплению в нормативном постановлении значения правовых позиций, изложенных в судебных актах Суда Союза.

Верховным Судом принято нормативное постановление «О применении норм международных договоров Республики Казахстан» от 10 июля 2008 г., в п. 16 которого предусмотрено, что в случае возникновения вопросов, требующих разъяснения технико-юридического характера при применении и толковании норм международного договора Республики Казахстан, следует использовать акты и решения международных организаций, членом которых является Республика Казахстан, а также обращаться в Министерство иностранных дел Республики Казахстан, Министерство юстиции Республики Казахстан, Генеральную прокуратуру Республики Казахстан (например, для уяснения вопросов, связанных с продолжительностью действия международного договора, перечнем государств, участвующих в договоре, наличием либо отсутствием в международном договоре оговорки стран-участниц, судебной практикой применения международного договора в зарубежных странах и других).

Акцентировано, что при необходимости получения разъяснения технико-юридического характера, в том числе судебной практики применения международного договора в зарубежных странах, нет прямого указания, какой орган в данном случае может разъяснить применение нормы международного договора, ввиду того, что нет нормативных актов, регламентирующих данные вопросы.

Вопросы применения международных договоров и обеспечения верховенства права находятся в орбите Верховного Суда с учетом новых вызовов. Планируется проведение обобщения судебной практики, итоги и выводы которого станут основой нового нормативного постановления. Предполагается высказать позицию Верховного Суда и по применению права Союза, и о значении правовых позиций Суда Союза.

В заключение хотела бы отметить необходимость обмена информацией, диалога между высшими судебными инстанциями государств – участниц Союза по вопросам применения права Союза национальными судами.

М. В. Виноградов
начальник главного управления международно-правового сотрудничества Генеральной прокуратуры Российской Федерации

Актуальные вопросы деятельности Суда ЕАЭС

Уважаемый Аскар Булатович, уважаемые участники конференции, коллеги!

В прошлом году в рамках конференции мы отмечали знаковое событие – юбилей Договора о Евразийском экономическом союзе (далее – ЕАЭС, Союз). В этот раз мы встречаемся в год десятилетия начала практической работы Суда ЕАЭС.

В ходе настоящей сессии мы, безусловно, оцениваем роль непосредственно Суда Союза в обеспечении верховенства права на евразийском пространстве.

Вместе с тем хотел бы обратить внимание, что эффективность выполнения Судом ЕАЭС данной задачи неразрывно связана с качеством диалога между ним и государствами-членами.

В этой связи очень радует участие уважаемых судей Верховного Суда Российской Федерации и Конституционного Суда Российской Федерации, выступления которых на площадке данной конференции уже способствуют формированию конструктивного диалога с Судом Союза.

Хотелось бы также выразить признательность Суду ЕАЭС за организацию различных мероприятий по наиболее актуальным вопросам практики Суда, в том числе в рамках Санкт-Петербургского международного юридического форума и Евразийского экономического форума.

Проведение Судом Союза подобных просветительских мероприятий особенно важно в условиях возрастающей необходимости повышения в государствах – членах Союза осведомленности о деятельности органов Союза, в том числе о практике Суда, и подготовки квалифицированных кадров в сфере евразийской интеграции.

Говоря о взаимодействии Суда ЕАЭС с государствами – членами Союза в условиях действующего правового регулирования, хотел бы остановиться на следующем.

Юрисдикция Суда Союза включает пересмотр решений Евразийской экономической комиссии и ее действий (бездействия) по заявлениям хозяйствующих субъектов. При этом у Суда отсутствуют полномочия по рассмотрению вопросов о возмещении убытков или иных требований имущественного характера[1]. В результате либо до обращения в Суд ЕАЭС, либо после заявитель в лице субъекта рынка обращается в суды государств – членов Союза, в том числе в целях реализации правовых позиций Суда ЕАЭС.

Данное утверждение справедливо и для международных служащих органов Союза, поскольку вопросы в сфере трудовых правоотношений, по которым они запрашивают разъяснения Суда ЕАЭС, могут напрямую пересекаться с властными действиями уполномоченных органов государств-членов.

Так, например, заявление бывшего сотрудника Суда ЕАЭС Т. И. Брыновой, по которому Судом 28 марта 2024 г. вынесено консультативное заключение[2], непосредственно связано

---

[1] Договор о Евразийском экономическом союзе. Приложение № 2. Статут Суда Евразийского экономического союза от 29 мая 2014 г. П. 61. – URL: http://www.eurasiancommission.org/.

[2] Консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза от 28 марта 2024 г., дело № Р-2/24. – URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-2.24/ (дата обращения: 10.11.2025).

с действиями Минтруда России и судебным разбирательством в судах Российской Федерации.

Вместе с тем в правоприменительной практике Суда ЕАЭС и национальных судов усматриваются определенные расхождения, обусловленные, с одной стороны, спецификой статуса Суда Союза как судебного органа наднациональной организации, и, с другой стороны, состоянием национального законодательства в соответствующих сферах.

Следует отметить, что Верховным Судом Российской Федерации в постановлении Пленума 2019 г. № 49 на примере таможенного регулирования выражена позиция, что при толковании и применении норм права Союза судам следует учитывать акты Суда Союза, вынесенные по результатам рассмотрения споров, а также по иным вопросам, отнесенным к его компетенции[3].

Вместе с тем Конституционным Судом Российской Федерации в определении от 10 февраля 2022 г. разъяснено, что участие Российской Федерации в межгосударственных объединениях, предусматривающих создание межгосударственного суда, не предполагает в обязательном порядке закрепление в национальном законодательстве возможности пересмотра решений внутригосударственных судов на основе актов такого международного суда[4].

---

[3] О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике в связи с вступлением в силу Таможенного кодекса Евразийского экономического союза : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.11.2019 № 49 // Российская газета. – № 276. – 06.12.2019.

[4] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 10.02.2022 № 191-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Омской области на нарушение конституционных прав общества с ограниченной ответственностью “Производственное предприятие “Ремдизель” частью 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.11.2025).

Одновременно констатировано, что акты Суда Союза о признании по заявлению хозяйствующего субъекта решений Комиссии или отдельных их положений не соответствующими Договору или международным договорам в рамках Союза не обладают ретроактивным значением и сами по себе непосредственно не влекут отмены (недействительности) указанных решений или отдельных их положений[5].

Таким образом, на данном этапе складывается ситуация, когда решение или консультативное заключение Суда ЕАЭС может быть заявлено в национальном суде и учтено им, только если производство по существу дела не завершено.

Если же акт Суда ЕАЭС, имеющий значение для конкретного спора, рассматриваемого внутригосударственным судом, принимается даже на день позже вынесения окончательного решения, возможности пересмотреть это решение с учетом позиции Суда Союза в настоящий момент нет.

О расхождениях свидетельствует также дело по заявлению индивидуального предпринимателя Е. А. Курко, в котором ставится вопрос относительно допустимости распространения искаженной информации о незаконной деятельности хозяйствующего субъекта в контексте реализации права на судебную защиту в форме направления досудебных претензий[6].

---

[5] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 10.02.2022 № 191-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Омской области на нарушение конституционных прав общества с ограниченной ответственностью “Производственное предприятие “Ремдизель” частью 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации». П. 2.2 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.11.2025).

[6] Решение Суда Евразийского экономического союза от 17 марта 2025 г. по делу С-8/24: индивидуальный предприниматель Евгений Александрович

Таким образом, говоря о верховенстве права в рамках Союза, необходимо учитывать, что его достижение возможно посредством сближения подходов правового регулирования на наднациональном и внутригосударственном уровнях, когда формируемые Судом позиции учитывают специфику правовых систем государств-членов, а на национальном уровне существуют механизмы для реализации решений органов Союза. Как представляется, тут есть о чем подумать.

В заключение как представитель уполномоченного органа Российской Федерации по обеспечению защиты интересов государства в Суде ЕАЭС хотел бы выразить готовность в рамках установленных полномочий оказать Суду Союза необходимую поддержку.

Благодарю за внимание!

Курко. – URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/C-8.24/ (дата обращения: 10.11.2025).

О. В. Кадышева
и. о. заведующего кафедрой международного права юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Можно ли говорить о существовании публичного порядка ЕАЭС?

Вместо введения: частное или публичное

Согласно традиционному представлению вопросы публичного порядка относятся к международному частному праву, где отсылка к публичному порядку государства используется как основание для отказа суда применить иностранный закон или признать и исполнить иностранное судебное или арбитражное решение. Однако в последнее время концепция публичного порядка прочно укоренилась в международном публичном праве, где она используется в узком и широком смыслах своего значения. Публичный порядок в узком смысле представляет собой одно из предусмотренных международным договором оснований для правомерного отказа государства исполнять свои обязательства в рамках данного договора. Публичный порядок в широком смысле представляет собой совокупность норм, являющихся фундаментальными для того или иного международного правопорядка и обеспечивающих его устойчивость и эффективность.

Концепция публичного порядка (англ. *public policy*; фр. *ordre public*; нем. *öffentliche Ordnung*) является неотъемлемой частью правопорядка любого государства. Публичный порядок называют «высшим принципом права, целью в праве, идеей права»[1].

[1] Шулаков, А. А. Публичный порядок в международном частном праве – правило или исключение? / А. А. Шулаков // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2021. – № 3. – С. 149–159, 152.

Вместе с тем *ordre public* – это многогранное понятие. В литературе отмечается, что даже публичный порядок как *ordre public* отличается от выражения, часто используемого в английском языке, – *public policy*[2]. Публичный порядок как *ordre public* – это правовой принцип, который достаточно трудно определить. Выражение *public order* в текстах Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и Пакта о гражданских и политических правах 1966 г. взято именно из французской системы, где *ordre public* означает все обязательные правила, которые связаны с общей организацией государства, с экономической системой, моралью, здоровьем, безопасностью, общественным миром, правами, основными правами и свободами каждого гражданина. Эти правила нельзя игнорировать, индивиды не могут отступать от них, за редчайшими исключениями. Публичный порядок, следовательно, можно определить как совокупность обязательных норм, организующих жизнь в обществе в рамках данного государства. Эти нормы устанавливаются в интересах общества, и без них жизнь в обществе была бы невозможна, а государства не смогли бы выжить. Публичный порядок как *ordre public* гарантируется государством через органы принуждения. Это набор высших ценностей, которые нельзя трогать. В нем смешиваются различные интересы: политические, моральные, экономические или социальные[3].

Тем не менее публичный порядок упоминается в различных международных документах как некий факт, без раскрытия его правовой природы и содержания. Например, в ст. 17 резолюции Института международного права,

[2] Ghantous, M. Ordre Public Protection as Legitimate Aim for Freedom of Expression Restriction in the International Legal Order / M. Ghantous // Revue québécoise de droit international. – 2018. – Vol. 31, № 1. – P. 243–266, 251.

[3] Ghantous, M. Op. cit. – P. 251.

принятой в Брюсселе в 1936 г., уважение публичного порядка характеризуется как обычная норма международного права[4]. В свою очередь, договор, заключенный между Британской империей, Италией, Францией, Японией, США и Польшей, о меньшинствах (Версаль, 28 июня 1919 г.) также признавал существование публичного порядка в национальных правовых системах[5], а в деле *Norwegian Ship-owners Claims* Постоянная палата третейского суда использовала термин «международный публичный порядок» (*L'Ordre Public International*)[6].

---

[4] «Признание де-юре правительства подразумевает признание судебных, административных или других органов и приписывание экстерриториальных последствий их действиям в соответствии с нормами международного права и, в частности, с обычно-правовым правилом об уважении публичного порядка, даже если эти действия были совершены до какого-либо предыдущего признания де-факто» (Institut de droit international. Session de Bruxelles – 1936. La reconnaissance des nouveaux Etats et des nouveaux gouvernements. – 23 avril 1936. – P. 4. – Article 17. – URL: https://www.idi-iil.org/app/uploads/2017/06/1936_brux_01_fr.pdf (дата обращения: 25.12.2025)).

[5] «Польша обязуется обеспечить полную и всестороннюю защиту жизни и свободы всем жителям Польши без различия рождения, национальности, языка, расы или религии. Все жители Польши имеют право на свободу, как публичную, так и частную, любого вероисповедания, религии или убеждений, отправление которых не противоречит публичному порядку или общественной морали» (Minorities treaty between the principal allied and associated powers (the British Empire, France, Italy, Japan and the United States) and Poland, signed at Versailles (28 June 1919). – P. 3. – Article 2. – URL: http://www.forost.ungarisches-institut.de/pdf/19190628-3.pdf (дата обращения: 25.12.2025)).

[6] «Международный публичный порядок, очевидно, не стоит на кону, когда этот Трибунал имеет дело с такими контрактами. Однако если публичное право одной из сторон противоречит международному публичному порядку, то Трибунал не связан национальным правом государств, являющихся сторонами арбитражного разбирательства» (Permanent Court of Arbitration.

В целом доктрина публичного порядка остается субъективной и неопределенной и поэтому трудна для объективного и точного использования при отправлении правосудия. В доктрине отмечается, что «это одно из самых неуловимых понятий в праве, учитывая противоречивые судебные решения и запутанную литературу»[7], оно «изменчиво и непостоянно», поэтому к нему обращаются «только тогда, когда нет других аргументов»[8].

Традиционно категория «публичный порядок» исследовалась в рамках науки международного частного права в процессе применения коллизионных норм и связанной с ним «оговорки о публичном порядке» как основание для того, чтобы исключить применение национальным судом иностранного права, или для отказа в исполнении иностранного судебного или арбитражного решения. Такой подход неоправданно сужает рамки исследования данной проблематики и не может не оказывать влияния на полноту и качество ее анализа. На первый взгляд, понимание публичного порядка в международном частном праве является скорее процессуальным, чем материальным.

Особое значение концепция публичного порядка приобретает в связи с рассмотрением международных споров, в которых государства все чаще ссылаются на необходимость защиты их общественного порядка в качестве оправдания действий, которые нарушают их обязательства в рамках международного права. При этом международные органы по разрешению

Norwegian shipowners' claims (Norway v. U.S.A). Award of 13 October 1922. – P. 330. – URL: https://legal.un.org/riaa/cases/vol_I/307-346.pdf (дата обращения: 25.12.2025)).

[7] Ghodoosi, F. The Concept of Public Policy in Law: Revisiting the Role of the Public Policy Doctrine in the Enforcement of Private Legal Arrangements / F. Ghodoosi // Nebraska Law Review. – 2015. – Vol. 94, № 3. – P. 685–736, 687.

[8] Ibid. – P. 688.

споров демонстрируют различие подходов к оценке применимости и обоснованности таких аргументов. Концептуализация публичного порядка в значительной степени определяет роль судов в решении вопросов, связанных с публичным порядком, и влияет на итог судебного разбирательства. При этом вопрос о том, в какой степени судьи и арбитры могут оценивать публичный порядок, остается неурегулированным.

Понятие публичного порядка: вопросы терминологии

В литературе публичный порядок упоминается в качестве «исторически запутанной и часто игнорируемой доктрины»[9], а сам термин «публичный порядок» часто используется в судебном разбирательстве для утверждения, что договор, иностранное судебное решение, арбитражное решение или иностранный закон нарушают публичный порядок *lex fori*, т. е. суда, рассматривающего спор.

Давая характеристику публичному порядку в международном частном праве, М. И. Брун указывал на то, что «публичным порядком диктуются и существование правила, и исключения»[10]. По мнению М. И. Бруна, это происходит потому, что «публичный порядок есть не что иное, как воля самого законодателя»[11], указывающая судье на правила применения или неприменения иностранного закона. В связи с этим публичный порядок представляет, по сути, синоним требования законодателя и господствует не только в коллизионном праве, но и во всех других отраслях права.

---

[9] Ghodoosi, F. Op. cit. – P. 686.

[10] Брун, М. И. Публичный порядок в международном частном праве / М. И. Брун. – Петроград : Сенатская типография, 1916. – С. 76. Цит. по: Шулаков, А. А. Указ. соч. – С. 152.

[11] Брун, М. И. Указ. соч. – С. 76.

Публичный порядок появился в национальной судебной практике в XVIII в. Одним из первых примеров применения данной концепции было решение по делу *Mitchel v. Reynolds*, где суд признал недействительным договор, который привел бы к ограничению торговли. Позже доктрина публичного порядка распространилась и на другие сферы, такие как запрет бессрочных договоров, продажа должностей, брачные договоры и азартные игры[12].

В 1750 г. было предложено одно из первых определений публичного порядка – «договоры против публичного порядка не имеют силы не потому, что одна из сторон была обманута, а потому, что они являются “общим вредом” для общества»[13].

Как отметил W. S. W. Knight, в XVIII в. сформировалась доктрина публичного порядка как нечто отличное от простой безнравственности или незаконности[14]. Тогда подход к публичному порядку включал и политические соображения, а не просто общие общественные ценности для его обоснования и содержания.

Только позднее в истории публичный порядок стал категорией, независимой от незаконности. Частные договоры не могли быть средством обхода публичного порядка государств. В результате частноправовые соглашения стали системно подчиняться публичным правилам благодаря доктрине публичного порядка. Причем сферы применения публичного порядка относились к договорам, которые исключали юрисдикцию суда или наносили ущерб статусу брака, а также к договорам, которые ограничивали торговлю[15].

---

[12] Ghodoosi, F. Op. cit. – P. 692.

[13] Knight, W. S. W. Public Policy in English Law / W. S. W. Knight // Law Quarterly Review. – 1922. – Vol. 38. – P. 207–222, 209. Цит. по: Ibid.

[14] Knight, W. S. W. Op. cit. – P. 210.

[15] Ghodoosi, F. Op. cit. – P. 696.

Таким образом, доктрина публичного порядка основывалась на идее, что исполнение договора является вопросом публичного права, так же как и отправление правосудия является делом государственным и осуществляется за его счет, именно поэтому оно должно контролироваться. Государственные ресурсы не должны использоваться для исполнения соглашения, которое наносит ущерб общественной морали или интересам.

Несмотря на отмеченное выше использование концепции публичного порядка преимущественно в международном частном праве, в последнее время отмечается рост интереса к этой проблематике и с точки зрения международного публичного права, при этом понятие *ordre public* в международном частном праве и *ordre public* в международном публичном праве предлагается не смешивать[16]. С одной стороны, это связано с использованием концепции публичного порядка международными судами. Так, Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ), начиная с решения по делу *Loizidou*[17], неоднократно ссылался на ЕКПЧ как конституционный инструмент европейского публичного порядка (*European public order*)[18]. Как будет показано ниже, публичный порядок всего Европейского союза признает в своих решениях Суд Европейского союза. С другой стороны, оговорка о публичном порядке появилась во многих универсальных и региональных международных договорах как одно из оснований для правомерного отказа государства исполнять взятые им обязательства (такие оговорки есть в соглашениях

[16] Ghodoosi, F. Op. cit. – P. 251.

[17] European Court of Human Rights. Loizidou v. Turkey (Preliminary Objections) [Grand Chamber]. Application no. 15318/89. Judgment of 23 March 1995. § 75.

[18] De Lange, R. The European Public Order, Constitutional Principles and Fundamental Rights / R. De Lange // Erasmus Law Review. – 2007. – Vol. 1, № 1. – P. 3–24, 12.

ВТО, многочисленных инвестиционных соглашениях, Договоре о ЕС, Договоре о ЕАЭС).

Именно поэтому в доктрине было предложено использовать в международном публичном праве термин «публичный порядок» в широком и узком смыслах[19].

Публичный порядок в широком смысле – это совокупность норм, которые являются настолько фундаментальными для функционирования того или иного правопорядка в международном праве, что они имеют особый статус. Так, в доктрине термин «международный публичный порядок» (*international public order*) обычно ассоциируется с императивными нормами международного права[20] и обязательствами *erga omnes*[21]. В практике ЕСПЧ положения ЕКПЧ характеризуются как конституционные нормы европейского публичного порядка, а Суд ЕС относит ряд положений Договора о ЕС к нормам публичного порядка Европейского союза. Во всех этих случаях публичный порядок подразумевает наличие в соответствующем правопорядке норм, от исполнения которых государства не могут отказаться посредством заключения отдельного соглашения между собой или ссылки на свой собственный национальный правопорядок.

Правопорядок в международном публичном праве в узком смысле подразумевает наличие в международном договоре соответствующих исключений, на которые могут ссылаться государства, чтобы оправдать свое нарушение взятых по данному договору

---

[19] De Lange, R. Ibid. – P. 12.

[20] См., например: Orakhelashvili, A. Peremptory Norms in International Law / A. Orakhelashvili. – Oxford : Oxford University Press, 2008. – P. 7–35.

[21] См. Kamiyama, M. I. B. Obligations Erga Omnes and International Public Order after the Decision in the Belgium v. Senegal Case / M. I. B. Kamiyama // Revista dos Estudantes de Direito da Universidade de Brasília. – 2013. – Vol. 11, № 1. – P. 43–62.

обязательств. Наряду с содержащимися во многих международных договорах оговорками о национальной безопасности, морали и нравственности, защите здоровья населения, применимость таких положений традиционно определялась исключительно самим государством. Однако явной тенденцией последних лет стала нарастающая активность международных судов и их стремление контролировать этот процесс и самим определять правомерность использования тем или иным государством соответствующих оговорок в конкретной ситуации.

Например, Международный Суд ООН рассматривал применение государством оговорки о публичном порядке в узком смысле в деле *Certain Questions of Mutual Assistance in Criminal Matters* (*Djibouti v. France*)[22], в котором рассматривался отказ Франции предоставить запрошенную Джибути информацию на основании двусторонней Конвенции о правовой помощи 1986 г. В оправдание своих действий Франция ссылалась как раз на оговорку о публичном порядке, содержащуюся в этой Конвенции.

В этой связи целесообразным видится разделение категории публичного порядка в международном праве на «публичный порядок в узком смысле» и «публичный порядок в широком смысле», при этом в отношении первого руководствоваться концепцией национального публичного порядка, а под вторым подразумевать совокупность фундаментальных норм соответствующего правопорядка в международном праве, которые обеспечивают устойчивость и эффективность данного правопорядка. Однако при этом остается открытым вопрос о соотношении в международном публичном праве концепции публичного порядка в широком смысле с доктриной императивных норм международного права в силу их схожести по своим правовым последствиям. Это дает основание многим

[22] ICJ. Certain Questions of Mutual Assistance in Criminal Matters (Djibouti v. France). Judgment of 4 June 2008 // ICJ. Reports. – 2008. – P. 177.

авторам считать императивные нормы частью норм универсального международного публичного порядка. На наш взгляд, появление в международном праве конкурирующих концепций является прямым следствием отсутствия мирового законодательного органа. С другой стороны, процессы фрагментации и регионализации международного права создают питательную среду для конкуренции различных концепций, что полностью исключено на национальном уровне, но, как мы видим, допускается государствами на международном уровне. Наличие конкурирующих концепций означает, что у международных судов появляется возможность протестировать их на практике при разрешении нормативных конфликтов с точки зрения удобства их применения. В этом отношении красноречивым видится уже отмеченное в литературе полное отсутствие практики международных судов по применению императивных норм международного права по их назначению, а именно для признания недействительными норм договоров, которые противоречат таким нормам.

Вопросы публичного порядка в практике Суда Евразийского экономического союза

Что касается концепции публичного порядка в ЕАЭС, нужно отметить, что, согласно положениям ст. 28 Договора о Евразийском экономическом союзе, Союз принимает меры по обеспечению функционирования внутреннего рынка в соответствии с положениями Договора. Внутренний рынок охватывает экономическое пространство, в котором обеспечивается свободное передвижение товаров, лиц, услуг и капиталов.

Статья 29 Договора о ЕАЭС предусматривает исключения из порядка функционирования внутреннего рынка товаров, к числу которых относится право государств-членов при взаимной торговле товарами применять ограничения (при условии, что такие меры не являются средством неоправданной

дискриминации или скрытым ограничением торговли) в случае, если такие ограничения необходимы для охраны жизни и здоровья человека; защиты общественной морали и правопорядка; охраны окружающей среды; охраны животных и растений, культурных ценностей; выполнения международных обязательств и обеспечения обороны страны и безопасности государства-члена.

Оговорки отраслевого (или еще более узкого) характера встречаются в отдельных протоколах к Договору о ЕАЭС, в Протоколе о единых правилах предоставления промышленных субсидий (приложение № 28), п. 77 которого наделяет государства-члены правом использовать специфические субсидии, введение которых обусловлено необходимостью в защите общественной морали, общественного правопорядка и государственной безопасности; жизни или здоровья людей, животных и растений; национальных сокровищ художественной, исторической или археологической ценности; прав на интеллектуальную собственность; истощаемых природных ресурсов (если подобные меры проводятся одновременно с ограничением внутреннего производства или потребления).

Другим примером может служить Протокол о мерах нетарифного регулирования в отношении третьих стран (приложение № 7), в п. 38 которого устанавливается возможность введения при ввозе и (или) вывозе отдельных категорий товаров мер, необходимых для соблюдения общественной морали или правопорядка, а также для охраны жизни и здоровья человека, окружающей среды, животных и растений, а также мер, которые относятся к экспорту и (или) импорту золота или серебра; применяются для защиты культурных ценностей и культурного наследия; необходимы для предотвращения исчерпания невосполнимых природных ресурсов и проводятся одновременно с ограничением внутреннего производства или потребления, связанных с использованием невосполнимых природных

ресурсов; связаны с ограничением экспорта товаров, происходящих с территорий государств-членов, для обеспечения достаточным количеством таких товаров внутренней обрабатывающей промышленности в течение периодов, когда внутренняя цена на такие товары держится на более низком уровне, чем мировая цена, в результате осуществляемого правительством плана стабилизации; необходимы для приобретения или распределения товаров при общем или местном их дефиците; необходимы для выполнения международных обязательств; необходимы для обеспечения обороны и безопасности; необходимы для обеспечения соблюдения не противоречащих международным обязательствам правовых актов, касающихся применения таможенного законодательства, охраны окружающей среды, защиты интеллектуальной собственности, и иных правовых актов.

Как мы видим, Договор о ЕАЭС не содержит явным образом оговорку о публичном порядке в его узком смысле как основание для ограничений свобод внутреннего рынка, напоминая в этом отношении скорее ст. XX и XXI Генерального соглашения по тарифам и торговле 1994 г.[23], также фиксирующего исключения из установленных ГАТТ правовых режимов, но на уровне правил Всемирной торговой организации. Интересно, что в неофициальном переводе Договора о ЕАЭС на английский язык, размещенном на правовом портале сайта ЕЭК[24], в тексте ст. 29 слово «правопорядок» переведено как *public order*, что, на наш взгляд, является не совсем корректным переводом, поскольку термины «правопорядок» и «публичный порядок»

[23] General Agreement on Tariffs and Trade. – 1994. – URL: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/gatt47_e.htm (дата обращения: 01.03.2026).

[24] См. Treaty on the Eurasian Economic Union. – URL: https://docs.eaeunion.org/upload/iblock/3b2/0aq0urjrfygepanpcxgllxg9x68ce6bd/itia_05062014_doc.pdf (дата обращения: 01.03.2026).

все же отличаются друг от друга. Впрочем, это все равно не так важно, потому что единственным официальным языком Договора о ЕАЭС является русский язык. В консультативном заключении от 30 октября 2017 г.[25] (пока единственном на сегодня, посвященном вопросам исключений из общего порядка функционирования внутреннего рынка товаров) Суд ЕАЭС не стал подробно останавливаться на отдельных основаниях для введения ограничений. Суд ограничился указанием на то, что «дискреция государств – членов Союза по применению п. 1 ст. 29 Договора не безусловна, что предопределено ограничительным толкованием условий применения ограничений во взаимной торговле товарами». По мнению Суда ЕАЭС, нужно выделять «два основных условия допустимости применения ограничений»: а) «цель принятия национальной меры должна соответствовать одному из оправдывающих обстоятельств», перечисленных в ч. 1 ст. 29 Договора о ЕАЭС; б) «национальная мера не должна являться средством произвольной дискриминации или замаскированного ограничения в торговле между государствами-членами и должна быть пропорциональной»[26]. К сожалению, в практике Суда ЕАЭС пока не было дел, связанных с оспариванием таких ограничений. На наш взгляд, это скорее говорит о том, что государства – члены Союза стараются решать такие вопросы дипломатическим путем, а не об отсутствии фактов принятия ими таких мер.

Отсутствуют в Договоре о ЕАЭС также и упоминания о взаимном признании и исполнении в странах – членах ЕАЭС судебных и арбитражных решений, вынесенных в других государствах – членах Союза. Однако все государства – члены

---

[25] Суд ЕАЭС. Консультативное заключение Большой Коллегии от 30 октября 2017 г. по делу Р-3/17. – URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-3.17/ (дата обращения: 01.03.2026).

[26] Там же. – С. 10.

ЕАЭС как минимум являются участниками Нью-Йоркской конвенции, поэтому, по нашему мнению, рано или поздно Суд ЕАЭС столкнется с проблематикой публичного порядка в контексте ограничений для функционирования единого внутреннего рынка ЕАЭС, по крайней мере при исполнении судебных и арбитражных решений.

Если рассматривать доктрину публичного порядка в узком смысле, т. е. как правомерное основание для отступления государством от своих обязательств, то, на наш взгляд, в ст. 29 Договора о ЕАЭС речь идет именно о нем. Поскольку в ст. 29 указывается на право государств-членов ссылаться на обстоятельства особой важности (мораль, правопорядок, окружающая среда, безопасность и пр.), то можно говорить о том, что Договор содержит правила, позволяющие ссылаться на внутренний публичный порядок государств – членов ЕАЭС.

Кроме того, отдельно в рамках ЕАЭС можно ставить вопрос о формировании концепции собственного публичного порядка Союза (публичного порядка в широком смысле), защиту которого бы осуществлял Суд ЕАЭС.

В особом мнении судьи Т. Н. Нешатаевой от 12 октября 2022 г.[27] впервые в практике Суда ЕАЭС был использован термин «публичный порядок» применительно, как можно предположить из текста особого мнения, к проблеме установленных правом ЕАЭС исключений из налогообложения косвенными налогами товаров при их перемещении внутри ЕАЭС. Оставляя в стороне вопрос о возможности использования в контексте данного дела термина «публичный порядок», можно лишь отметить, что само понятие публичного порядка и его содержание в особом мнении не раскрываются.

[27] Суд ЕАЭС. Особое мнение судьи Нешатаевой Т. Н. от 12 октября 2022 г. по делу Р-2/22. – URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P.2-22/ (дата обращения: 01.03.2026).

В другом особом мнении судьи Т. Н. Нешатаевой – от 22 ноября 2022 г.[28] – уже прямо указывается на публичный порядок как государства – члена ЕАЭС, так и всего Союза, а также на ст. 29 Договора как основание для применения доктрины публичного порядка.

При этом в решении от 8 декабря 2022 г. по делу ООО «Польские машины» Суд подчеркивает, что «проверка полномочий ЕЭК является вопросом публичного порядка, который оценивается Судом *ex officio* в силу прямого указания права Союза и независимо от доводов истца»[29].

Именно поэтому вопросы о том, будут ли нормы права ЕАЭС толковаться и квалифицироваться в контексте публичного порядка или же только постулаты, идеи, ценности или абстрактные права могут считаться подпадающими под контекст публичного порядка, и о том, насколько широким при определении содержания публичного порядка будет усмотрение государств-членов, требуют дальнейшего разъяснения со стороны государств-членов и Суда ЕАЭС.

Заключение

Подводя итог, стоит отметить, что в современном мире, нуждающемся в последовательности и предсказуемости, доктрина публичного порядка остается одним из самых непростых

---

[28] Суд ЕАЭС. Особое мнение судьи Нешатаевой Т. Н. от 22 ноября 2022 г. по делу Р-4/22. – URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/r-4.22/ (дата обращения: 01.03.2026).

[29] Суд ЕАЭС. Решение Коллегии от 8 декабря 2022 г. по делу С-6/22. – С. 6. – URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/c-6.22/ (дата обращения: 01.03.2026). См. также: Суд ЕАЭС. Решение Коллегии от 23 октября 2023 г. по делу № С-5/23. – URL: https://courteurasian. org/court_cases/eaeu/%D0%A1-5.23/ (дата обращения: 01.03.2026); Решение Апелляционной палаты от 12 февраля 2025 г. по делу № С-10/24.

аспектов деятельности как национальных, так и международных судов. Несмотря на то, что традиционно доктрина публичного порядка воспринималась через призму оговорки о публичном порядке как части частного права, публичный порядок все же следует считать институтом публичного права – это в большей мере соответствует его природе, существу и функциям, поскольку он служит публичным интересам государства и общества, поддерживая суверенитет и безопасность. Концепция публичного порядка должна нести в себе функцию защиты национальной правовой системы от того, что может создать для нее угрозу. С другой стороны, с точки зрения сферы применения публичный порядок может служить не только защитником национальных ценностей и интересов, но и сдерживающим фактором для развития международных отношений, если использовать его непропорционально.

Говоря о концепции публичного порядка на уровне ЕАЭС, нужно отметить, что, несмотря на то, что Договор о ЕАЭС не упоминает категорию публичного порядка, ст. 29 Договора содержит перечень ограничений для функционирования внутреннего рынка товаров, что не исключает возможности толкования и использования оговорки о публичном порядке как национальными судами, так и Судом ЕАЭС, и, на наш взгляд, именно суды должны дать толкование понятия «публичный порядок». Суд ЕАЭС готов толковать нормы права ЕАЭС в контексте публичного порядка. Вопрос о том, насколько широким будет толкование при определении содержания публичного порядка, остается на усмотрение Суда. По образному выражению одного из судей Верховного Суда Российской Федерации, «оговорки формулируются как лаконичные формулы, а наполнение этих формул – задача судейского усмотрения»[30].

[30] Павлова, Н. В. Оговорка о публичном порядке как судебный эксклюзив и предел вежливости конкретной нации. Комментарий к Обзору практики

Вопрос о соотношении в международном публичном праве концепции публичного порядка в широком смысле с доктриной императивных норм международного права в силу их схожести по правовым последствиям следует воспринимать как иллюстрацию появления в международном праве по инициативе государств конкурирующих концепций, что является прямым следствием отсутствия мирового законодательного органа. Наличие таких конкурирующих концепций означает, что у международных судов появляется возможность протестировать их на практике при разрешении нормативных конфликтов с точки зрения удобства их применения.

Можно ли говорить о существовании публичного порядка ЕАЭС? Однозначно, да.

рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке / Н. В. Павлова // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2013. – № 7. – С. 162–173, 165.

А. С. Исполинов
профессор кафедры международного права
Всероссийской академии внешней торговли

Роль доктрины в практике международных судов и в развитии права ЕАЭС

Период с XVII вплоть до конца XIX в. считается «золотым веком» доктрины в международном праве[1], когда мнение исследователей международного права считалось чрезвычайно важным при принятии решений правоприменителями. Труды таких авторов, как Суарес, Виттория, Гроций или Ваттель, оказали глубокое влияние на структуру и содержание международного права, а судебные решения и литература того времени изобилуют ссылками на этих отцов-основателей международного права и «напоминают “каталоги восхвалений этих авторов”»[2]. Обычно это связывается с тем, что в международном праве того времени преобладали обычаи, а договоры были достаточно редким явлением, поэтому именно ученые, в отсутствие международных судов, играли основную роль в выявлении основных элементов, необходимых для существования нормы международного

[1] Sender, O. The Importance of Being Earnest: Purpose and Method in Scholarship on International Law / O. Sender // Case Western Reserve Journal of international Law. – 2022. – Vol. 54. – P. 53–69, 53.

[2] Sivakumaran, S. Op. cit. The Influence of Teachings of Publicists on the Development of International Law / S. Sivakumaran // International and Comparative Law Quarterly. – 2017. – Vol. 66, № 1. – P. 1–2.

обычного права, а именно практики государств и их *opinio juris*[3].

Поворотным моментом в отношении государств к доктрине международного права стало появление в принятом в 1920 г. Статуте Постоянной палаты международного правосудия (ППМП) ст. 38, где роль доктрины, равно как и судебных решений, была сведена к вспомогательным средствам установления норм международного права и лишена статуса источника международного права. В дальнейшем эта статья практически без изменений была воспроизведена в вышеуказанной ст. 38 Статута Международного Суда ООН и многими рассматривается как часть международного обычного права[4], т. е. обязательной для всех других международных судов. На сегодня в современной литературе сложился консенсус в части того, что доктрина не является источником международного права, несмотря на периодически высказываемые мнения об обратном[5].

Однако ключевую роль в уменьшении роли доктрины сыграло появление и распространение международных судов[6], которым государства делегировали функцию толкования применимого международного права, и увеличение количества

---

[3] Ridings, P. J. The Influence of Scholarship on the Shaping and Making of the Law of the Sea / P. J. Ridings // The International Journal of Marine and Coastal Law. – 2023. – Vol. 38, № 1. Op. cit. – P. 14.

[4] Helmersen, S. The Use of Scholarship by the WTO Appellate Body / S. Helmersen // Göttingen Journal of International Law (GoJIL). – 2016. – Vol. 7, № 2. – P. 318.

[5] Tushnet, M. Academics as Law-Makers? / M. Tushnet // University of Queensland Law Journal. – 2010. – Vol. 29, № 1. – P. 19–28, 19–20.

[6] Pellet, A. Article 38 // Zimmermann, A., Tomuschat, Ch. and Oellers-Frahm, K. The International Court of Justice – A Commentary. – 2006. – Part. 38, art. 38. – p. 961.

принимаемых этими судами решений[7]. Авторитетность выносимых такими судами решений, и особенно решений МС ООН, оказывается даже по формальным основаниям выше, чем мнение доктрины[8].

Если говорить о сегодняшней роли доктрины в развитии современного международного права, то здесь можно привести мнение специального докладчика КМП по теме «Вспомогательные средства для определения норм международного права», который отметил в своем первом докладе, что доктрина выполняет несколько функций. Во-первых, доктрины в зависимости от авторитета и убедительности автора могут играть роль ключевого элемента толкования норм международного права (интерпретационная функция). Во-вторых, доктрины могут продвигать взгляды, которые могут повлиять на поведение государств и таким образом со временем способствовать изменению существующих норм (убеждающая функция). В-третьих, доктрины могут играть ведущую роль в кодификации или прогрессивном развитии права или продвигать реформу права еще до того, как это захотят сделать государства (функция кодификации или прогрессивного развития)[9].

Если говорить о таком параметре для оценки влияния доктрины, как частота ссылок на доктрину в решениях международных судов, то можно сразу отметить, что практика судов в этом вопросе различается радикальным образом. На одном

---

[7] Sivakumaran, S. Op. cit. – P. 2.

[8] Helmersen, S. Scholarly-Judicial Dialogue in International Law / S. Helmersen // The Law & Practice of International Courts and Tribunals. – 2017. – Vol. 16, № 3. – P. 464–482, 474.

[9] Комиссия международного права. Семьдесят четвертая сессия. Женева. 24 апреля – 2 июня и 3 июля – 4 августа 2023 г. Первый доклад по теме «Вспомогательные средства для определения норм международного права». A/CN.4/760, п. 308–310.

конце спектра находятся такие суды, как Суд ЕС и Суд ЕАЭС, которые в силу сложившейся культуры подготовки судебных решений никогда не ссылаются на доктрину. На другом полюсе находятся инвестиционные арбитражные трибуналы, а также международные уголовные суды и трибуналы, где практически в каждом решении присутствуют ссылки на доктринальные работы[10]. В эту же группу относят Апелляционный орган ВТО в первые годы своей деятельности[11]. Промежуточное положение занимает МС ООН, который за всю свою историю сослался на работы конкретных исследователей буквально в нескольких делах (7 раз в пяти решениях), но при этом доктрина гораздо более активно используется в особых мнениях судей[12]. В целом такая практика МС ООН находит понимание у комментаторов. Как отмечает А. Пелле в своем комментарии к ст. 38 Статута МС ООН, «практика Суда не ссылаться прямо на конкретных авторов является разумной и уместной. Международное право является “маленьким миром”, не свободным от ревности и зависти, и Суд, безусловно, отдает себе в этом отчет, воздерживаясь от выставления хороших или плохих оценок»[13].

В свою очередь, отсутствие ссылок на доктрину в практике Суда ЕС и Суда ЕАЭС можно объяснить другими причинами, а именно внутренней культурой этих судов. Суд ЕС в свое

---

[10] Sivakumaran, S. The Influence of Teachings of Publicists on the Development of International Law / S. Sivakumaran // International and Comparative Law Quarterly. – 2017. – Vol. 66, № 1. – P. 27.

[11] Helmersen, S. The Use of Scholarship by the WTO Appellate Body / S. Helmersen // Göttingen Journal of International Law (GoJIL). – 2016. – Vol. 7, № 2. – P. 309.

[12] Helmersen, S. Finding ‘the Most Highly Qualified Publicists: Lessons from the International Court of Justice / S. Helmersen // European Journal of International Law. – 2019. – Vol. 30, № 2. – P. 510.

[13] Pellet, A. Op. cit. – P. 961.

время был создан по образу Государственного совета Франции (Conseil d'État), который всегда отличался чрезмерной лаконичностью своих решений и приводимой аргументацией, а также полным отсутствием ссылок на доктрину. Если говорить о Суде ЕАЭС, то большинство судей этого Суда ранее входили в высшие суды ряда стран бывшего СССР, где традиционно ссылки на доктрину всегда смотрелись не очень уместно, что, судя по всему, было воспринято уже на уровне Суда ЕАЭС, в том числе в особых мнениях судей, где также отсутствуют какие-либо ссылки на доктрину.

Обзор приведенной выше практики ссылок на академические исследования в решениях международных судов и трибуналов позволяет прийти к некоторым обобщениям. Во-первых, полное отсутствие ссылок на доктрину в судебных решениях (как в случае с Судом ЕС и Судом ЕАЭС) или очень скромное их использование (как в случае с МС ООН) отнюдь не означает, что доктрина полностью и осознанно игнорируется судами и что судьям в принципе не интересны академические исследования, которые касаются сферы их деятельности. Иными словами, академические работы могут оказывать влияние на международные суды и трибуналы, даже если на них нет ссылок в судебных решениях. Другие исследователи роли доктрины также отмечают, что доктрина в целом на самом деле имеет больший вес, чем можно предположить на основании лишь количества цитирований академических источников в судебных решениях[14]. При этом наиболее активно к цитированию и ссылкам на академические материалы прибегают как раз те суды и трибуналы, которые были созданы относительно недавно и которые

[14] Комиссия международного права. Семьдесят четвертая сессия. Женева. 24 апреля – 2 июня и 3 июля – 4 августа 2023 г. Первый доклад по теме «Вспомогательные средства для определения норм международного права». A/CN.4/760, п. 318.

еще не успели наработать массив собственных решений (тот же МУС или Апелляционный орган ВТО в первые годы своей деятельности). В эту же группу входят суды, которые оперируют в сравнительно молодой или динамично развивающейся отрасли права, а также арбитражные трибуналы, деятельность которых носит *ad hoc* характер (как, например, инвестиционные трибуналы). При этом, как показывает практика, частота ссылок на доктрину начинает снижаться по мере наработки постоянно действующим международным судом собственного массива решений[15], оставаясь по-прежнему высокой в особых мнениях судей.

Как нам представляется, современные международно-правовые реалии носят сложный характер и на практике речь идет о взаимодействии в формате постоянного диалога между доктриной и международными судами, где не только судебные или арбитражные решения оказывают воздействие на науку, но и сама наука влияет на решения, принимаемые судами и арбитражами[16].

Интересно, что в некоторых судах предпринимаются попытки определенной институционализации этого диалога. Так, в Суде ЕАЭС при процедуре разъяснения судья-докладчик рассылает по выбранным им по собственному усмотрению

---

[15] Stappert, N. A New Influence of Legal Scholars? The Use of Academic Writings at International Criminal Courts and Tribunals / N. Stappert // Leiden Journal of International Law. – 2018. – Vol. 31, №. 4. – P. 980. Общий тренд постепенного снижения количества решений, которые содержат ссылки на доктрину, отмечается также в Апелляционном органе ВТО; Helmersen, S. The Use of Scholarship by the WTO Appellate Body / S. Helmersen // Goettingen Journal of International Law. – 2016. – Vol. 7, № 2. – P. 309–351, 324.

[16] Helmersen, S. Scholarly-Judicial Dialogue in International Law / S. Helmersen // The Law & Practice of International Courts and Tribunals. – 2017. – Vol. 16, № 3. – P. 464–482, 465.

научным центрам список вопросов, на которые Суд хотел бы получить ответы от научного сообщества в ходе подготовки консультативного заключения, которые можно воспринимать как некие *amicus curiae*. Обычно этот список приводится в начале консультативного заключения и может воспринимать как некий сигнал со стороны суда о том, что раунд консультаций с доктриной был им проведен. Однако в консультативных заключениях Суда ЕАЭС не раскрывается ни суть полученных судом ответов (эти ответы нигде не публикуются), ни степень их убедительности и полезности для суда.

С другой стороны, с конца 1990-х гг. в международном правосудии в целом отмечается активное участие представителей доктрины в личном качестве при рассмотрении споров в различных судах и арбитражах в виде направления ими по собственной инициативе или по приглашению суда *amicus curiae*[17], т. е. своих собственных оценок вопроса факта или права в рассматриваемом судом деле. Речь в первую очередь идет о региональных судах по правам, таких как ЕСПЧ и МАСПЧ, а также о международных уголовных судах и трибуналах. Подобная практика письменных представлений, направляемых представителями доктрины, уже получила название «доктрина в действии», которая отличается от традиционных форм в виде академических публикаций[18]. Мнения в отношении такой практики расходятся самым радикальным образом. Одни авторы отмечают, что она может способствовать либерализации и облегчению диалога между учеными и судьями за счет большего плюрализма мнений[19]. Согласно другим, резко критическим оценкам,

[17] Kent, A. International Law Scholars as Amici Curiae: An Emerging Dialogue (of the Deaf)? / A. Kent, J. Trinidad // Leiden Journal of International Law. – 2016. – Vol. 29, № 4. – P. 1081–1101, 1086.

[18] Kent, A, Trinidad, J. Op. cit. – P. 1081.

[19] Kent, A, Trinidad, J. Op. cit. – P. 1089.

практика использования института *amicus curiae* может стать «благодатной почвой для злоупотреблений, лоббирования интересов, пиара отдельных лиц», и говорилось о необходимости более взвешенного подхода к ее использованию[20]. От себя можно отметить, что суды все же стараются жестко контролировать процесс представления в суд *amicus curiae*, самостоятельно решая, приглашать ли в целом представителей доктрины направлять свои заключения, кого именно приглашать для этих целей и какие вопросы должны быть рассмотрены. В свою очередь, это несет риски субъективизма, когда мнения критиков суда могут просто не проходить через установленное судом сито и допускаться будут исключительно комфортные суду мнения, которые созвучны умонастроению судей.

В заключение можно сказать, что, как показывает приведенная в статье практика, в современных условиях международные и национальные суды, а также государства постоянно обращаются к доктрине, которая продолжает оказывать влияние на развитие международного права, но это влияние варьируется по отраслям права и по международным и национальным судам. Тем не менее зачастую уловить, а тем более измерить это влияние доктрины на правоприменительную практику государств или на аргументы того или иного суда достаточно сложно. Это влияние не является линейным, т. е. очевидным, может проявляться далеко не сразу и неравномерно в различных отраслях международного права и при этом плохо поддается количественному и качественному измерению. Используемые в качестве доступных стандартных инструментов для оценки влияния доктрины такие показатели, как частота ссылок в решениях международных судов на труды ученых-международников,

[20] Копылова, Е. А. Amicus curiae в международном уголовном судопроизводстве: информативная функция / Е. А. Копылова // Московский журнал международного права. – 2020. – № 3. – С. 115–129, 127.

в реальности не отражают полную картину и поэтому малоинформативны. На самом деле доктрина в целом имеет больший вес, что можно предположить на основании лишь количества цитирований академических источников в судебных решениях, однако только сами суды самостоятельно решают, как и в каких случаях использовать доктрину в судебных решениях. При этом наиболее активно к цитированию и ссылкам на академические материалы прибегают как раз те суды и трибуналы, которые были созданы относительно недавно и которые еще не успели наработать массив собственных решений.

Наличие невидимого диалога доктрины и судов также очевидно в случае ЕАЭС, где доктрина еще не показала в полной мере свои возможности. Однако сама логика интеграционных процессов говорит о необходимости мультиформатного диалога между Судом ЕАЭС, государствами-членами, ЕЭК, национальными судами и доктриной.

Круглый стол «Вопросы представительства в Суде Союза»

Е. И. Добриян
юридический консультант,
старший преподаватель по конкурентному праву
Высшей школы права Maqsut Narikbayev University

Использование правовых позиций Суда ЕАЭС на национальном уровне

(Стенограмма)

В Казахстане используют институт консультативного заключения и правовые позиции, которые излагаются в судебных актах Суда ЕАЭС. В моей практике уже есть 3 успешных кейса, где я использовала возможность обращения в Суд ЕАЭС для защиты интересов своих доверителей.

Первый кейс был в 2019 г. Мне кажется, Казахстан был тогда первооткрывателем, поскольку впервые национальный суд использовал правовые позиции, изложенные в консультативном заключении при принятии решения по делу в национальном суде. Это был кейс по группе компаний «Восход». Вопросы касались трансграничности товарного рынка, недопущения двойной ответственности субъектов рынка за одно и то же правонарушение. Прекрасное консультативное заключение, было несколько особых мнений со значимыми выводами.

Второй кейс был совсем недавно, он касался вопроса «Является ли закупка товарным рынком и может ли быть вообще установлена монопольная цена при закупке из одного источника?». Я столкнулась с такой проблемой, что, к сожалению, в суде первой апелляционной инстанции не было понимания судом, что закупку нельзя признать товарным рынком в силу ряда очевидных для меня обстоятельств. В том, что Верховный Суд поставит точку в этом вопросе, конечно, у меня сомнений

не было, потому что это очевидные вопросы, но все-таки для усиления позиции по данному делу я инициировала обращение в Агентство по защите и развитию конкуренции с просьбой обратиться в Суд ЕАЭС, где мы поставили ряд вопросов. Соответственно, обращение было рассмотрено и подготовлено консультативное заключение. Согласна с выводами, указанными в консультативном заключении, но еще больше мне понравилось особое мнение судьи А. Б. Кишкембаева. Он более подробно раскрыл данный вопрос.

Данные правовые позиции Верховный Суд учел при вынесении решения по моему доверителю. Соответственно, это позволило мне выиграть судебный процесс, доказать, что антимонопольный орган неправильно подходит к проведению анализа конкуренции на товарном рынке, сужая границы до определенной закупки.

Еще один кейс, о котором я хотела сегодня рассказать, основан на решении Суда Евразийского экономического союза по делу РУП «Белмедпрепараты». Отличное решение! Коллегия Суда пришла к выводу, что Комиссия обязана при обнаружении возможных признаков нарушения выдавать предупреждения хозяйствующему субъекту, тем самым предоставить право, закрепленное в протоколе о добровольном устранении правонарушения.

У нас в Республике Казахстан есть аналогичный институт – институт уведомления, который также применяется почти по всем правонарушениям, за исключением монопольно высокой цены, картельных соглашений и иных видов соглашений по п. 3 ст. 169 Предпринимательского кодекса.

В моей практике был кейс, когда антимонопольный орган установил факт нарушения и сразу составил протокол без вынесения уведомления в рамках проверки прокуратуры. Во-первых, не поддерживаю позицию органов прокуратуры, которые полагают, что своей проверкой могут заменить административную

процедуру, которая должна проводиться в соответствии с Предпринимательским кодексом для выявления правонарушений в области защиты конкуренции.

У нас в стране было много дискуссий по этому вопросу. Насколько органы прокуратуры могут заменять антимонопольный орган в этой части?

Были даже обращения палаты «Атамекен» и нашего омбудсмена в Администрацию Президента. Был получен соответствующий ответ, что это были разовые меры. Сейчас эта практика несколько стабилизировалась.

Хочу отметить, что Коллегия Суда пришла к значимым выводам, которые я использую в своей практике: изменение правовой квалификации дела не может служить препятствием для предоставления хозяйствующему субъекту каких-либо процессуальных гарантий, которые были бы ему доступны. Это очень важный вывод. Коллеги также ссылаются на Конституции стран-участниц, указывая, что это нарушает права и хозяйствующий субъект вправе рассчитывать на те процедуры и ожидаемые правовые последствия, которые должны иметь место.

У меня как раз сложилась такая ситуация с доверителем: по итогам проверки прокуратуры антимонопольный орган сразу составил протокол об административном правонарушении, хотя по данному составу правонарушения должно было быть вынесено уведомление, поскольку это предусмотрено Предпринимательским кодексом. Увидев это решение, я вдохновилась. Подала административный иск в порядке административного судопроизводства. К тому времени уже был составлен протокол, поэтому была подана жалоба на действия должностных лиц при его составлении. Суд признал действия антимонопольного органа по невынесению уведомления незаконными. Таким образом, ваши правовые позиции, изложенные в данном решении, помогли мне отстоять свою точку зрения о том, что антимонопольный орган обязан соблюдать данную процедуру

независимо от того, каким образом был выявлен факт нарушения, поскольку она представляет собой гарантию для субъектов предпринимательства на соблюдение установленного законом порядка. Вот таким кейсом я хотела поделиться, поскольку в своей практике активно пользуюсь теми правовыми позициями, которые вы излагаете в консультативных заключениях и судебных решениях.

В трех случаях наши национальные суды, наряду с другими доказательствами по делу, принимали во внимание правовые позиции, изложенные в консультативных заключениях. За это вам огромное спасибо, потому что это отчасти формирует нашу национальную судебную практику и способствует обеспечению ее единообразия. Я послушала коллег и других участников и пришла к выводу, что, хотя консультативные заключения носят рекомендательный характер, на практике они во многом применяются как обязательные. На этом завершаю свое выступление.

П. Ю. Булатов
советник, ТОО «Уайт энд Кейс Казахстан»

Использование консультативных заключений Суда ЕАЭС при разрешении споров в рамках международного инвестиционного арбитража

Как известно, в последние годы увеличивается количество инвестиционных споров в рамках ЕАЭС между инвесторами и государствами на основании Договора о ЕАЭС[1], а также иных международных договоров и национального законодательства.

Уже вынесено несколько арбитражных решений по искам российской компании ПАО «РусГидро»[2] и казахстанских инвесторов[3] к Кыргызской Республике, а также по искам российских компаний ООО «Манолиум-Процессинг»[4] и НАО «Гранд Экспресс»[5] к Республике Беларусь. При этом иски российских

---

[1] Договор о Евразийском экономическом союзе, подписан в г. Астане 29 мая 2014 г.

[2] ПАО «РусГидро» против Кыргызской Республики, дело ППТС № 2018-21, окончательное решение от 18 июля 2022 г. (не опубликовано).

[3] АО «НК «QazaqGaz» против Кыргызской Республики, дело ППТС № 2021-18, окончательное решение от 30 января 2024 г. (не опубликовано); Национальный центр по комплексной переработке минерального сырья Республики Казахстан против Кыргызской Республики, дело ППТС № 2019-01, окончательное решение от 28 сентября 2023 г. (не опубликовано).

[4] ООО «Манолиум-Процессинг» против Республики Беларусь, дело ППТС № 2018-06, окончательное решение от 22 июня 2021 г.

[5] НАО «ГРАНД ЭКСПРЕСС» против Республики Беларусь, дело МЦУИС № ARB(AF)/18/1, решение от 25 января 2024 г. (не опубликовано).

компаний ПАО «РусГидро», ООО «Манолиум-Процессинг» и НАО «Гранд Экспресс» основывались на Договоре о ЕАЭС и Соглашении о защите инвестиций в странах ЕврАзЭС[6].

В рамках споров Республики Беларусь с российскими компаниями, в которых я принимал участие[7], возник ряд вопросов относительно действия Договора о ЕАЭС и Соглашения ЕврАзЭС[8]: о временных пределах применения этих договоров; о том, может ли взыскание налоговой или контрактной задолженности являться актом экспроприации; насколько мошеннические действия истца после осуществления капиталовложений являются обстоятельствами, исключающими компетенцию арбитража или делающими иск неприемлемым к рассмотрению. Иными словами, вопросы касались как компетенции состава арбитража, так и существа спора.

Представители научно-юридического сообщества ранее неоднократно указывали на потенциальный риск различного толкования и применения положений Договора о ЕАЭС и права Союза в целом со стороны арбитров и Суда ЕАЭС[9]. Подобные

---

[6] Соглашение о поощрении и взаимной защите инвестиций в государствах – членах Евразийского экономического сообщества, заключено в г. Москве 12 декабря 2008 г.

[7] ООО «Манолиум Процессинг» против Республики Беларусь, дело ППТС № 2018-06; НАО «ГРАНД ЭКСПРЕСС» против Республики Беларусь, дело МЦУИС № ARB(AF)/18/1.

[8] Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества, подписан в г. Астане 10 октября 2000 г., действие приостановлено с 1 января 2015 г. и прекращается с даты вступления в силу Договора о прекращении деятельности Евразийского экономического сообщества от 10 октября 2014 г.

[9] Исполинов, А. С. Риски фрагментации и конкурирующих толкований права ЕАЭС / А. С. Исполинов // Десять лет Договору о Евразийском экономическом союзе: обеспечение единообразного применения права ЕАЭС : междунар. конф., Минск, 21–22 нояб. 2024 г. : сб. материалов / Суд Евразийского

ситуации имели место в практике международных интеграционных объединений. Ярким примером может служить известное дело *Achmea* в Евросоюзе по вопросу о недопустимости инвестиционного арбитража внутри ЕС[10], последующие позиции Суда ЕС[11] и противоречащие им позиции арбитров[12], а также национальных судов за пределами ЕС[13].

Кроме того, не нужно забывать, что единообразное толкование положений договоров о защите инвестиций – это одна из общих проблем в рамках реформы инвестиционного арбитража,

---

экономического союза ; сост. Е. С. Орлова. – Мн. : Колорград, 2025. – С. 240; Кадышева, О. В. Публичный порядок интеграционного объединения и развитие единого внутреннего рынка / О. В. Кадышева // Обеспечение эффективности доступа к правосудию в ЕАЭС : междунар. конф., Минск, 17–18 нояб. 2022 г. : сб. материалов / Суд Евразийского экономического союза ; сост. А. С. Бугаева. – Мн. : Колорград, 2023. – С. 83.

[10] Решение Суда ЕС по делу № C-284/16 Словакия против Achmea B.V. от 6 марта 2018 г.

[11] Решение Суда ЕС по делу № C-741/19 Молдова против Komstroy от 2 сентября 2021 г.; решение Суда ЕС по делу № C-109/20 Польша против PL Holdings S.à.r.l. от 26 октября 2021 г.

[12] Например, Vattenfall AB и др. против Германии, дело МЦУИС № ARB/12/12, решение по вопросу Achmea от 31 августа 2018 г.; Georg Gavrilovic и Gavrilovic d.o.o против Хорватии, дело МЦУИС № ARB/12/39, решение по ходатайству ответчика от 30 апреля 2018 г.; Masdar Solar & Wind Cooperatief U.A. против Испании, дело МЦУИС № ARB/14/1, арбитражное решение от 16 мая 2018 г.

[13] Например, Infrastructure Services Luxembourg S.à.r.l. и Energia Termosolar B.V. (ранее Antin Infrastructure Services Luxembourg S.à.r.l. и Antin Energia Termosolar B.V.) против Испании, дело МЦУИС № ARB/13/31, решение Апелляционного суда Англии и Уэльса [2024] EWCA 1257 от 22 октября 2024 г.

над которой в настоящее время работают ЮНСИТРАЛ и представители различных государств[14].

В этой связи полагаю, что консультативные заключения Суда ЕАЭС могут внести свой вклад в обеспечение такого единообразного толкования в контексте применения права ЕАЭС в инвестиционном арбитраже.

Следует отметить, что в практике Экономического Суда СНГ ранее был случай, когда его консультативное заключение по Конвенции СНГ о защите прав инвестора[15] имело значение для разрешения трех инвестиционных споров между инвесторами и Кыргызской Республикой[16]. В этих делах возник вопрос о том, имел ли арбитраж при Московской ТПП право рассматривать иски к Кыргызстану на основании норм этой Конвенции.

Кыргызстан обратился в российские суды с заявлениями об отмене решений этого арбитражного учреждения и параллельно направил запрос в Экономический Суд СНГ для получения

---

[14] Проекты положений 21 и 22, A/CN.9/WG.III/WP.253 «Возможная работа по реформированию системы урегулирования споров между инвесторами и государствами (УСИГ): Проекты положений по процессуальным и сквозным вопросам», ЮНСИТРАЛ, Рабочая группа III: Реформирование системы урегулирования споров между инвесторами и государствами, Пятьдесят вторая сессия, Вена, 22–26 сентября 2025 г.

[15] Конвенция о защите прав инвестора : заключена в г. Москве 28 марта 1997 г.

[16] ОсОО «О.К.К.В» против Кыргызстана, решение а при Московской Торгово-промышленной палате (арбитраж при Московской ТПП) по делу № А-2013/10 от 21 ноября 2013 г.; Lee Jong Baek и ОсОО Центрально-Азиатская корпорация по развитию СЭЗ «Бишкек» против Кыргызстана, решение арбитража при Московской ТПП по делу № А-2013/08 от 13 ноября 2013 г.; Компания Stans Energy Corp и ОсОО Kutisay Mining против Кыргызстана, решение арбитража при Московской ТПП по делу № А-2013/29 от 30 июня 2014 г.

толкования Конвенции. Экономический Суд СНГ, изучив нормы Конвенции, признал, что участие в ней со стороны Кыргызстана не является согласием на арбитраж. В этой связи арбитражные решения по заявлению Кыргызстана были отменены российскими судами по основанию отсутствия компетенции состава арбитража[17].

Также нужно упомянуть прецеденты толкования Экономическим Судом СНГ Соглашения СНГ о сотрудничестве в области инвестиционной деятельности[18] в 1997[19] и 2010[20] гг.

---

[17] Определение Арбитражного суда г. Москвы по делу № А40-25942/14-25-164 от 19 ноября 2014 г., постановление Арбитражного суда Московского округа № Ф05-9781/2014 по делу № А40-64831/14 от 27 июля 2015 г., постановление Арбитражного суда Московского округа № Ф05-9779/2014 по делу № А40-19518/14 от 25 сентября 2015 г.

[18] Соглашение стран СНГ от 24 декабря 1993 г. «О сотрудничестве в области инвестиционной деятельности».

[19] Решение Экономического Суда СНГ № С-1/12-96/С-1/18-96 «О толковании статьи 6 Соглашения о сотрудничестве в области инвестиционной деятельности от 24 декабря 1993 года и статьи 16 Соглашения о взаимном признании прав и регулировании отношений собственности от 9 октября 1992 года», принято в г. Минске 21 января 1997 г. Экономический Суд СНГ разъяснил, что после заключения Соглашения 1993 г. инвесторы государств-участников, осуществляющие инвестиции на территории других государств-участников, получают национальный режим инвестирования.

[20] Консультативное заключение № 01-1/5-09 Экономического Суда СНГ «О толковании части второй статьи 10 Соглашения о сотрудничестве в области инвестиционной деятельности от 24 декабря 1993 года», принято 22 марта 2010 г. Экономический Суд СНГ истолковал ч. 2 ст. 10 Соглашения 1993 г. так, что пятилетняя стабилизационная оговорка защищает инвесторов от ухудшения условий деятельности вследствие изменений законодательства (с определенными исключениями для государств, присоединившихся к Конвенции 1997 г.) и распространяется на все предприятия, созданные инвесторами государств-участников.

В практике инвестиционного арбитража были иные случаи, когда после вынесения арбитражного решения в пользу инвестора государство-ответчик затевало спор с государством инвестора относительно толкований условий договора о защите инвестиций. Так поступил Эквадор, возбудив межгосударственное арбитражное разбирательство против США по итогам решения по делу Шеврона. Состав арбитража посчитал спор искусственным и надуманным и прекратил производство по делу[21].

Возможна ли такая ситуация, когда вопросы, аналогичные по характеру тем, которые ранее исследовались Экономическим Судом СНГ применительно к международным договорам СНГ, будут стоять перед Судом ЕАЭС в контексте права ЕАЭС и инвестиционных споров между инвесторами и государствами ЕАЭС? Несомненно.

Государства могут обратиться в Суд ЕАЭС за консультативным заключением в ситуациях, когда потенциальный и текущий инвестиционный спор касается права ЕАЭС. Заявление межгосударственного иска по спору о толковании, как в случае с Эквадором, также теоретически возможно, но маловероятно.

Допустим, государство – участник спора или государство инвестора, действующее в лице уполномоченных представителей, обращается за разъяснением в Суд ЕАЭС. Какие в этой связи могут возникнуть вопросы?

Прежде всего, вправе ли государство инвестора через такое обращение влиять на разрешение инвестиционного спора по Договору о ЕАЭС, рассматриваемого по правилам Конвенции МЦИУС[22]? Напомню, что в Конвенции МЦУИС участвуют все государства ЕАЭС, кроме России. Статья 27 Конвенции

---

[21] Эквадор против США, дело ППТС № 2012-05, арбитражное решение от 29 сентября 2012 г.

[22] Конвенция об урегулировании инвестиционных споров между государствами и физическими или юридическими лицами других государств

запрещает государству инвестора предоставлять дипломатическую защиту и предъявлять международный иск в отношении такого инвестиционного спора.

Если рассуждать формально, подача заявления о разъяснении – это не подача международного иска или осуществление дипломатической защиты инвестора. Однако, если через заявление о разъяснении в Суд ЕАЭС государство инвестора по существу пытается разрешить спор с принимающим государством о конкретном толковании положений права ЕАЭС применительно к фактам отдельно взятого спора с целью помочь инвестору, полагаю, что есть основания ставить вопрос о квалификации такого процессуального поведения как осуществления дипломатической защиты. Иными словами, в контексте ст. 27 Конвенции МЦУИС заявление о разъяснении не должно подменять собой разрешение спора о толковании как в отношениях между государством инвестора и принимающим государством, так и между последним и инвестором.

Поэтому в такой ситуации Суду ЕАЭС предстоит внимательно оценивать пределы, в которых государство-заявитель может действовать с точки зрения Конвенции МЦУИС. При этом не имеет значения, что заявление о разъяснении может быть подано, например, негосударственной организацией, такой как «Атамекен», поскольку в данной ситуации она действует в интересах государства, в частности Республики Казахстан.

В этой связи Суд ЕАЭС может принять во внимание, как арбитражные правила МЦУИС регулируют подачу государством инвестора процессуальных позиций о толковании инвестиционного договора. Так, правило 68 допускает подачу таких позиций о толковании при условии, что они не «отягощают недолжным образом» инвестора или «несправедливо ущемляют» его. При

(МЦУИС/ICSID) : заключена в г. Вашингтоне 18 марта 1965 г. (далее – Конвенция МЦУИС).

этом состав арбитража уполномочен ограничить подачу государством инвестора позиции по ее объему и кругу вопросов. Полагаю, что Суд ЕАЭС при поступлении заявления о разъяснении может посчитать необходимым установить пределы, в которых он будет давать разъяснение, и соответствующим образом вести процесс.

Перейдем к рассмотрению круга вопросов, по которым Суд ЕАЭС может дать разъяснение применительно к инвестиционным спорам. Пункт 46 Статута Суда ЕАЭС[23] определяет, что он вправе дать разъяснение положений Договора о ЕАЭС, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза.

Исходя из этой формулировки, толкование Соглашения ЕврАзЭС, в котором юрисдикционная оговорка предусматривает ныне ликвидированный Суд ЕврАзЭС, находится за пределами предметной юрисдикции Суда ЕАЭС. К сожалению, отсутствует норма, предусматривающая правопреемство Суда ЕАЭС в отношении этой оговорки.

Также очевидно находятся за пределами компетенции различные двусторонние и многосторонние договоры о защите инвестиций, которые действуют между некоторыми или всеми странами ЕАЭС, в частности Договор к Энергетической хартии[24], Соглашение о сотрудничестве в области инвестиционной деятельности, Соглашение СНГ о свободной торговле услугами[25] и Конвенция СНГ о защите прав инвестора[26]. При этом они предусматривают иные юрисдикционные органы, полномочные

---

[23] Приложение № 2 к Договору о ЕАЭС.

[24] Договор к Энергетической хартии : подписан в г. Лиссабоне 17 декабря 1994 г.

[25] Соглашение о свободной торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций, заключено в г. Сочи 8 июня 2023 г.

[26] Конвенция о защите прав инвестора : заключена в г. Москве 28 марта 1997 г.

осуществлять толкование этих соглашений. В частности, Экономический Суд СНГ обладает консультативной юрисдикцией в отношении трех последних договоров.

Однако при толковании содержания Договора о ЕАЭС Суд может принять во внимание содержание этих соглашений. На эту возможность указывает п. 50 Статута. В том же ключе складывается практика Суда, когда при толковании права ЕАЭС он учитывает положения права ВТО[27].

Инвесторы часто начинают арбитражное разбирательство на основании нескольких параллельно действующих инвестиционных договоров.

Это усложняет взаимосвязанное толкование применимых материальных норм, учитывая, что некоторые договоры могут более детально регулировать ряд аспектов инвестиционного арбитража по сравнению с Договором о ЕАЭС. Например, в то время как п. 47 Статута не исключает возможность аутентичного толкования международных договоров государствами-членами, Соглашение о свободной торговле услугами и новый инвестиционный договор между Казахстаном и Кыргызстаном[28] устанавливают обязательность такого толкования для инвестиционного арбитража[29].

Таким образом, регулирование защиты инвестиций на уровне нескольких международных договоров, предусматривающих различные органы, уполномоченные на их толкование, а также пределы консультативной юрисдикции Суда ЕАЭС с учетом

---

[27] Например, п. 7 раздела IV «Выводы Суда» Консультативного заключения от 30 октября 2017 г. по делу № Р-3/17.

[28] Соглашение между Правительством Республики Казахстан и Кабинетом Министров Кыргызской Республики о поощрении и взаимной защите инвестиций : подписано в г. Астане 19 апреля 2024 г., не введено в действие.

[29] Пункты 9 и 10 ст. 36 Соглашения о свободной торговле услугами; ст. 13 Инвестиционного договора между Казахстаном и Кыргызстаном.

конкретной ситуации могут сделать его выводы достаточно фрагментированными.

Полагаю, что консультативные заключения Суда ЕАЭС будут полезны арбитрам при рассмотрении узкоспециализированных вопросов права ЕАЭС, особенно в случаях, когда они сталкиваются с соответствующими нормами впервые. Например, это может касаться таможенного или технического регулирования или иных сфер, где действует единая политика.

Консультативное заключение также может быть полезно на стадии признания и приведения в исполнение арбитражного решения, вынесенного за рамками Конвенции МЦУИС, когда суд проверяет, нарушает ли арбитражное решение публичный порядок государства – члена ЕАЭС, к которому, возможно, могут быть отнесены некоторые нормы права Союза, или когда имеют место иные основания для непризнания решения на основании Нью-Йоркской конвенции[30].

Например, возражая против признания в России арбитражного решения, вынесенного в пользу Беларуси, компания НАО «Гранд Экспресс» заявляла о том, что арбитры были недружественными по отношению к России и российскому инвестору. Российский суд отклонил это возражение, сославшись на то, что арбитры были так же недружественны по отношению к Республике Беларусь и права инвестора не были нарушены[31]. Но в контексте Договора о ЕАЭС было бы логично поставить вопрос, насколько категория дружественности арбитров имеет право на существование и в каких пределах.

---

[30] Конвенция Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений, заключена в г. Нью-Йорке в 1958 г.

[31] Постановление Арбитражного суда Московского округа № Ф05-1758/2025 по делу № А40-46865/2024 от 29 апреля 2025 г.

Не исключено, что перед Судом ЕАЭС может встать вопрос о разъяснении положений Договора о ЕАЭС, которые касаются защиты инвестиций, например, понятие справедливого и равноправного режима или стандарты возмещения ущерба при экспроприации. В практике инвестиционного арбитража накоплено множество решений, демонстрирующих разнообразие подходов арбитров к разрешению соответствующих споров. Кроме того, ряд позиций, выраженных арбитрами в этих решениях, обсуждается в рамках реформы инвестиционного арбитража[32]. В этом случае перед Судом ЕАЭС встанет непростая задача выбрать тот вариант толкования, который будет наиболее соответствовать смыслу Договора о ЕАЭС.

В заключение необходимо отметить важность предоставления инвестору возможности изложить свою позицию в рамках производства по делам о разъяснении. Регламент Суда ЕАЭС[33] допускает, что при подготовке к рассмотрению заявления о разъяснении Суд может совершать процессуальные действия, необходимые для обеспечения рассмотрения вопросов, поставленных в заявлении[34]. Таким образом, не исключается, что при наличии текущего арбитражного разбирательства Суд может предложить инвестору изложить свою позицию, особенно если запрашиваемое разъяснение касается конкретных обстоятельств дела этого инвестора. Это в определенной степени компенсирует для данной категории дел отсутствие у инвестора права на прямое обращение в Суд ЕАЭС.

---

[32] Проект положения 20, A/CN.9/WG.III/WP.253 «Возможная работа по реформированию системы урегулирования споров между инвесторами и государствами (УСИГ): Проекты положений по процессуальным и сквозным вопросам», ЮНСИТРАЛ, Рабочая группа III: Реформирование системы урегулирования споров между инвесторами и государствами, Пятьдесят вторая сессия, Вена, 22–26 сентября 2025 г.

[33] Утвержден решением Высшего Евразийского экономического совета № 101 от 23 декабря 2014 г.

[34] Подпункт «в» п. 1 ст. 75 Регламента Суда ЕАЭС.

В. П. Шавшина
руководитель группы таможенного регулирования и международной торговли, партнер компании «Б1», доцент кафедры административного и финансового права юридического факультета СПбГУ

Восстановление прав хозяйствующих субъектов на уровне ЕАЭС

(Стенограмма)

Очень почетно выступать в этом зале и видеть коллег, особенно тех, которые действительно тратят свое профессиональное, дорогое время и свои компетенции на то, чтобы обсуждать вопросы усовершенствования нормативно-правового регулирования.

Я очень внимательно слушала выступление спикеров первого дня, и практически в каждом втором выступлении звучало предложение по решению тех проблем, которые требуют урегулирования, а именно совершенствования механизмов исполнимости судебных актов Суда ЕАЭС.

Потому что, когда мы получаем положительный для бизнеса результат обращения в Суд ЕАЭС хозяйствующего субъекта, а именно признание решения Евразийской экономической комиссии – в первую очередь по спорам о классификации товаров – не соответствующим праву ЕАЭС, такие результаты, безусловно, могут быть использованы для восстановления нарушенных прав участников внешнеэкономической деятельности на национальном уровне.

При этом исполнение решения Суда ЕАЭС, которое определило несоответствие решения ЕЭК по классификации товара праву в ЕАЭС, подразумевает добровольное приведение

Евразийской экономической комиссией такого решения о классификации в соответствие с Договором о ЕАЭС и иными договорами в рамках Союза.

То есть по большому счету Евразийская экономическая комиссия обязана указать в решении о классификации товаров тот код товарной номенклатуры, правомерность которого была подтверждена Судом ЕАЭС.

В соответствии с п. 18 Положения о ЕЭК (приложение № 1 к Договору о ЕАЭС) положения, улучшающие положение физических или юридических лиц, как общий правовой принцип могут иметь обратную силу, даже если это прямо не предусмотрено. Согласно судебно-арбитражной практике Российской Федерации такая новая редакция нормы, как указание в решении правильного кода товарной номенклатуры, правомерность которого была подтверждена решением Суда ЕАЭС, применяется, с одной стороны, к правоотношениям, которые возникают после принятия решения ЕЭК, а с другой стороны, также применяются к тем правоотношениям, которые возникли до принятия такого решения и, соответственно, до вынесения судебного акта. И это крайне важно, поскольку декларанты, участники ВЭД, обращаются в Суд ЕАЭС, когда возможности защиты своих прав на национальном уровне уже были исчерпаны.

И здесь стоит задача доказать, что подход к классификации товара, который применялся при декларировании ранее, который был пересмотрен национальным органом, таможенной службой, государством, с точки зрения декларанта является правомерным. Поэтому в этом контексте, когда на уровне ЕАЭС проблема разрешена положительно, дальше участник ВЭД, декларант, имеет право восстановить свои нарушенные права. Административно-процессуальным кодексом Российской Федерации – главой 37 АПК РФ – предусмотрена возможность возобновления рассмотрения судебных дел по вновь открывшимся обстоятельствам, поскольку результат рассмотрения вопроса на

наднациональном уровне теоретически образует именно такие новые обстоятельства, которые должны учитываться.

Но поскольку тот перечень в настоящее время является закрытым, российский арбитраж отказывает заявителям в удовлетворении требований о возобновлении судебных споров на основании решения Суда ЕАЭС.

Этот пробел законодательства в Российской Федерации, безусловно, подлежит устранению. В идеале посредством внесения изменений в АПК РФ в части дополнения перечня вновь открывшихся обстоятельств с указанием решения Суда ЕАЭС как основания для возобновления судебных дел с возможностью его ретроспективного применения.

Мы все с вами очень высокопрофессиональные, компетентные и креативные юристы, и даже несмотря на такой пробел, тем не менее, нам удается восстановить нарушенные права участников.

После принятия арбитражным судом Российской Федерации решения об отказе в удовлетворении требования по возобновлению производства по вновь открывшимся обстоятельствам мы обращаемся с доверителем в таможенный орган декларирования в административном порядке с просьбой внести изменения в декларацию, скорректировать ее для возврата излишне уплаченных платежей, поскольку именно неверная классификация послужила основанием для оспаривания сначала по национальной системе, потом вплоть до уровня Суда ЕАЭС. То есть, конечно же, речь идет о значительных финансовых издержках декларантов. Мы на такое обращение тоже получаем логичный отказ во внесении изменений в таможенную декларацию. Далее мы идем еще раз в арбитражный суд и фактически находимся на втором кругу рассмотрения.

Это пока единичная практика, в том числе по делам наших доверителей, когда арбитражный суд, рассматривая отказ о внесении изменений в декларацию, все-таки удовлетворяет требования участника ВЭД.

Мы говорим в таких заявлениях о том, что классификация товаров должна осуществляться на основании унифицированного подхода, который и был закреплен новым актом Евразийской экономической комиссии во исполнение судебного решения Суда ЕАЭС. Иное бы означало, что декларирование этих же товаров в Российской Федерации становится более обременительным, в первую очередь финансово, в сравнении с практикой таможенных органов иных государств – членов ЕАЭС.

Такой подход, безусловно, будет нарушать основные принципы функционирования ЕАЭС, поскольку мы действуем в рамках единого таможенного регулирования на единой таможенной территории. Несмотря на то, что это решение ЕЭК вслед судебного акта, как правило, не содержит выводов о распространении его положений на ранее ввезенные товары, тем не менее мы понимаем, что оно подтверждает позицию участника ВЭД, декларанта, о том, что ранее примененный код товара являлся правомерным.

Первый кейс, в котором такая правомерность подхода была подтверждена на уровне Верховного Суда Российской Федерации, это дело № А51-3984/2023.

Но вы видите, какую сложную правовую цепочку приходится выстраивать. По сути, она влечет издержки не только для бизнеса, но и для федерального бюджета, поскольку задействована таможенная система: необходимо рассмотреть заявления, вынести решения об отказе, затем начинается судебное разбирательство, что также требует времени и влечет расходы на осуществление арбитражного судопроизводства.

То есть зачем все это? Это очень усложняет восстановление нарушенных прав. Это то, что я хотела констатировать в части исполнимости. И еще коротко хотела обозначить открытые вопросы, которые, с нашей профессиональной точки зрения, препятствуют реализации права на защиту в рамках наднационального регулирования.

Что здесь мы видим существенными препятствиями? Во-первых, тот факт, что нормативно не установлены сроки для проведения мониторинга. Мы понимаем: для того чтобы зайти на уровень судебного разрешения конфликта, сначала нужно, чтобы Евразийская экономическая комиссия, проведя мониторинг, убедилась в том, что здесь действительно есть предмет спора.

Во-вторых, отсутствие нормативно закрепленной возможности хозяйствующему субъекту инициировать такой мониторинг. По большому счету эти два фактора очень препятствуют, потому что ты не можешь оспорить даже бездействие ЕЭК, потому что, как правило, ЕЭК пишет о том, что они проводят мониторинг.

Как долго он будет проводиться – 3 месяца, полгода, год – мы не знаем. Нам отвечают, что Комиссия в стадии мониторинга, т. е. формально бездействия-то нет. Более того, Суд ЕАЭС отказывает в рассмотрении заявления, поданного до истечения трехмесячного срока рассмотрения обращения Евразийской экономической комиссией.

В такой ситуации хозяйствующий субъект фактически утрачивает право на обращение в Суд ЕАЭС даже после завершения досудебной процедуры.

И еще один, очень технический момент. К сожалению, в Суде ЕАЭС сохраняется бумажный документооборот. Очень хотелось бы уже прийти к электронному.

Спасибо, коллеги, за внимание.

А. И. Анищенко
старший преподаватель Белорусского государственного университета, партнер юридической фирмы Anischenko Laptev

Исполнение решений Суда ЕАЭС в рамках национальных правопорядков: практический аспект

В соответствии с п. 2 Статута Суда Евразийского экономического союза[1] (далее – Статут, Суд, Союз или ЕАЭС соответственно) целью деятельности Суда является обеспечение в соответствии с положениями Статута единообразного применения государствами-членами и органами Союза Договора, международных договоров в рамках Союза, международных договоров Союза с третьей стороной и решений органов Союза. Для достижения этой цели Суд наделен определенной Статутом компетенцией и рассматривает споры, возникающие по вопросам реализации Договора, международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов Союза как по заявлениям государств – членов Союза[2], так и по заявлениям хозяйствующих субъектов[3]. По результатам рассмотрения споров Суд выносит

---

[1] Приложение № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе (далее – Договор).

[2] Подпункт 1 пункта 39 Статута.

[3] Подпункт 2 пункта 39 Статута. Для целей Статута под хозяйствующим субъектом понимается юридическое лицо, зарегистрированное в соответствии с законодательством государства-члена или третьего государства, либо физическое лицо, зарегистрированное в качестве индивидуального предпринимателя в соответствии с законодательством государства-члена или третьего государства (часть 2 пункта 39 Статута).

решения, а по заявлениям о разъяснении предоставляет консультативные заключения[4].

Решения Суда по спорам по заявлениям государств – членов Союза являются обязательными для исполнения сторонами такого спора[5], а в случае неисполнения заинтересованное государство-член вправе обратиться в Высший Евразийский экономический совет с целью принятия необходимых мер, связанных с исполнением[6].

В свою очередь, решения Суда по спорам по заявлениям хозяйствующих субъектов являются обязательными для исполнения только Евразийской экономической комиссией (далее – Комиссия)[7], причем, если иное не установлено в решении Суда, Комиссия обязана его исполнить в разумный срок, не превышающий 60 календарных дней с даты вступления в силу решения Суда[8]. Форма и способ исполнения решения Суда определяются Комиссией в соответствии с правом Союза и необходимостью учета всех позиций Суда по соответствующему делу[9]. По умолчанию действие решения Комиссии или его отдельных положений, признанных Судом не соответствующими Договору и (или) международным договорам в рамках Союза, продолжается после вступления в силу соответствующего решения Суда до исполнения Комиссией данного решения Суда[10]. Однако при наличии обоснованного ходатайства стороны спора действие решения Комиссии или его отдельных положений, признанных

---

[4] Пункт 96 Статута.

[5] Пункт 99 Статута.

[6] Пункт 100 Статута.

[7] Пункт 100 Статута.

[8] Пункты 111 и 113 Статута.

[9] Дело С-1/24 Палата профессиональных бухгалтеров Республики Казахстан и др. II: постановление КС от 05.11.2024 (абзац 10).

[10] Часть 1 пункта 111 Статута.

Судом не соответствующими Договору и (или) международным договорам в рамках Союза, может приостанавливаться по решению Суда с даты вступления в силу соответствующего решения Суда[11]. В случае неисполнения Комиссией решения Суда хозяйствующий субъект вправе обратиться в Суд с ходатайством о принятии мер по его исполнению, а Суд, в свою очередь, в течение 15 календарных дней с даты поступления такого ходатайства обращается в Высший Евразийский экономический совет для принятия им решения по данному вопросу[12].

Консультативные заключения Суда по заявлениям о разъяснении носят рекомендательный характер[13].

В доктрине уже уделялось пристальное внимание проблематике исполнения актов Суда и высказывались различные предложения по совершенствованию правового регулирования – от расширения компетенции Суда до учреждения специального органа по мониторингу исполнения решений Суда и введения института ответственности для должностных лиц и сотрудников Комиссии[14].

---

[11] Пункт 112 Статута.

[12] Пункт 115 Статута.

[13] Пункт 98 Статута.

[14] См., например, Василевич, Г. А. Правовые основы взаимодействия Суда ЕАЭС и высших судебных органов Республики Беларусь / Г. А. Василевич // Веснік БДУ. Серыя 3, Гісторыя. Эканоміка. Права. – 2016. – № 3. – С. 93–97; Кадышева, О. В. Проблемы исполнения решений Суда Евразийского экономического союза: experientia docet / О. В. Кадышева // Влияние практики Суда Союза на формирование правопорядка ЕАЭС : междунар. конф., Минск, 16–17 нояб. 2023 г. : сб. материалов / Суд Евразийского экономического союза ; сост. А. Н. Попова. – Мн. : Колорград, 2024. – С. 100–114; Князькин, С. И. Право на судебную защиту в ЕАЭС: международный и национальный аспекты / С. И. Князькин // Влияние практики Суда Союза на формирование правопорядка ЕАЭС : междунар. конф., Минск, 16–17 нояб. 2023 г. : сб.

Настоящая публикация посвящена более узкому аспекту, а именно реальному исполнению решений Суда ЕАЭС об удовлетворении (полном или частичном) заявлений хозяйствующих субъектов об оспаривании действий (бездействия) и решений Комиссии, непосредственно затрагивающих права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, Договору и (или) международным договорам в рамках Союза, если такие решения (действия, бездействие) повлекли нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта. Без претензий на исчерпывающий характер и научную глубину исследования данный вопрос рассматривается с практической точки зрения хозяйствующего субъекта, как бенефициара

материалов / Суд Евразийского экономического союза ; сост. А. Н. Попова. – Мн. : Колорград, 2024. – С. 143–153; Колос, Д. Г. Влияние практики Суда ЕАЭС на правотворчество и правоприменение в государствах-членах: результаты, проблемы, возможные пути решения / Д. Г. Колос // Влияние практики Суда Союза на формирование правопорядка ЕАЭС : междунар. конф., Минск, 16–17 нояб. 2023 г. : сб. материалов / Суд Евразийского экономического союза ; сост. А. Н. Попова. – Мн. : Колорград, 2024. – С. 89–99; Мысливский, П. П. Исполнение актов Суда Евразийского экономического союза: обзор первых проблем и путей их решения / П. П. Мысливский // Журнал ВШЭ по международному праву. – 2023. – С. 42–53; Назарова, О. В. К вопросу о юридической силе решений Суда Евразийского экономического союза и последствиях их вынесения / О. В. Назарова // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. – 2019. – С. 140–146 (Серыя 2. Гісторыя. Эканоміка. Права); Чайка, К. Л. Реформирование процессуальных аспектов деятельности Суда Евразийского экономического союза / К. Л. Чайка // Влияние практики Суда Союза на формирование правопорядка ЕАЭС : междунар. конф., Минск, 16–17 нояб. 2023 г. : сб. материалов / Суд Евразийского экономического союза ; сост. А. Н. Попова. – Мн. : Колорград, 2024. – С. 65–75.

евразийской интеграции, в контексте стоящих перед Союзом целей по созданию условий для стабильного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня их населения и стремлению к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза[15].

В этом контексте представляется логичным и уместным предположить, что при обращении в Суд хозяйствующий субъект, осознавая важность единообразного применения права ЕАЭС, в первую очередь все же заинтересован в использовании права ЕАЭС и соответствующего юридического инструментария, включая право на обращение в Суд, для защиты своих легитимных интересов. И если хозяйствующий субъект полагает, что его права, охраняемые Договором и/или международными договорами в рамках Союза, в сфере предпринимательской и экономической деятельности нарушены, то он, безусловно, будет озабочен реальным восстановлением своих прав и возмещением причиненного таким нарушением ущерба. Поэтому если Суд установит, что оспоренное хозяйствующим субъектом решение, действие или бездействие Комиссии действительно повлекло нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов этого хозяйствующего субъекта, то он, очевидно, хотел бы (и, пожалуй, должен быть вправе) рассчитывать не только на декларацию своей правоты, но и на реальное восстановление своих нарушенных прав, включая возмещение причиненного таким нарушением имущественного ущерба в установленном законом порядке. Как сформулировано самим Судом в одной из его правовых позиций, исполнение решения Суда, среди прочего, должно быть направлено на восстановление нарушенного

[15] Статья 4 Договора.

права истца[16]. Ведь не случайно субъект хозяйствования, обращаясь в Суд, обязан доказать, что именно его права непосредственно затронуты оспариваемым решением, действием или бездействием Комиссии. Если при этом не гарантировать восстановление нарушенных прав, то хозяйствующий субъект будет обречен на судьбу Прометея или, того хуже, Сизифа, приносящего жертву обеспечению единообразия права ЕАЭС без видимой выгоды для себя.

Поскольку Суд не наделен компетенцией разрешать вопрос о восстановлении нарушенных прав и законных интересов хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности и возмещении соответствующего ущерба, пострадавшему хозяйствующему субъекту, чье правопритязание признано Судом, приходится рассчитывать исключительно на средства правовой защиты, доступные ему в рамках национального правопорядка государств – членов Союза. Однако специальный механизм исполнения решений Суда отсутствует не только в праве ЕАЭС, но и в национальном законодательстве государств – членов Союза.

При этом важно понимать, что для малого и среднего бизнеса, в отличие от крупных предприятий и транснациональных корпораций, обращение в Суд объективно сложнее, в том числе с финансовой точки зрения, особенно с учетом, как правило, длящегося негативного эффекта от оспариваемого решения (действия, бездействия) Комиссии. Поэтому если такой хозяйствующий субъект понимает, что даже в случае выигрыша дела в Суде понятный прозрачный эффективный механизм исполнения будущего решения Суда, восстановления нарушенных прав и возмещения причиненного ущерба отсутствует, то для него

[16] Дело С-1/23 Транспортейшн Рус/Шиптрейд: решение КС от 13.06.2023 (абзац 2 пункта 5.6). Сборник правовых позиций Суда (компендиум) по состоянию на 31 декабря 2025 г. (с. 60).

целесообразность и перспективность обращения в Суд становится совсем не очевидной. Не исключено, что и по этой причине количество обращений хозяйствующих субъектов в Суд ЕАЭС относительно невелико, а в последние годы существенно сократилось[17].

По большому счету в рамках действующего правового поля у хозяйствующего субъекта, заинтересованного в оспаривании решений, действий (бездействия) Комиссии, есть две альтернативные стратегии: либо сначала исчерпать все доступные средства правовой защиты в рамках национального правопорядка государства – члена ЕАЭС и только после этого обращаться в Суд, либо инициировать и вести эти разноуровневые (национальный и наднациональный) процессы параллельно.

Несмотря на то, что второй вариант сопряжен для хозяйствующего субъекта с дополнительными расходами, связанными с ведением двух параллельных судебных разбирательств, с практической точки зрения именно он представляется более перспективным и целесообразным.

В первом варианте, даже если хозяйствующий субъект выиграет дело в Суде, получит благоприятное для себя решение Суда, которое будет добровольно исполнено Комиссией, то в рамках национального правопорядка будет сохранять свое действие вступившее в законную силу постановление национального суда, как правило, высшей инстанции. И в такой ситуации хозяйствующий субъект, будучи связанным нормами национального процессуального законодательства, будет

[17] По состоянию на 29.12.2025 всего в период с 2015 по 2025 г. в Суд поступило 94 заявления хозяйствующих субъектов, причем с 2018 по 2023 г. их число пусть не так значительно, но стабильно росло, а в 2024 и 2025 гг. – стремительно сократилось до единственного обращения за весь 2025 г. (статистические данные о деятельности Суда Евразийского экономического союза по состоянию на 29 декабря 2025 г.).

вынужден либо пытаться отменить неблагоприятные для него судебные постановления по вновь открывшимся обстоятельствам, либо креативить и пытаться инициировать новые споры с иным предметом требований, отличным от первоначальных, чтобы избежать их юридической тождественности.

Поэтому с практической точки зрения предпочтительным видится параллельное обращение как в Суд ЕАЭС, так и в национальный суд государства – члена Союза с одновременной просьбой к национальному суду приостановить рассмотрение дела до вынесения решения Судом ЕАЭС. Однако и в этом сценарии, при всей его логичности, проблемой может стать формальное отсутствие в национальном законодательстве нормативных предписаний о правовых последствиях вынесенных Судом решений в целом и прямого указания на решения Суда или рассмотрение дела Судом ЕАЭС как основания для приостановления производства по делу или для пересмотра судебных постановлений по вновь открывшимся обстоятельствам.

Рассмотрим, для примера, действующее законодательство Республики Беларусь и наиболее распространенную категорию рассмотренных Судом споров, связанных с функционированием Таможенного союза[18]. В соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 29 марта 2018 г. № 1 «О некоторых вопросах рассмотрения судами экономических и гражданских дел с участием таможенных органов» судам Республики Беларусь при рассмотрении дел с участием таможенных органов предписано руководствоваться Конституцией Республики Беларусь, Международной конвенцией об упрощении и гармонизации таможенных процедур от 18 мая 1973 г.,

[18] По состоянию на 29.12.2025 в 44 из 101 рассмотренных Судом в 2015–2025 гг. дел предметом являлось функционирование Таможенного союза (Статистические данные о деятельности Суда Евразийского экономического союза по состоянию на 29 декабря 2025 г.).

Международной конвенцией о гармонизированной системе описания и кодирования товаров от 14 июня 1983 г., Договором о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г., Договором о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 г., Налоговым кодексом Республики Беларусь, Законом Республики Беларусь от 10 января 2014 г. № 129-З «О таможенном регулировании в Республике Беларусь», другими нормативными правовыми актами, регулирующими таможенные правоотношения[19]. Как видим, решения Суда в этом перечне правовых источников не упоминаются.

Аналогичным образом рассмотрение спора в Суде ЕАЭС и решения Суда ЕАЭС прямо не упомянуты ни в Кодексе гражданского судопроизводства Республики Беларусь (далее – КГС)[20], ни в перечне оснований для приостановления производства по делу[21], ни среди оснований для пересмотра судебных постановлений, вступивших в законную силу, по вновь открывшимся обстоятельствам[22]. Схожая ситуация имеет место и в законодательстве других государств – членов Союза.

Представляется, что реальное и эффективное исполнение решений Суда ЕАЭС об удовлетворении заявлений субъектов хозяйствования имеет важнейшее значение не только для обеспечения единообразного применения права ЕАЭС и реализации основополагающего принципа правовой определенности, но прежде всего для укрепления доверия к Союзу, Суду и праву ЕАЭС,

---

[19] О некоторых вопросах рассмотрения судами экономических и гражданских дел с участием таможенных органов : постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь, 29 марта 2018 г. № 1 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=S21800001&p1=1 (дата обращения: 09.03.2026).

[20] Кодекс Республики Беларусь от 11.03.2024 № 359-З.

[21] Статьи 132 и 133 КГС.

[22] Статья 630 КГС.

самой идее евразийской интеграции и для ее широкой поддержки хозяйствующими субъектами. Государства – члены Союза также заинтересованы в обеспечении своим хозяйствующим субъектам эффективной защиты их прав и законных интересов от нарушения права ЕАЭС как на уровне Союза, так и в рамках национальных правопорядков других государств – членов ЕАЭС.

Серьезно ограничив полномочия Суда в отношении исполнения своих решений, евразийский законодатель тем не менее сохранил право хозяйствующих субъектов на обращение в Суд. Поэтому было бы совсем нелогичным предположить, что политическая воля архитекторов современной евразийской интеграции была направлена на предоставление хозяйствующим субъектам заведомо неэффективного средства правовой защиты. С другой стороны, пока соответствующие положения Статута не пересмотрены, правовые последствия решений Суда в рамках национальных правопорядков государств – членов ЕАЭС, включая разрешение важнейшего прикладного вопроса о возмещении ущерба, причиненного нарушением права ЕАЭС, установленным решением Суда, остаются в исключительной юрисдикции государств – членов ЕАЭС.

Представляется, что оптимальным для установления разумного баланса в распределении юрисдикционных полномочий между Судом ЕАЭС и национальными судами государств – членов Союза могло бы стать введение в правовую материю права ЕАЭС и права государств – членов Союза института т. н. преюдициального запроса, который бы позволил высшим судебным инстанциям государств-членов обращаться в Суд за получением разъяснений в толковании права ЕАЭС в контексте конкретных дел, рассматриваемых национальными судами. Как следствие, Суд мог бы сфокусироваться на решении своей основной задачи по обеспечению единообразного применения права ЕАЭС, не вмешиваясь в юрисдикцию национальных судебных органов, которые, в свою очередь, сохранив за собой

компетенцию по рассмотрению конкретных споров с участием хозяйствующих субъектов, получили бы возможность избежать процессуальной «эквилибристики» и могли бы сразу однозначно и окончательно определять в рамках национального правопорядка правовые последствия допущенных Комиссией нарушений права ЕАЭС, установленных Судом, вместо того, чтобы выносить судебные постановления в ситуации правовой неопределенности с риском их последующей отмены после вынесения соответствующего решения Суда.

Д. В. Семашко
советник экспертно-аналитического отдела
Секретариата Суда Евразийского экономического союза

Средства доказывания в Суде ЕАЭС

В современной правовой доктрине признается, что доказывание является центральным элементом любого судебного процесса[1]. В ходе доказывания суд устанавливает обстоятельства дела, на основе которых определяется норма применимого права. Процесс установления этих обстоятельств не только отличается значительным своеобразием в зависимости от типа правовой системы, уровня правоприменения, но также обусловлен осведомленностью юридической общественности и конкретно юридических представителей об особенностях судопроизводства в конкретном судебном органе.

В отличие от используемой в американском процессе модели notice pleading, предполагающей подачу заявления и обоснования сторонами своих требований в самом общем виде и следующей за этим максимально широкой процедуры раскрытия доказательств (broad discovery), в большинстве других стран мира (в том числе в странах общего права) используется модель fact pleading, в рамках которой стороны должны подробно указать как свои исковые требования (возражения), так и обосновывающие их доказательства, которым отведена особая роль в процессе отправления правосудия.

В Принципах трансграничного гражданского процесса, принятых в 2004 г. Американским институтом права совместно

---

[1] Scherpe, J. C. Alleviations of Proof in German and English Civil Evidence / J. C. Scherpe // Rabels Zeitschrift fur auslandisches und internationales Privatrecht. Bd. 80. – 2016. – № 4. – S. 888–925, 889.

с УНИДРУА, отмечено, что «…на стадии обмена состязательными бумагами стороны должны с разумной степенью подробности указать имеющие значение для дела фактические обстоятельства, правовые доводы и испрашиваемое средство правовой защиты и достаточно подробно описать имеющиеся доказательства, которые могут быть представлены в обоснование их утверждений»[2]. Аналогичный подход закрепляется также в проекте Европейских принципов гражданского процесса 2017 г.[3]

В международном судопроизводстве, как и в национальном, доказательства должны обосновывать требования или возражения сторон либо являться основанием для заявления и других требований, вытекающих из существа спорного правоотношения[4].

Как подчеркивается в современных исследованиях, рассмотрение трансграничных споров радикально не отличается от обычного гражданского процесса и не преследует цели отправления какого-то особенного правосудия[5]. Процессуальные

---

[2] Принципы трансграничного гражданского процесса = ALI/UNIDROIT Principles of Transnational Civil Procedure / пер. с англ. Е. А. Виноградовой, М. А. Филатовой. – М. : Инфотропик Медиа, 2011.

[3] ELI-UNIDROIT Joint Project «From Transnational Principles to European Rules of Civil Procedure» / Steering Committee and Working Group. – 11 April 2017, Rome. – URL: http://www.unidroit.org/news-archive/89-news-and-events/2195-eli-unidroit-joint-project-from-transnational-principles-to-europe-an-rules-of-civil-procedure (дата обращения: 07.08.2017).

[4] Гетьман-Павлова, И. В. Получение и представление доказательств в международном гражданском процессе (отдельные теоретические и практические проблемы) / И. В. Гетьман-Павлова, М. А. Филатова // Международное правосудие. – 2017. – № 3. – С. 96–109.

[5] Caponi, R. Transnational Litigation and Elements of Fair Trial: General Report, XIV World Congress of the International Association of Procedural Law (IAPL) / R. Caponi. – Heidelberg, 25–30 July 2011. – URL: http://www.

правила обычно имеют универсальный характер вне зависимости от того, какой спор – трансграничный или сугубо внутренний – рассматривается национальным судом. Определенной спецификой при рассмотрении дел, связанных с иностранным правопорядком, обладают и универсальные институты гражданского процесса, такие как доказывание[6].

Комбинация национальных и международного подходов в рамках наднационального судебного органа, призванного защищать права в рамках интеграционного объединения, участниками которого являются несколько государств, требует особого внимания со стороны процессуальных представителей сторон.

Осуществление Судом ЕАЭС функции нормоконтроля в целях обеспечения единства евразийского правопорядка (сродни конституционному контролю в рамках национальных правопорядков) не лишает доказательства их особой роли с самой начальной стадии процесса, поскольку они являются фундаментом правовой аргументации сторон, а их достаточность во многом предопределяет успешность судебного обращения.

Статутные документы Суда ЕАЭС (Статут и Регламент) не дают определения термину «доказательство». В ст. 35 Регламента приведено понятие «состязательные документы», которые определяются как представленные Суду по спору или полученные Судом по инициативе сторон письменные документы или сведения, объяснения, иные документы и материалы, на основании которых Суд устанавливает наличие или отсутствие

---

iapl.-2011-congress.com/Inhalt/Papers/General%20Reports/General%20Report%20-%20CaponiENG.pdf (дата обращения: 12.09.2017).

[6] Гетьман-Павлова, И. В. Получение и представление доказательств в международном гражданском процессе (отдельные теоретические и практические проблемы) / И. В. Гетьман-Павлова, М. А. Филатова // Международное правосудие. – 2017. – № 3. – С. 96–109.

обстоятельств, обосновывающих требования или возражения сторон, а также иные обстоятельства, имеющие значение для разрешения спора.

Как отмечают исследователи, уяснение термина «состязательные документы», сформулированного в п. 1 ст. 35 Регламента Суда, позволяет установить, что инициатива подачи соответствующих документов в материалы дела принадлежит исключительно лицам, участвующим в споре. Документы, запрошенные Судом ЕАЭС по собственной инициативе, понятию состязательных не отвечают. Обратим внимание на чрезвычайно широкое определение состязательных документов с точки зрения перечня сведений, которые они включают, не исчерпывающегося лишь материалами в письменном виде[7].

Ссылки на дефиниции «доказательства» встречаются в п. «и» ст. 27, ч. 2 п. 3 ст. 44 и п. 3 ст. 51 Регламента Суда, а ст. 78 Регламента, посвященная общим требованиям к решению Суда, прямо указывает на то, что мотивировочная часть решения Суда, помимо норм права, которыми руководствовался Суд при принятии решения, должна содержать доказательства, на которых основаны выводы Суда, и доводы, по которым Суд не принимает те или иные доказательства, включая заключение специализированной группы.

В научной литературе отмечают, что в процессуальном праве ЕАЭС определение понятия «доказательство» согласуется с его определением в рамках национальных правопорядков государств-членов и раскрывается как сведения о фактах, представленных стороной по делу или запрошенных Судом ЕАЭС по ее инициативе и оформленных в виде состязательных документов, при условии, что на их основе устанавливаются обстоятельства, значимые для разрешения дела.

---

[7] Дьяченко, Е. Б. Отправление правосудия в судах интеграционных объединений : автореф. дис. … д-ра юрид. наук / Дьяченко Екатерина Борисовна. – М., 2023.

В узком смысле доказательства могут определяться как процессуальные средства доказывания. Указанное понятие используется в процессе оценки доказательств и раскрывается через свойства достаточности и допустимости. Иногда оно используется как синоним для видов доказательств – конкретных сведений о доказываемом факте или событии, обладающем определенным родовым или видовым единством и общими признаками (например, письменные и вещественные доказательства, свидетельские показания, заключения эксперта и пр.).

Наиболее четко взаимосвязь этих понятий прослеживается в определении структуры судебных доказательств, согласно которой она образуется двумя взаимосвязанными элементами: сведениями о фактах (содержание доказательства) и средством доказывания (процессуальная форма доказательства)[8].

В рамках отправления интеграционного правосудия процессуальные формы доказательств не слишком отличаются от средств доказывания, применяемых в национальных правопорядках. Вместе с тем международный характер интеграционного правосудия, а также основная функция Суда ЕАЭС по обеспечению единства и целостности правопорядка ЕАЭС, предполагающая под собой характер нормоконтроля, придают процессу доказывания свою специфику.

Если письменные доказательства являются классическим средством доказывания как в национальных, так и в наднациональных судах, то иные средства доказывания, как то заключение эксперта, специалиста, заключение специализированной группы, а также свидетельские показания являются не такими распространенными.

---

[8] Гражданский процесс : учебник / В. В. Аргунов, Е. А. Борисова, Н. С. Бочарова [и др.] ; под ред. М. К. Треушникова. – 5-е изд., перераб. и доп. – М. : Статут, 2014. – 960 с.

Как отмечается в доктрине, единственное отличие, которое имеет место между регламентацией процессуального статуса специалиста и эксперта в Суде ЕАЭС и судах его государств-членов, состоит в том, что в последних за экспертом закреплена функция представления письменного заключения, в то время как задача специалиста ограничивается дачей устных пояснений[9]. При этом оба лица привлекаются в процесс для разъяснения вопросов, связанных со специальными познаниями в науке, технике, технологиях и др. В актах, регламентирующих деятельность Суда ЕАЭС, такие требования не оговорены, но отмечено, что каждый из них предоставляет заключение.

Использование в практике Суда ЕАЭС специальных познаний в сфере науки, техники и иных специальных сферах широко распространено в силу специфики рассмотрения дел об оспаривании решений ЕЭК о таможенной классификации, предполагающих глубокое погружение в особенности состава и функционального назначения классифицируемого товара. В то же время в большинстве судебных дел такие специальные познания предоставлялись в Суд в виде изготовленных по инициативе сторон так называемых досудебных экспертных заключений, которые в полной мере не соответствуют понятию экспертного заключения в процессуальном смысле и имеют характер состязательного документа. Экспертизы как таковые до настоящего времени Судом ЕАЭС не назначались, что не исключает этого в будущем. Статутные документы этому не препятствуют.

Отдельным видом средств доказывания по делам о промышленных субсидиях, мерах защиты внутреннего рынка и мерах государственной поддержки выступают заключения специализированной группы. Указанное доказательство затрагивает

[9] См. Дьяченко, Е. Б. Отправление правосудия в судах интеграционных объединений : автореф. дис. … д-ра юрид. наук / Дьяченко Екатерина Борисовна. – М., 2023.

оценку фактических обстоятельств дела по существу и по общему правилу носит рекомендательный характер, а в случае дел о предоставлении промышленных субсидий и мер государственной поддержки сельского хозяйства обязательно (на данный момент заключение спецгруппы использовалось только в одном деле – ПАО «АрселорМиттал Кривой Рог» об оспаривании применения антидемпинговой меры).

Поскольку главной целью Суда ЕАЭС является обеспечение единообразного применения права Союза, т. е. в основном в основу угла положены споры о праве, а не о факте, свидетельские показания не являются традиционным средством доказывания, как и в любом другом формальном процессе.

В то же время компетенция Суда ЕАЭС по рассмотрению споров в сфере конкуренции при оспаривании решений, действия (бездействия) ЕЭК, в том числе наложения штрафных санкций, также предопределяет расширение спектра доказательств по делам, поскольку оценке подлежат не только содержание положений нормативных актов Комиссии, но и оценка фактов, которые легли в основу того или иного решения, затрагивающего права и законные интересы хозяйствующего субъекта. В этом смысле ст. 29 Регламента предусматривает свидетеля как лицо, участвующее в споре.

Следует отметить креативный подход некоторых представителей, которые, поучаствовав в судебных процессах в рамках национального правопорядка, полагают возможным считать, что имеют возможность свидетельствовать об обстоятельствах дела в рамках наднациональной судебной процедуры как «свидетели факта» (например, в делах о недобросовестной конкуренции), однако до настоящего времени такие попытки не увенчались успехом.

Отдельно следует остановиться на норме п. 55 Статута, позволяющей Суду ЕАЭС по делам о рассмотрении споров самостоятельно запрашивать необходимые для рассмотрения

дел материалы у направивших заявление в Суд хозяйствующих субъектов, уполномоченных органов и организаций государств-членов, а также органов Союза.

В деле Шиптрейд[10] Суд ЕАЭС констатировал, что документы и материалы, полученные Судом в рамках п. 55 Статута, не рассматриваются *a priori* Судом в качестве доказательств, как это установлено ст. 78 Регламента Суда. Указанные материалы оцениваются судом по критериям допустимости и относимости (самостоятельно, по внутреннему убеждению, основываясь на всестороннем и полном рассмотрении дела) и только после этого могут быть использованы Судом при формулировании позиции по делу. Иными словами, Суд Союза развел понятия состязательных документов и материалов, полученных на основании п. 55 Статута, определив придание им характера доказательств как дискреционного полномочия Суда.

В завершение следует отметить, что стандарт доказывания и распределение его бремени не лишают стороны возможности использования различных средств доказывания, при этом целесообразно помнить о том, что цель в достижении юридической истины всегда должна определять средства доказывания.

Статутные документы на первый взгляд не дают четкого представления о возможности использования электронных (цифровых) доказательств (хотя иные документы и материалы поименованы в ст. 35 Регламента, а их применение в конкретном деле зависит от аргументации ссылающейся на них стороны и от восприятия такого средства доказывания составом Суда). Вместе с тем в практике Суда время от времени возникают вопросы (преимущественно в делах по спорам хозяйствующих субъектов с ЕЭК в сфере конкуренции), прямо или косвенно связанные с оценкой электронных документов, баз

[10] Решение Апелляционной палаты от 31 октября 2019 г. по делу № С-1/19 Шиптрейд.

данных, иных объектов интеллектуальной собственности, отображение которых находится в цифровом формате. Евразийскому правопорядку еще предстоит выработать подходы к работе с таким видом средств доказывания. В свою очередь, Суд ЕАЭС тщательно отслеживает тенденции цифровизации в государствах-членах, вырабатывая собственную концепцию внедрения цифровых инструментов для целей усовершенствования модели отправления правосудия.

До настоящего времени стороны практически не используют в своей аргументации заключения специалистов в сфере права, заключения *amicus curia*, однако не исключено, что привлечение к процедуре более искушенных представителей в сфере международного разрешения споров может содействовать более креативному подходу в использовании средств доказывания.

Сессия II
Таможенное регулирование. Развитие внутреннего рынка Евразийского экономического союза

Ю. Г. Иваненко
заместитель Председателя
Верховного Суда Российской Федерации –
председатель Судебной коллегии по экономическим спорам
Верховного Суда Российской Федерации

Роль решений Евразийской экономической комиссии и Суда Евразийского экономического союза в формировании единообразной судебной практики применения таможенного законодательства

Нормативное правовое регулирование таможенных отношений в Российской Федерации осуществляется в соответствии с Конституцией Российской Федерации, общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами, входящими согласно ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации в ее правовую систему, и законодательством Российской Федерации о таможенном регулировании, в том числе Федеральным законом от 3 августа 2018 г. № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

К числу таких международных договоров, в частности, относятся Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. и Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС, Союз), а также иные международные договоры, составляющие право Союза.

Со дня вступления в силу Таможенного кодекса ЕАЭС (1 января 2018 г.) ознаменовался новый этап таможенного

регулирования и правоприменения в Российской Федерации. Произошедшие существенные изменения, призванные способствовать экономической интеграции государств, входящих в ЕАЭС, потребовали формирования новой судебной практики применения таможенного законодательства.

Осознавая важность обеспечения единообразного применения новых правовых норм, Верховный Суд Российской Федерации незамедлительно приступил к подготовке разъяснений по актуальным вопросам судебной практики рассмотрения судами Российской Федерации таможенных споров. Результатом этой работы стало принятие Пленумом Верховного Суда Российской Федерации постановления от 26 ноября 2019 г. № 49 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике в связи с вступлением в силу Таможенного кодекса Евразийского экономического союза».

В данном постановлении нашли отражение наиболее актуальные вопросы, связанные с применением Таможенного кодекса, в том числе относительно толкования международных договоров в данной области, статуса решений Евразийской экономической комиссии и практики Суда ЕАЭС, разрешения возможных коллизий между международными нормами и национальным законодательством, определения таможенной стоимости товаров, классификации товаров для таможенных целей, осуществления таможенного контроля, возврата таможенных платежей.

В частности, Пленум Верховного Суда Российской Федерации отметил, что положения Таможенного кодекса ЕАЭС имеют приоритет перед иными регулирующими таможенные отношения международными договорами, входящими в право Союза, за исключением Договора о Евразийском экономическом союзе, что следует из абзаца 1 п. 3 ст. 6 указанного Договора и п. 4 ст. 1 Таможенного кодекса ЕАЭС.

В то же время указанным постановлением Пленум Верховного Суда Российской Федерации ориентировал суды на то, что решения постоянно действующего регулирующего органа Союза – Евразийской экономической комиссии, принятые в рамках ее полномочий, признаются актами, регулирующими таможенные правоотношения в Российской Федерации как государстве – участнике Союза, на основании ст. 6, 18 и 32 Договора о Евразийском экономическом союзе. Дополнительно было разъяснено, что при толковании и применении норм права Союза, принятых в сфере таможенного регулирования, судам следует учитывать акты Суда ЕАЭС, вынесенные по результатам рассмотрения споров, связанных с реализацией положений Договора о Евразийском экономическом союзе, иных международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза, а также по иным вопросам, отнесенным к его компетенции согласно главе IV Статута Суда ЕАЭС.

В случае возникновения коллизии между регулирующими таможенные отношения нормами права Союза и положениями законодательства Российской Федерации в соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации применению подлежит право Союза. В то же время коллизионный приоритет права Союза не может приводить к нарушению прав и свобод граждан и организаций, гарантированных Конституцией Российской Федерации. В частности, при применении актов Союза, которые устанавливают, изменяют или прекращают права и обязанности участников таможенных отношений, должны учитываться принципы поддержания доверия к закону и действиям государства, недопустимости придания обратной силы новому таможенному регулированию, ухудшающему положение участников внешнеэкономической деятельности.

В связи с этим, например, при применении решений Евразийской экономической комиссии о классификации отдельных видов товаров суды исходят из того, что в случае изменения

Комиссией ранее сложившейся в Российской Федерации устойчивой практики классификации соответствующих товаров обязанность по дополнительной уплате таможенных пошлин на основании решения Комиссии не может быть возложена таможенными органами на участников внешнеэкономической деятельности, которые уже осуществили уплату таможенных платежей в соответствии с ранее существовавшей практикой до издания Комиссией таких изменений и добросовестно полагали, что обязанность по уплате таможенных платежей исполнена ими полностью (п. 4 постановления Пленума № 49).

Решения Суда, как и решения Комиссии, по такой наиболее распространенной теме таможенных споров, как классификация товаров, формируют стабильность правового регулирования и создают благоприятные условия как для внешнеэкономической деятельности различных субъектов, так и для защиты экономической безопасности и суверенитета государств – членов Союза.

Напомню, что в судебной практике критериями классификации товара для таможенных целей являются объективные характеристики и свойства товара, которые должны соотноситься с текстами товарных позиций и соответствующих примечаний к разделам или группам. При этом предполагаемое назначение товара также представляет собой критерий при классификации для таможенных целей (абз. 6 подп. 7.2.1 решения Коллегии Суда от 7 апреля 2016 г. об отказе в удовлетворении заявления о признании в части решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 6 ноября 2014 г. № 197 «О классификации кормовой добавки для животных по единой Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Таможенного союза» не соответствующим международным договорам)[1].

[1] Дело № С-5/15 ООО «Севлад». – URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/C-5.15/ (дата обращения: 13.11.2025).

В свое время, например, решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 11 октября 2022 г. № 141 «О классификации аккумуляторной дрели-шуруповерта в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» обеспечило единство таможенной и судебной практики в отношении декларирования названного товара по коду 8467 21 100 0 ТН ВЭД ЕАЭС и размера уплаты таможенной пошлины.

В продолжение похожей ситуации в 2025 г. Верховным Судом принято решение, связанное с отнесением к такой же товарной позиции «дрели всех типов» сетевых электрических перфораторов. При этом, соглашаясь с правильностью избранного таможенным органом подхода к классификации, было учтено решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 3 октября 2024 г. № 110 «О классификации перфоратора в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза», которым установлено, что перфоратор, представляющий собой ручной инструмент вращательного действия со встроенным электрическим двигателем, предназначенный для ударного и простого сверления отверстий в различных материалах, долбления бетона, кирпичей и природного камня, имеющий дополнительно функцию закручивания/выкручивания винтов либо без нее, в соответствии с правилами 1 и 6 ОПИ ТН ВЭД ЕАЭС классифицируется в субпозиции 8467 21 ТН ВЭД ЕАЭС.

Верховным Судом Российской Федерации на постоянной основе проводятся обобщения правовых позиций и практики Суда Евразийского экономического союза. Так, обобщения 2022 и 2024 гг. подготовлены на основе решений и консультативных заключений, принятых Судом ЕАЭС за период с декабря 2015 г. по сентябрь 2024 г., и размещены на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации (vsrf.ru) в разделе «Документы».

В обобщениях нашли отражение позиции по вопросам о соотношении компетенции Союза и компетенции государства – члена Союза, о международной правосубъектности Союза, о понимании и содержании права Союза, о компетенции и полномочиях Евразийской экономической комиссии, о компетенции Суда ЕАЭС, в том числе о толковании и применении Судом ЕАЭС права Союза, а также правовые позиции Суда ЕАЭС, систематизированные по отдельным правовым областям.

Позиция Суда ЕАЭС способствует формированию единообразной судебной практики по таможенным спорам на территории всего Евразийского таможенного союза.

Единое таможенное пространство является одной из важнейших сфер интеграции, обеспечивающей свободное перемещение товаров внутри Союза. Рассматривая споры, возникающие в этой сфере, и направляя свою деятельность на обеспечение единообразия в толковании и применении нормативных актов ЕАЭС, защиту законных интересов хозяйствующих субъектов и устранение возможных нарушений таможенного законодательства, Суд ЕАЭС, безусловно, выступает в качестве гаранта справедливого таможенного регулирования.

Практика оспаривания в Суде ЕАЭС решений Комиссии, связанных с классификаций товаров, с одной стороны, обеспечивает реализацию экономическими акторами защиты их прав, которые они полагают нарушенными. С другой стороны, создавая прецеденты и детализируя общие нормы, Суд способствует развитию права Союза.

В судебной практике неоднократно возникали споры по вопросу включения лицензионных платежей в таможенную стоимость товара.

После формирования Верховным Судом практики по делам о роялти некоторых известных брендов аналитики отмечают, что декларанты начали предпринимать попытки избежать увеличения таможенной стоимости путем создания цепочки

формальных сделок. Например, декларанты закупают сырье для производства товаров, а не ввозят сами товары с нанесенными товарными знаками. Поскольку, по мнению декларантов, само сырье не является предметом лицензионных договоров, лицензионные платежи в таможенную стоимость сырья не включаются. Между тем такое сырье приобретается у строго определенных лицензиаром лиц, лицензиар имеет право на контроль качества сырья и производственного процесса, сырье должно быть произведено с использованием ноу-хау лицензиара.

В подобных случаях невозможно заявлять о самостоятельной закупке сырья лицензиатом, поскольку лицензиар полностью контролирует технологический процесс, дает право на использование ноу-хау. При этом за использование технологий и ноу-хау лицензионные платежи подлежат уплате согласно договору. При этом, вопреки доводам лицензиатов, они не обладают правом на выбор любого сырья или поставщика сырья, поскольку это приведет к утрате права на использование товарных знаков.

В связи с этим актуально для формирования единообразной практики национальными таможенными и судебными органами решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 23 декабря 2024 г. и постановление Апелляционной палаты Суда от 12 февраля 2025 г. об отказе в удовлетворении заявления общества с ограниченной ответственностью «ПОРШЕ РУССЛАНД» о признании бездействия Евразийской экономической комиссии не соответствующим международным договорам в рамках Евразийского экономического союза и нарушающим права и законные интересы хозяйствующего субъекта[2].

Данные акты содержат важные выводы и Комиссии, и Суда, которые должны учитываться участниками таможенных правоотношений и правоприменителями.

---

[2] Дело С-10/24 ООО «ПОРШЕ РУССЛАНД». – URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/C-10.24/ (дата обращения: 13.11.2025).

По делу утверждение о бездействии Комиссии заявитель связывал с нереализацией ею полномочий по проведению мониторинга и контроля применения права ЕАЭС, а именно п. 9 ст. 39 и подп. 3 п. 1 ст. 40 ТК ЕАЭС.

Комиссия отметила, что сам по себе факт отсутствия или наличия какой-либо судебной практики, складывающейся не в пользу заявителя, не свидетельствует о ее неединообразии.

В свою очередь, подготовка проекта акта о применении подп. 3 п. 1 ст. 40 ТК ЕАЭС свидетельствует об отсутствии бездействия со стороны Комиссии.

Апелляционная палата подтвердила вывод Коллегии Суда, что уяснение положений главы 5 ТК ЕАЭС и Положения о ЕЭК не дает оснований для вывода о том, что для принятия актов, направленных на обеспечение единообразного применения положений главы 5 ТК ЕАЭС, Комиссией в обязательном порядке осуществляется мониторинг и контроль.

Кроме того, право Союза также не содержит нормы, которые регламентируют круг субъектов, управомоченных инициировать процедуру принятия актов, направленных на обеспечение единообразного применения положений главы 5 ТК ЕАЭС.

Коллегия Суда и Апелляционная палата согласились со сформулированным Верховным Судом Российской Федерации подходом, согласно которому часть дохода (выручки), полученного в результате последующей продажи, распоряжения иным способом или использования ввозимых товаров, которая прямо или косвенно причитается продавцу и которая не является дивидендами по смыслу ТК ЕАЭС в обычном значении данного термина, включается в таможенную стоимость ввозимых товаров.

Аналогичный подход не выработан правоприменительными органами других государств-членов, а подход Верховного Суда Российской Федерации не применялся ими при разрешении конкретных дел. Но, по мнению Апелляционной палаты, это не

позволяет констатировать наличие расхождений в применении п. 9 ст. 39 и подп. 3 п. 1 ст. 40 ТК ЕАЭС в рамках Союза.

С учетом решения Апелляционной палаты Суда от 26 ноября 2024 г. по делу № С-5/24 БГ-ТУЛС-МСИ[3] по данному делу указано, что определение конкретной величины таможенной стоимости относится к полномочиям таможенных органов государств – членов Союза, а проверка правильности решений таможенных органов – к компетенции национальных судов.

Апелляционная палата сочла, что положения ст. 39 и ст. 40 ТК ЕАЭС носят защитный характер, поскольку направлены на противодействие угрозе заключения фиктивных сделок между взаимосвязанными лицами и намеренного занижения таможенной стоимости, а также на обеспечение национальных интересов государств-членов, в том числе в сфере экономической безопасности, а их добросовестное соблюдение национальными таможенными органами и субъектами рынка является императивным условием правомерного ввоза товаров на таможенную территорию Союза.

Субъекты рынка при заключении и в процессе осуществления ими сделок купли-продажи товаров для ввоза на таможенную территорию Союза в целях последующей перепродажи, а также при составлении и оформлении требуемых для этого таможенных документов в соответствии с принципом добросовестности обязаны проявлять особую осмотрительность, в том числе при определении и таможенном декларировании таможенной стоимости ввезенных или ввозимых товаров.

Важной для практики является позиция, согласно которой применение метода 1 для определения таможенной стоимости товара при его продаже взаимосвязанными лицами допускается ТК ЕАЭС при соблюдении двух кумулятивных условий:

---

[3] Дело С-5/24 ООО «БГ-ТУЛС-МСИ». – URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/C-5.24/ (дата обращения: 13.11.2025).

таможенным органом в соответствии с пп. 5–8 ст. 39 ТК ЕАЭС на основе представленных декларантом сведений и документов, относящихся к обстоятельствам продажи, установлено, что взаимосвязь между продавцом и покупателем не влияет на стоимость сделки; к цене, фактически уплаченной или подлежащей уплате за эти товары, могут быть произведены дополнительные начисления.

При соблюдении указанных условий к оценке таможенной стоимости при применении метода 1 подлежит применению п. 3 ст. 39 ТК ЕАЭС, в соответствии с которым ценой, фактически уплаченной или подлежащей уплате за ввозимые товары, является общая сумма всех платежей за эти товары, осуществленных или подлежащих осуществлению покупателем непосредственно продавцу или иному лицу в пользу продавца. При этом платежи могут быть осуществлены прямо или косвенно в любой форме, не запрещенной законодательством государств-членов.

Суд отметил, что указанная часть дохода (выручки), в отношении которой субъект рынка должен выполнить свою публично-правовую обязанность по ее включению в таможенную стоимость для целей уплаты таможенных платежей, не является чистой прибылью субъекта рынка, применительно к которой он вправе самостоятельно, в своем интересе принимать решения о ее распределении в целях выплаты дивидендов.

Совместный интеграционный опыт государств – членов Союза, в том числе связанный с разрешением таможенных споров и применением права Союза, позволяет учитывать выработанные правовые позиции в целях формирования лучших судебных практик, единообразия таможенного регулирования и дальнейшей экономической интеграции.

А. Ю. Бушев
судья Конституционного Суда Российской Федерации

Добросовестность частных и публичных субъектов в практике Конституционного Суда Российской Федерации и Суда Евразийского экономического союза

Суд Евразийского экономического союза[1] исполняет роль настолько же необходимую для любого интеграционного объединения, насколько и естественную для его суда – роль органа, которому участники такого объединения доверили выявление смысла его права. Этому способствуют не только те решения, что в силу Статута Суда Союза обязательны для Комиссии ЕАЭС или сторон спора, но и консультативные заключения этого Суда, поскольку с их принятием важные ориентиры – пусть даже рекомендательные – получают все участники ЕАЭС, их уполномоченные органы и должностные лица, представители деловых кругов и юридическая общественность. Соответственно, деятельность Суда ЕАЭС способствует формированию общих, согласованных в надлежащей процедуре подходов, обеспечивающих единообразие как в понимании, так и в применении норм права Союза, в том числе на национальном уровне.

Доступность сформулированных высокопрофессиональными коллегами-юристами правовых позиций для изучения всеми заинтересованными лицами обеспечивается не только размещением решений Суда Союза в сети Интернет, но и включением в систематизированной форме в регулярно обновляемое

[1] Далее – Суд ЕАЭС, Суд Союза и, соответственно, ЕАЭС и Союз.

издание[2]. Одновременно с этим Суд ЕАЭС ведет аналитическую работу по обобщению практики высших судов стран Союза, а также международных судебных органов[3], создавая дополнительные возможности для синхронизации правоприменения по входящим в сферу компетенции ЕАЭС вопросам. Эти исследования распространяются и на решения Конституционного Суда Российской Федерации[4].

Конституционный Суд, в свою очередь, также обращается к праву ЕАЭС и позициям его Суда. В таких случаях принятые решения включаются в соответствующие обзоры практики, которые готовятся и размещаются для общего доступа Секретариатом КС РФ[5]. При этом заметную их долю составляют решения по делам, связанным с таможенными правоотношениями. Например, в недавнем определении от 18 сентября 2025 г. № 2104-О[6] Конституционный Суд подтвердил обязанность

---

[2] См. Сборник правовых позиций (компендиум) Суда ЕАЭС. – URL: https://courteurasian.org/analytics/#publications (дата обращения: 01.03.2026).

[3] Обзоры практики международных судебных органов и судов государств – членов Союза по вопросам, представляющим интерес для Суда ЕАЭС, публикуются на официальном сайте Суда ЕАЭС, см. Сайт Суда Союза. Обзоры. – URL: https://courteurasian.org/analytics/#reports (дата обращения: 01.03.2026).

[4] Далее – Конституционный Суд, КС РФ. См., например, Обзор № 5 за сентябрь 2023 года. – URL: https://courteurasian.org/upload/iblock/a78/n1owri6rz9iw7kjngmhte6h8li3lk0u1/Review_International%20Courts_Vol.%205_Sept%202023.pdf (дата обращения: 01.03.2026).

[5] См., например, п. 2 Обзора практики Конституционного Суда Российской Федерации за третий квартал 2025 г. – URL: https://www.ksrf.ru/Decision/generalization/documents/Information_3_2025.pdf (дата обращения: 01.03.2026).

[6] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 18 сентября 2025 г. № 2104-О «Об отказе в принятии к рассмотрению

субъекта таможенного контроля надлежащим образом декларировать товары, перемещаемые через таможенную границу Союза, включая, при определенных условиях, товары для личного пользования. Отказывая заявителю в принятии жалобы к рассмотрению, Конституционный Суд учел, что оспоренные заявителем бланкетные нормы Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации отсылают к положениям права Союза, которые недвусмысленно устанавливают обязанность декларирования товаров в соответствующей ситуации.

Анализ практики Суда ЕАЭС позволяет исследователям констатировать, что в своих актах Суд регулярно обращается к общим принципам права, известным законодательству и судебной практике всех государств – участников ЕАЭС: принципы *pacta sunt servanda*, справедливой соразмерности, юридического и фактического равенства и т. д. При этом отмечается, что особенно востребован в обосновании принимаемых решений принцип добросовестности, распространяющий свое действие на любые правоотношения[7].

В тексте Договора о создании ЕАЭС, формулирующего, помимо прочего, принципы функционирования Союза, добросовестность упоминается преимущественно в контексте конкуренции. Однако и в национальной судебной практике,

---

жалобы гражданина Рыжкова Алексея Алексеевича на нарушение его конституционных прав частью 1 статьи 16.2 и частью 1 статьи 27.10 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях». – URL: https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision860871.pdf (дата обращения: 01.03.2026).

[7] Нешатаева, Т. Н. Евразийский экономический союз: органы, практика, право / Т. Н. Нешатаева // Журнал российского права. – 2023. – № 5. – С. 197; О месте рассматриваемого принципа в международном праве, см., например, Седова, Ж. И. Правовые формы отрицания недобросовестного поведения / Ж. И. Седова. – М. : Статут, 2023. – С. 84–113.

и в практике Суда Союза добросовестность рассматривается шире, подразумевая требования по учету интересов иных лиц при осуществлении своих прав и исполнении обязанностей, порицание злоупотреблений правом, стандарт поведения, относимый как к субъектам хозяйственной деятельности, так и к публичным органам (включая и национальные государственные органы, и органы Союза). Например, в консультативном заключении от 11 января 2021 г., подготовленном по заявлению Комиссии ЕАЭС о разъяснении положений Договора о ЕАЭС, было отмечено со ссылкой на п. 1 ст. 31 Венской Конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г., что международный договор должен толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придать терминам договора в их контексте, а также в свете объекта и целей договора[8]. В другом консультативном заключении (от 30 мая 2023 г.[9]) закрепленный в ст. 3 Договора о ЕАЭС принцип обеспечения взаимовыгодного сотрудничества уточнен до взаимовыгодного добросовестного сотрудничества; его элементом, как указывает Суд Союза, является, в частности, признание средств идентификации товаров на условиях взаимности[10].

В Российской Федерации всеобъемлющее действие принципа добросовестности, опирающегося на ряд

---

[8] Консультативное заключение Большой коллегии Суда ЕАЭС от 11 января 2021 г., дело № Р-3/20. – URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/ (дата обращения: 01.03.2026).

[9] Консультативное заключение Большой коллегии Суда ЕАЭС от 30 мая 2023 г., дело № Р-1/23. – URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-1.23/ (дата обращения: 01.03.2026).

[10] О формировании понятия добросовестности в практике Суда ЕАЭС, см. Нешатаева, Т. Н. Независимость и добросовестность суда и судей в цифровую эпоху: интеграционный опыт / Т. Н. Нешатаева // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2022. – № 1. – С. 107–126.

положений Конституции Российской Федерации (ч. 1 и 2 ст. 15, ч. 3 ст. 17 и др.), получило дополнительное обоснование благодаря внесенным в нее в 2020 г. поправкам. Так, согласно новой ст. 75.1 в Российской Федерации создаются условия для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества, гарантируются защита достоинства граждан и уважение человека труда, обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность[11]. Приняв за основу общепринятую идею о взаимодействии юридической нормативной системы с иными социальными нормативными регуляторами, можно заключить, что принцип добросовестности, т. е. обращенное ко всем требование о поведении, учитывающем интересы других лиц, охватывает приведенные в указанной норме концепции (солидарности, взаимного доверия и др.), наполняясь с новой силой ценностями этики и экономики, и потому подлежит дальнейшему применению уже в обогащенном виде. Последующая практика Конституционного Суда демонстрирует не только востребованность этого принципа, но и раскрытие некоторых элементов предполагаемых им требований в отношении как публичных, так и частных субъектов[12].

---

[11] Подробнее о значении изменений 2020 г. и, в частности, ст. 75.1. см., например, Зорькин, В. Д. Под знаком обновленной Конституции: конституционная основа социальной интеграции России / В. Д. Зорькин // Журнал конституционного правосудия. – 2023. – Ч. 1, № 4. – С. 1–8; Зорькин, В. Д. Под знаком обновленной Конституции: конституционная основа социальной интеграции России / В. Д. Зорькин // Журнал конституционного правосудия. – 2024. – Ч. 2, № 1. – С. 1–12.

[12] Подробнее о формировании и значении принципа добросовестности в практике КС РФ позиция автора изложена в статье «Принцип добросовестности в решениях Конституционного Суда

Соответствующие позиции приводились и в делах, где имело место обращение к праву ЕАЭС.

Так, в постановлении от 16 октября 2025 г. № 34-П[13] Конституционный Суд пришел к выводу, что изменение страны назначения, или наименования, или адреса грузополучателя не должно быть основанием для признания происхождения товара неподтвержденным, если подлинность сертификата о происхождении не ставится под сомнение, т. е. если на момент выдачи сертификат содержал верные сведения. Иное вело бы к дискредитации сведений о месте происхождения товара, подтвержденном выданным в соответствии с требованиями действующего регулирования сертификатом, исходя из оценки таможенным органом информации о стране назначения товара или о наименовании и адресе грузополучателя (притом что действующее регулирование не придает такого значения соответствующей информации, а место назначения товара остается на таможенной территории ЕАЭС)[14].

Российской Федерации : к юбилею Гадиса Абдуллаевича Гаджиева // Закон. – 2023. – № 9. – С. 156–169.

[13] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 октября 2025 г. № 34-П «По делу о проверке конституционности статей 20 и 21 Федерального закона “О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации” в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью “Атлант”». – URL: http://publication.pravo.gov.ru/file/pdf?eoNumber=0001202510170001 (дата обращения: 01.03.2026).

[14] Стоит отметить, что при рассмотрении этого дела судья-докладчик направлял запрос в Евразийскую экономическую комиссию, и полученный ответ позволил уточнить содержание регулирования Союза применительно к предмету рассмотрения Конституционного Суда. Хотя ответ на этот запрос не связывал Конституционный Суд Российской Федерации, он способствовал более полному пониманию ситуации.

В данном постановлении Конституционный Суд вновь, ссылаясь на ранее сформулированные правовые позиции, подчеркнул, что в силу своей универсальности требование о добросовестном поведении распространяется на любое социальное взаимодействие между субъектами права во всех сферах. При этом приведенные в постановлении критерии иллюстрируют применимость указанного требования как к хозяйствующему субъекту, так и к органу публичной власти.

Так, КС РФ отметил, что в рамках отношений, связанных с уплатой публичных платежей (включая таможенные), не может не приниматься во внимание противодействие их плательщиком контрольным мероприятиям, проводимым уполномоченным органом. В этом отношении от импортера (декларанта) ожидается содействие таможенному органу (в том числе путем представления в установленном порядке документов и пояснений) в достоверном выявлении всех сведений, необходимых для исполнения соответствующей финансовой обязанности.

Именно такое поведение хозяйствующего субъекта, как представляется, может быть оценено как добросовестное. В этом отношении подходы КС РФ и Суда Союза достаточно схожи. Например, в решении Апелляционной палаты Суда ЕАЭС от 12 февраля 2025 г.[15] отмечено, что добросовестный субъект обязан принимать все надлежащие меры к тому, чтобы при декларировании товаров, ввезенных или ввозимых на таможенную территорию Союза, и определении их таможенной стоимости по стоимости сделки с ними корректно исчислять и указывать таможенную стоимость этих товаров в соответствии с применимыми требованиями права Союза, включая

[15] Решение Апелляционной палаты Суда ЕАЭС от 12 февраля 2025 г. по делу № С-10/24 ПОРШЕ РУССЛАНД. – URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/C-10.24/ (дата обращения: 01.03.2026).

предоставление таможенному органу обосновывающих ее полных, достоверных сведений и документов.

Что же касается органов публичной власти, то, как подчеркивается в рассматриваемом постановлении, действия таможенного органа как одного из их представителей должны способствовать достижению конкретных конституционно одобряемых целей, а его требования и решения не могут быть произвольными и сугубо формальными, не учитывающими особенностей экономической деятельности хозяйствующих субъектов.

Как отметил Конституционный Суд, недобросовестное выполнение компетентными органами своих функций, ошибки в реализации ими своих полномочий не должны негативно влиять на имущественные и неимущественные права добросовестных граждан и хозяйствующих субъектов. Эта позиция основана на предшествующих решениях Конституционного Суда, в том числе его постановлении от 2 июля 2020 г. № 32-П[16], где было указано на недопустимость взыскания с физического лица недоимки по налогу в случае, когда она признана в законном порядке безнадежной к взысканию ввиду поведения налоговых органов, а решение о ее списании, равно как и невозможность ее взыскания, прямо не обусловлено противоправными действиями налогоплательщика.

В постановлении от 28 декабря 2022 г. № 59-П[17] Конституционный Суд констатировал применимость этого подхода

[16] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июля 2020 г. № 32-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 15 и статьи 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации, подпункта 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации и части первой статьи 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И. С. Машукова». – URL: http://publication.pravo.gov.ru/file/pdf?eoNumber=0001202007060016 (дата обращения: 01.03.2026).

[17] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 декабря 2022 г. № 59-П «По делу о проверке конституционности

и к субъектам, выступающим в интересах публичной власти и в то же время являющимся более сильной стороной гражданских правоотношений в силу предоставляемых особым статусом публичной организации возможностей, в том числе и к частноправовым организациям, которые созданы публичной властью для выполнения общественно значимых функций в сферах ее ведения и подконтрольны ей в вопросах принятия управленческих решений. Именно поэтому, подчеркнул КС РФ, такая организация, как АО «Почта России», имеющая квазипубличный статус и занимающая в некотором смысле привилегированное положение на рынке оказания услуг почтовой связи, связана в отношениях с частными лицами дополнительной ответственностью, выходящей за пределы того, что требовалось бы от обычного субъекта коммерческой деятельности (рядового участника коммерческих отношений).

Конституционный Суд Российской Федерации, таким образом, последовательно придерживается позиции, согласно которой пренебрежение обладателями публичных полномочий требованиями о разумности и осмотрительности, о внимательном отношении к интересам частных лиц не должно сказываться на правах таких лиц, а негативные последствия, возникшие в результате недобросовестного выполнения первыми своих функций (например, при избыточном формализме), не могут возлагаться на последних.

Из этого – применительно к таможенным правоотношениям – следует, что обязанность таможенного органа состоит не только в том, чтобы технически выявить те или иные расхождения (несоответствия) в предоставляемых для контроля

положений части первой статьи 19, статьи 21 Федерального закона “О почтовой связи” и пункта 2 статьи 62 Федерального закона “О связи” в связи с жалобой гражданина М. Д. Малинина». – URL: http://publication.pravo.gov.ru/file/pdf?eoNumber=0001202212290010 (дата обращения: 01.03.2026).

документах, но и в том, чтобы отграничить те из них, что могут образоваться при добросовестном выполнении хозяйствующим субъектом своих обязанностей, от тех, что дают основания для привлечения к ответственности.

Концептуальный взгляд на универсальность требования о добросовестном поведении, а также на возможные последствия его несоблюдения применительно к различным жизненным ситуациям получил дальнейшее развитие в целом ряде недавних постановлений Конституционного Суда. Так, им рассматривался вопрос о конституционности нормативных предписаний, на основании которых разрешается заявленное в защиту интересов Российской Федерации требование о признании отсутствующим у гражданина права на земельный участок, частично или полностью находящийся в границах особо охраняемой природной территории федерального значения либо земель лесного фонда, в том числе если при отчуждении таких участков органами публичной власти допущены различные нарушения. Признавая оспоренные положения не противоречащими Конституции, КС РФ в постановлении от 28 января 2025 г. № 3-П[18], среди прочего, подчеркнул необходимость всесторонней оценки добросовестности частных лиц – ответчиков по соответствующим искам органов прокуратуры.

Как указал Конституционный Суд, в такой ситуации ответчик имеет подлежащий защите интерес и законные ожидания, сопоставимые с интересом и ожиданиями добросовестного приобретателя, хотя признание за ним права собственности на

[18] Постановление Конституционного Суда РФ от 28.01.2025 № 3-П «По делу о проверке конституционности статей 12, 209 и 304 Гражданского кодекса Российской Федерации и части 5 статьи 1 Федерального закона “О государственной регистрации недвижимости” в связи с жалобами граждан Н. И. Гришиной, Н. З. Гулордавы и других». – URL: http://publication.pravo.gov.ru/file/pdf?eoNumber=0001202501290001 (дата обращения: 01.03.2026).

спорный земельный участок может и не предполагаться. Поэтому в случае удовлетворения иска и принятия решения о соответствующих последствиях для частного лица должен, наряду с другими, учитываться фактор добросовестности: если гражданин при приобретении такого земельного участка или права на него действовал добросовестно, то изъятие участка и его возвращение в публичную собственность в связи с нахождением в границах особо охраняемой природной территории федерального значения должно быть по общему правилу компенсировано.

При этом на оценку добросовестности влияет и поведение органов публичной власти. Так, в ситуации, когда предоставление гражданам земельного участка для личных нужд осуществлено органом публичной власти и для гражданина не могло быть очевидным какое-либо допущенное этим органом нарушение, это обстоятельство не должно с неизбежностью влечь вывод о недобросовестности гражданина.

В контексте рассматриваемой темы следует упомянуть и постановление от 26 декабря 2025 г. № 51-П[19]. В этом решении Конституционный Суд, среди прочего, подтвердил, что депутат представительного органа муниципального

[19] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2025 г. № 51-П «По делу о проверке конституционности статьи 10, частей 1, 2, 4–6 статьи 11, части 4-1 статьи 12-1 и пункта 1 части 1 статьи 13-1 Федерального закона “О противодействии коррупции”, части 10 статьи 29 Федерального закона “Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти”, а также части 1 статьи 34, статьи 35 и части 7-1 статьи 40 Федерального закона “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации” в связи с запросом Законодательного Собрания Челябинской области». – URL: http://publication.pravo.gov.ru/file/pdf?eoNumber=0001202512290070 (дата обращения: 01.03.2026).

образования не может избежать последствий несоблюдения требований по предотвращению или урегулированию конфликта интересов на том лишь основании, что у него нет права единолично принимать решения и (или) давать поручения другим депутатам, нет руководящей должности в представительном органе, его голос при коллективном принятии решения не имеет определяющего значения, а решение, в связи с которым определяется конфликт интересов, инициировано другим лицом. По смыслу данного постановления, наличие конфликта интересов или угрозы его возникновения требует добросовестного осуществления лицом, замещающим публично значимую должность, мер, максимально устраняющих влияние такого конфликта на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение им должностных (служебных) обязанностей (осуществление полномочий) без возможности апеллировать к основаниям, которые могут быть расценены не иначе как сугубо формальные.

Подводя итог, можно отметить, что практика Конституционного Суда не только констатирует распространение на органы публичной власти общего требования о добросовестном поведении, но и наполняет его содержанием применительно к различным ситуациям осуществления публичных функций. От органа публичной власти, в частности, ожидается учет контекста, особенностей конкретной ситуации, в которой реализуются его полномочия, принятие ответственности за ошибки или недочеты в своей деятельности (и тем более за недобросовестное поведение), последствия которых не должны негативно сказываться на положении частного лица, не говоря уже об активном предотвращении возможных злоупотреблений.

Представляется, что в практике Суда ЕАЭС реализуются *mutatis mutandis* (с поправкой на особенности правовой системы Союза) схожие подходы.

Так, в деле ТранспортейшнРус/Шиптрейд[20] оценивалось исполнение Комиссией ЕАЭС ранее принятого Судом Союза решения. Апелляционная палата Суда ЕАЭС указала, что такое исполнение не должно ограничиваться формальными корректировками путем замены одного акта другим. Дискреция Комиссии по выбору формы и способа исполнения решения Суда Союза ограничена Договором, в том числе положениями о компетенции Суда, и вступившими в законную силу решениями Суда по идентичным вопросам. В конкретных обстоятельствах дела, как указал Суд ЕАЭС, добросовестное исполнение Комиссией решения Суда предполагало исключение нормы, в отношении которой Суд установил ее противоречие праву ЕАЭС, из правовой системы Союза.

Заслуживающим внимания видится и дело ДХЛ Глобал Форвардинг[21], в решении по которому Апелляционная палата Суда ЕАЭС уточнила, что хозяйствующий субъект обладает законным интересом в надлежащем исполнении государствами-членами международных договоров, входящих в право Союза, и, как следствие, в осуществлении Комиссией ЕАЭС мониторинга и контроля исполнения таких договоров и решений Комиссии, а также в уведомлении государств-членов о необходимости их исполнения, при условии, что такие акты права Союза наделяют его соответствующими правами. При этом отмечено, что наличие законного интереса в осуществлении мониторинга не является тождественным законным ожиданиям в отношении его результатов. Соответственно, предполагается

[20] Решение Апелляционной палаты Суда ЕАЭС от 2 октября 2023 г. по делу С-1/23 ТранспортейшнРус/Шиптрейд. – URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/C-1.23/ (дата обращения: 01.03.2026).

[21] Решение Апелляционной палаты Суда ЕАЭС от 9 июня 2021 г. по делу С-4/21 ДХЛ Глобал Форвардинг. – URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/C-4.21/ (дата обращения: 01.03.2026).

добросовестная реализация Комиссией ЕАЭС своих полномочий.

Изложенное позволяет констатировать принципиальную совместимость подходов Суда Союза и Конституционного Суда к определению широкого содержания требования о добросовестности сторон правоотношения, притом что, учитывая международный характер и иные особенности права Союза, не исключаются и некоторые отличия. Представляется, что обращение к рассматриваемому, равно как и к другим общеправовым принципам, характерно и для других высших судов государств – участников ЕАЭС. В этом смысле одним из направлений деятельности Суда ЕАЭС может быть проработка на основе таких принципов некоторых общих стандартов, потенциально применимых участниками ЕАЭС, а также дальнейшее раскрытие их содержания[22].

[22] Автор выражает признательность сотрудникам Конституционного Суда Российской Федерации к. ю. н. П. Ю. Ултургашеву и к. ю. н. Е. А. Ефименко за содействие в подготовке публикации.

Т. Н. Нешатаева
судья Суда Евразийского экономического союза в отставке,
заведующий кафедрой международного права
Российского государственного университета правосудия

К вопросу о публичном порядке ЕАЭС

Правовой публичный порядок – понятие широко распространенное, но при этом научно не определенное: такое понятие не сформулировано в правовых актах и долгое время оспаривалось учеными. Тем не менее термин издавна встречается при применении оговорки о защите публичного порядка (public order) в судебных актах. Судебные акты не разграничивают публичный порядок и защиту публичного порядка. Однако это разные понятия: публичный порядок определен в нормах права, а оговорка о публичном порядке действует уже в отношении состоявшихся общественных отношений, чаще всего спорных, конфликтных правоотношений. Оговорка применяется судьями в виде запрета осуществлять действия, нарушающие публичный порядок.

Прежде всего отметим, что, во-первых, понятие «публичный порядок» относится к корпусу норм права (международного и национального), а оговорка о необходимости защиты публичного порядка (public order) применяется в случае вторжения в этот корпус инородного регулирования, не совпадающего с правилами о публичном порядке. Как правило, это происходит при оценке правоотношений: именно они проверяются на соответствие основным началам, изложенным в нормах-принципах правовой системы, как международной, так и национальной. И, во-вторых, оговорка предполагает запрет применения инородных правовых норм, нарушающих публичный порядок: такое исключение испокон веков проводилось судьями при

рассмотрении конкретного спора, где указывалось на необходимость применения конкретного правила. Судьи, анализируя правоотношение, могут отклонить это правило как противоречащее публичному порядку, его принципам.

Итак, корпус норм публичного порядка включает прежде всего принципы. Принципы правовой системы носят императивный характер и требуют соотносимости с ними всех остальных норм, применяемых к общественным отношениям.

Идея ученых-богословов и, позднее, светских исследователей, в том числе Гуго Гроция, о том, что общие принципы права в силу их естественного происхождения (из обычая) обладают верховенством над иными позитивными нормами, развиваясь длительное время, также нашла позитивное закрепление в ст. 53 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. через концепцию *jus cogens*: императивность принципов выражается в том, что любая позитивная норма, противоречащая принципу, является юридически недействительной. Суд ЕврАзЭС – ЕАЭС с первых решений делал отсылку к принципам права[1].

Правовую основу международного публичного порядка составляет корпус норм *jus cogens*, сложившихся обычным путем (выявлены практикой), имеющих императивный (сверхимперативный) характер действия. Однако основными нормами *jus cogens* публичный порядок в настоящее время не ограничивается. Так, к ним относят и другие обязательные нормы позитивного права (принципы Устава ООН, императивы национального права (антимонопольное, валютное регулирование)).

Стоит остановиться на такой нормативной категории, как сверхобязательные нормы в национальном праве. Иначе их еще называют нормами непосредственного применения,

---

[1] Например, дело Суда ЕврАзЭС № 1-7/1-2012 по заявлению ОАО «Угольная компания “Южный Кузбасс”».

сверхимперативными, обязательными, вторгающимися нормами, преобладающими нормами, нормами полицейского права и пр. – особая группа материально-правовых норм[2], которые применяются в том числе к отношениям с иностранным элементом в рамках национальных правовых систем. Эти нормы не относятся к *jus cogens*, но также обладают императивностью в силу наделения их такими свойствами в нормативных актах национального позитивного права.

Особые нормы строго обязательного характера являются продуктом государственной правотворческой деятельности, по своей природе являясь позитивными правовыми предписаниями. И это отличает их от норм *jus cogens*, которые, по нашему мнению, все же находятся за пределами согласия и волеизъявления государств, тем самым имея естественно-правовое происхождение и существуя иерархически выше, чем сверхимперативные нормы.

При этом сверхобязательные нормы могут со временем включаться в международное право и содержаться в договорах: к ним, по нашему мнению, относятся принципы защиты прав человека, права наций на самоопределение, невмешательство, международное сотрудничество, нерушимость границ, территориальная целостность и др., содержащиеся в настоящее время в Уставе и иных документах ООН. Такие нормы проникают в международное право из национального права, его политических и научных концепций. Возможно, некоторые из них со временем приобретут характер *jus cogens*.

Таким образом, сверхобязательные позитивные нормы расширяют список императивных норм в международных актах и, следовательно, более четко очерчивают границы международного публичного порядка, что впоследствии влияет на объем

---

[2] Засемкова, О. Ф. Сверхимперативные нормы: теория и практика / О. Ф. Засемкова. – М. : Инфотропик Медиа, 2018.

национального публичного порядка, также имеющего тенденцию к универсализации.

Международный публичный порядок состоит из двух частей: статичной (нормы *jus cogens* естественно-правового происхождения) и динамичной (обязательные императивы универсального и регионального международного права, а также сверхобязательные законы национального права). Особо отметим, что лишь корпус *jus cogens* является постоянной основой универсального публичного порядка всех государств, составляющих мировое сообщество, человеческую цивилизацию в правовом смысле. Только эти нормы признаются всеми или почти всеми государствами мира. Постепенно этот корпус может пополняться и за счет сверхобязательных позитивных норм. Например, к *jus cogens* Международный Суд ООН отнес принцип самоопределения, многие ученые причисляют к ним и принцип защиты прав человека[3].

Однако в настоящее время международное сообщество развивается не только как универсальное сообщество независимых государств, но и как сообщество региональных объединений государств – международных организаций, одной из которых является ЕАЭС.

Возможно ли существование публичного порядка не только универсально-международного, но и регионально-международного и будет ли он отличаться от общего международного публичного порядка и национального публичного порядка? Этот вопрос прежде всего следует отнести к правопорядку ЕАЭС.

---

[3] См., например, Нуссбергер, А. Независимость судебной власти и верховенство права в практике Европейского суда по правам человека / А. Нуссбергер // Сравнительное конституционное обозрение. – 2016. – № 2 (111). – С. 142–151.

Об источниках права применительно к решениям Суда ЕАЭС

Статья 6 Договора о ЕАЭС достаточно ясно излагает основу права Союза. В ней закреплено, что право ЕАЭС составляют: Договор; международные договоры в рамках Союза; международные договоры Союза с третьей стороной; решения и распоряжения Высшего Евразийского экономического совета, Евразийского межправительственного совета и Евразийской экономической комиссии, принятые в рамках их полномочий, предусмотренных Договором и международными договорами в рамках Союза. Однако п. 50 Статута Суда ЕАЭС значительно расширяет список источников права, которые Суд применяет при осуществлении правосудия: общепризнанные принципы и нормы международного права; Договор о ЕАЭС, международные договоры в рамках Союза и иные международные договоры, участниками которых являются государства – стороны спора; решения и распоряжения органов Союза; международный обычай как доказательство всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы.

Таким образом, Суду ЕАЭС предстояло разобраться со всеми видами источников международного права. Наиболее востребованным в судебной практике оказался такой источник, как общепризнанные (общие) принципы права[4]. Следовательно, Суду следовало определить корпус норм, составляющих публичный порядок ЕАЭС.

В настоящее время принципы международного права обозначаются как общепризнанные всеми или почти всеми государствами мира (ст. 53 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.).

---

[4] Нешатаева, Т. Н. Общие принципы права и практика Суда Евразийского экономического союза / Т. Н. Нешатаева // Журнал конституционного правосудия. – 2022. – № 4 (88). – С. 27–38.

Не менее важным оказался для Суда вопрос о том, какова функция принципов права в условиях развитого нормативного регулирования. В доктрине по этому вопросу существуют различные воззрения. Например, широко распространено мнение, что общие принципы права регулируют пробельные отношения, т. е. действуют, когда обнаруживается правовая лакуна, пробел в праве[5]. В этом случае принципы служат прямым источником прав и обязанностей, и судья, обнаруживший пробел, во избежание неясности, неурегулированности (*non liquet*) должен извлечь регулирование из принципа[6].

Однако более важной регулирующей функцией общих общепризнанных принципов права, учитывая их императивный характер (*jus cogens*)[7], считается то, что они служат средством толкования всех иных норм правовой системы[8].

Например, исследовательская группа по фрагментации международного права пришла к выводу, что международные договоры действуют в качестве *lex specialis* и *lex posterior* относительно обычной нормы, в том числе общего принципа права (происхождение из обычая)[9]. В первую очередь применяются нормы договора. Необходимость обращаться к международному обычному

---

[5] См. Лихачев, В. Н. Пробелы в современном международном праве / В. Н. Лихачев. – Казань, 1985.

[6] См. Bogdan, M. General principles of law and problem of lacunae / M. Bogdan // Nordic Journal of International Law. – 1977. – Vol. 46. – P. 35–37.

[7] См. Первый доклад об общих принципах права, подготовленный Специальным докладчиком Марсело Васкес-Бермудесом. Комиссия международного права. A/CN.4/732. – 5 April 2019, A/CN.4/732. – P. 21.

[8] См. Raimondo, F. O. General principles of law in the decisions of international criminal courts and tribunals / F. O. Raimondo. – Leiden, 2008. – P. 7.

[9] См. Доклад исследовательской группы «Фрагментация международного права: трудности, обусловленные диверсификацией и расширением сферы охвата международного права». Окончательно подготовлен

праву и общим принципам права как по вопросам, которые не урегулированы в договоре, так и для целей толкования в соответствии со ст. 31 Венской конвенции возникает не так часто по причине развития системы позитивных норм. Однако они необходимы для преодоления правовой неопределенности в случае ущербности, неясности позитивных норм. Именно императивность общих принципов права делает их непосредственно применимыми к толкованию международных договоров в случаях, при которых: а) договорная норма неясна и допускает разночтения; б) употребляемые в договоре термины имеют общепризнанное значение в международном обычном праве; в) в договоре ничего не сказано о применимом праве, и, следовательно, необходимо обратиться к иным отраслям права; г) в договоре содержится прямая отсылка к национальному регулированию и т. д.

Последний случай особенно важен, так как императивность принципа не позволяет истолковать взаимосвязь универсальной международной и региональной международной нормы вне контекста целей договора, несправедливо или недобросовестно. Правило о добросовестном соблюдении договора означает, что ссылка на нормы общего, основополагающего характера приводит к тому, что, несмотря на определенную степень их абстракции, в каждой конкретной ситуации они лежат в основе определенных правил и воплощают важнейшие ценности общества (человечества в целом). Иными словами, любая иная норма (правило) вне связи с содержанием принципа или при противоречии с ним становится чуждой современной правовой системе в целом.

Отсюда общие принципы права в силу своего происхождения и исходя из смысла подп. «с» п. 1 ст. 38 Статута Международного Суда ООН являются универсально применимыми, имеющими общие характеристики и для универсальных правовых

М. Коскенниеми / Комиссия международного права ООН. – 13 апреля 2006 г. A/CN.4/L.682/Add.1.

систем, и для регионального права. Особо значимая функция этих норм по преодолению пробелов в праве (заполнению лакун) предполагает, что они могут использоваться в этом качестве в международном праве, ибо принципы являются исторически сформировавшимся общим началом (фундаментом, основанием) всех правовых систем.

Исходя из этих теоретических подходов, Суд ЕАЭС неоднократно обращался к применению общих (общепризнанных) принципов права в своих судебных решениях.

В актах Суда неоднократно делались ссылки на принципы *pacta sunt servanda*, справедливой соразмерности, юридического и суверенного равенства, добросовестности (*bona fides* – составная часть *pacta sunt servanda*) и др.[10]

Наиболее востребованным в практике Суда ЕАЭС оказался принцип добросовестности, который нередко использовался в аргументации при обнаружении конфликта интересов спорящих сторон.

---

[10] См. консультативные заключения Суда ЕАЭС от 20 декабря 2018 г. по делу № Р-5/18 (*дело о пенсионном обеспечении должностных лиц органов Союза*), от 10 июля 2018 г. по делу № Р-1/18 (*дело о решениях КТС*), от 15 октября 2018 г. по делу № Р-2/18 (*дело о декларировании денежных средств*) и от 11 декабря 2017 г. по делу № Р-5/17 (*дело Адилова*); постановление Суда ЕврАзЭС от 8 апреля 2013 г. по делу № 1-7/1-2013 (*«Угольная компания "Южный Кузбасс"»*); решения Суда ЕврАзЭС от 1 ноября 2013 г. по делу № 2-4/1-2014 (*«СеверАвтоПрокат»*) и от 29 декабря 2014 г. по делу № 2-4/8-2014 (*«ФЛЕКС-Н-РОЛЛ»*); консультативное заключение Экономического Суда СНГ от 26 апреля 2014 г. № 01-1/4-13; особые мнения судьи Т. Н. Нешатаевой к постановлению Суда ЕАЭС от 8 апреля 2016 г. по делу № С-1/16 (*дело Ремдизель*) и к решению Суда ЕАЭС от 21 февраля 2017 г. по делу № С-2/16 (*дело о калининградском транзите*); решение Суда ЕАЭС от 11 октября 2018 г. по делу № С-1/18 (*дело Ойл Марин Групп*); постановление Суда ЕАЭС от 17 апреля 2017 г. по делу № С-1/17 (*дело Брянксельмаш*).

Если конфликт интересов – это формула «личное против публичного», «недопустимо пересечение личного и функционального интереса», то добросовестность – скорее «личное против личного», «никогда не веди себя с другими людьми так, как ты не хочешь, чтобы поступали с тобой», «поступай со всеми так, как ты считаешь достойно тебя». Отказ от добросовестного поведения запрещен, но нарушения древнего постулата *bona fides* на практике встречаются постоянно, что позволяет сформулировать основания для запрета недобросовестных решений, как исполнительских, так и судебных, наиболее важные из которых следующие: запрет формализма, обмана, халатности, хитрости, ошибок и т. д.[11]

Кроме того, на основе общих принципов права вырабатывались подходы Суда к решению проблем мягкого права (soft law)[12], действия специального закона[13], международного обычая, внутреннего права международной организации[14] и т. д.

Опыт Суда ЕврАзЭС/ЕАЭС: положительные моменты

Вынесенные Судом ЕАЭС решения и консультативные заключения (более 100 за 12 лет) оказывают непосредственное

---

[11] См. Нешатаева, Т. Н. Об общих принципах права и судебном толковании / Т. Н. Нешатаева // Журнал российского права. – 2023. – Т. 27, № 3.

[12] См. решение Коллегии Суда ЕврАзЭС от 20 мая 2014 г. по делу № 2-4/7-2014 (*ООО «Забайкалресурс» и ООО «Ника»*).

[13] См. решение Коллегии Суда ЕврАзЭС от 24 июня 2013 г. по делу № 1-7/2-2013 (*ПАО «Новокраматорский машиностроительный завод»*).

[14] См. консультативные заключения Суда ЕАЭС от 3 июня 2016 г. по делу № Р-1/16 (*дело об аттестации сотрудников ЕЭК*), от 12 сентября 2017 г. по делу № Р-2/17 (*дело о сокращении штата*), от 11 декабря 2017 г. по делу № Р-5/17 (*дело Адилова*), от 20 декабря 2018 г. по делу № Р-5/18 (*дело о пенсионном обеспечении должностных лиц органов Союза*), от 21 марта 2022 г. по делу № Р-3/21 (*дело о международных служащих*).

воздействие на экономику и общественные отношения всех государств – членов Союза.

В Суде ЕАЭС было несколько дел, по результатам рассмотрения которых были вынесены консультативные заключения и решения о том, что национальные законы и подходы государств-членов не могут противоречить праву ЕАЭС[15].

Благодаря межгосударственному спору «Российская Федерация против Республики Беларусь»[16], запросам о консультативном заключении от Комиссии[17] и Республики Казахстан[18] Суд определил содержание понятия «внутренний рынок товаров», а также пределы дискреции государств-членов в регулировании общественных отношений на своих территориях. Так, в межгосударственном споре Суд решил, что в ходе движения товаров из Калининграда (российского анклава) на территорию материковой части России таможенные органы Беларуси не вправе проверять решения российских таможенных властей. Впоследствии правовая позиция Суда получила закрепление в обновленном Таможенном кодексе ЕАЭС.

Суд ЕАЭС также разрешил вопрос свободного движения рабочей силы применительно к армянским спортсменам в России

---

[15] См. решение Конституционного Суда Республики Беларусь от 28 декабря 2017 г. № РБ Р-1117.

[16] См. решение Большой коллегии Суда ЕАЭС от 21 февраля 2017 г. по делу № С-2/16 *Дело о калининградском транзите*. – URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/C-2.16/ (дата обращения: 01.12.2025).

[17] См. консультативное заключение Большой коллегии Суда ЕАЭС от 30 октября 2017 г. по делу № Р-3/17 *Дело о свободном движении товаров*. – URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-3.17/ (дата обращения: 01.12.2025).

[18] См. консультативное заключение Большой коллегии Суда ЕАЭС от 15 октября 2018 г. по делу № Р-2/18 *Дело о декларировании денежных средств*. – URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-2.18/ (дата обращения: 01.12.2025).

и решил, что граждане государств – членов Союза должны иметь равные права по вопросу участия в спортивных соревнованиях в профессиональных спортивных клубах Союза (отмена лимита на легионеров)[19]. Соответствующее российское регулирование, не предусматривающее такой возможности, было изменено[20].

Суд активно разрешал вопросы антимонопольного права. В частности, разъяснено, что за одно и то же правонарушение нельзя привлекать к ответственности в государстве – члене ЕАЭС и на наднациональном уровне[21]; группа лиц (т. е. единый хозяйствующий субъект) может действовать на трансграничном рынке, но при этом должны соблюдаться требования конкурентного права Союза[22].

Таким образом Суд ЕАЭС закладывает основы формирования публичного порядка ЕАЭС. При этом особую сложность составляют дела, требующие применения корпуса норм

---

[19] См. консультативное заключение Большой коллегии Суда ЕАЭС от 7 декабря 2018 г. по делу № Р-3/18 *Дело о профессиональных спортсменах*. – URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-3.18/ (дата обращения: 01.12.2025).

[20] См., например, О внесении изменения в Приказ Минспорта России от 3 сентября 2015 г. № 859 «Об утверждении ограничений на участие спортсменов, не имеющих права выступать за спортивные сборные команды Российской Федерации, во всероссийских спортивных соревнованиях по виду спорта “хоккей на траве”» : приказ Минспорта России от 3 декабря 2019 г. № 1023.

[21] См. консультативное заключение Большой коллегии Суда ЕАЭС от 18 июня 2019 г. по делу № Р-1/19 *Дело о non bis in idem*. – URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-1.19/ (дата обращения: 01.12.2025).

[22] Решения Апелляционной палаты Суда ЕАЭС от 6 ноября 2020 г. по делу № С-3/19 (*дело Дельрус I*), от 18 октября 2021 г. по делу № С-3/21 (*дело Дельрус II*).

публичного порядка ЕАЭС в качестве оценки норм иностранного законодательства[23] и запрета действия последних в целях защиты общего порядка (оговорка public order).

Однако защита норм *jus cogens* и сверхобязательных норм – вопрос для Суда всегда особо сложный и даже болезненный. Например, до вступления России в Таможенный союз правом Российской Федерации иностранным инвесторам при ввозе имущества в качестве оборудования в уставный капитал совместных предприятий предоставлялись таможенные преференции, при этом ограничений права пользования этим имуществом после его ввоза не было. Вступившие в силу с 1 июля 2010 г. нормы права Таможенного союза ввели ограничения в виде запрета передачи имущества в аренду, выхода иностранного инвестора из состава учредителей предприятия. Таможенные органы распространили новый режим на прежние отношения и взыскали таможенные платежи. Последовал ряд обращений в арбитражные суды Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации, а также в наднациональный Суд ЕАЭС. Разрешил спорную ситуацию Верховный Суд Российской Федерации, вставший на защиту фундаментальных ценностей публичного порядка России – разумных ожиданий участников экономического оборота и запрета наделять обратной силой правовые нормы, ухудшающие положение лиц[24].

В Суде ЕАЭС вопрос в отношении публичного порядка ЕАЭС как интеграционного объединения общее решение получил не сразу, что следует из особого мнения судьи Суда ЕАЭС

---

[23] См. особое мнение судьи Суда ЕАЭС Т. Н. Нешатаевой от 12 октября 2022 г. по делу № Р-2/22 *Дело о косвенных налогах*. – URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-2.22/ (дата обращения: 01.12.2025).

[24] Определения Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 21 июля 2015 г. № 305-КГ15-2443, от 8 сентября 2015 г. № 308-КГ15-2483; от 30 сентября 2015 г. № 302-КГ15-2428.

от 12 октября 2022 г. по делу № Р-2/22, в котором рассматривался вопрос обложения косвенными налогами импорта товаров на территорию одного государства – члена ЕАЭС с территории другого государства – члена ЕАЭС, если передача происходит в пределах одного юридического лица для дальнейшей реализации таких товаров. Суд в своем консультативном заключении на поставленный вопрос о необходимости налогообложения такой компании ответил отрицательно: регистрация в стране ЕАЭС рассматривалась как основание для присвоения такой компании личного закона страны ЕАЭС.

В особом мнении указывалось, что вопрос требовал более глубокого изучения, и Суду следовало бы рассмотреть вопросы снятия корпоративной вуали и установить, что компания, которая была в центре спора, является частью транснациональной корпорации. В связи с этим отмечается, что к таким юридическим лицам нельзя применять правовые стандарты обращения (в том числе налоговые льготы), которыми пользуются юридические лица государств – членов ЕАЭС. Указанное дело можно считать исключительно важным «для формирования будущего правопорядка (public order) ЕАЭС – учитывающего как международное публичное, так и международное частное право, а также ту их часть, которая относится к правоотношениям с участием транснациональных корпораций», ибо право ЕАЭС не предусматривает такой возможности.

В особом мнении по другому делу от 22 ноября 2022 г., по делу № Р-4/22, в котором рассматривался вопрос средств обеспечения государственных закупок, уже отмечается, что существует публичный порядок как государства – члена ЕАЭС, так и Союза в целом согласно ст. 29 Договора о ЕАЭС. При этом отмечается, что возможны три вида публичного порядка (универсально-международный, регионально-интеграционный, национальный), и указывается, что публичный порядок предполагает соблюдение запретов, установленных «международными

принципами и договорами для ограничения свобод в целях поддержания правопорядка в целом». Судья далее приводит примеры проявления публичного порядка в международном публичном праве («запрет рабства, пиратства, геноцида, апартеида и иного в международном публичном праве») и в международном частном праве («запрет скрытия личного закона иностранного юридического лица, безвозмездного пользования чужими денежными средствами в предпринимательских отношениях», запрет коррупции и иное); указывает, что все эти элементы заложены в ст. 29 Договора о ЕАЭС. Однако консультативное заключение Суда ЕАЭС по этому делу такие доводы не отразило.

Изменилась ситуация в отношении определения границ публичного порядка ЕАЭС в деле 2024 г. № Р-5/24 о границах общего рынка транспортных услуг на воздушном транспорте (речь шла о запрете на полеты в Казахстан самолетов Boeing, которые эксплуатирует «Белавиа», в связи с риском введения вторичных санкций США). Суд ЕАЭС указал, что с учетом компетенции Суда и материалов дела ему невозможно дать оценку «степени реализации создания общего рынка транспортных услуг на воздушном транспорте», а также деятельности Евразийской экономической комиссии по обеспечению формирования общего рынка транспортных услуг. При этом было упомянуто право государства-члена предпринимать любые действия, которые оно считает необходимыми для защиты важнейших интересов его безопасности (п. 6 ст. 65 Договора о ЕАЭС). Но тем не менее в консультативном заключении просматривается намерение Суда считать сотрудничество в этом вопросе необходимой функцией государств – членов ЕАЭС и предположение, что реализация принципа сотрудничества составляет публичный порядок ЕАЭС.

Однако в особых мнениях судей по этому делу прослеживается мысль: отсутствуют даже основания для рассмотрения вопросов, поставленных в заявлении Республики Беларусь, на

уровне ЕАЭС. Все вопросы следует относить к национальному публичному порядку государств-членов. Иными словами, судьи посчитали, что публичный порядок ЕАЭС в этом вопросе не подлежит оформлению.

1. Так, судья от Республики Казахстан Е. Ж. Исмаилов указал, что общий рынок транспортных услуг, в том числе воздушного транспорта, находится только в стадии формирования, и регламентация полетов воздушных судов государств-членов исключена из права ЕАЭС[25].

2. Судья от Республики Казахстан А. Б. Кишкембаев, не оспаривая выводы Суда ЕАЭС о наличии компетенции Евразийской экономической комиссии в отношении транспортной политики, с опорой как на международные договоры (Конвенция о международной гражданской авиации 1944 г.), так и на право ЕАЭС (Протокол о скоординированной (согласованной) транспортной политике (приложение № 24 к Договору о ЕАЭС)) все же указал, что государства – члены ЕАЭС имеют суверенное право действовать в области полетов воздушных судов по своему усмотрению и в соответствии с национальным законом. По заключению судьи, деятельность государств – членов ЕАЭС в области перевозок воздушным транспортом правом ЕАЭС не урегулирована – она отнесена к области национального и двустороннего межгосударственного регулирования[26].

3. К близким выводам приходит и судья от Республики Армения Э. В. Айриян, занимая еще более жесткую позицию. По ее мнению, право ЕАЭС не применяется к рассматриваемым

---

[25] Особое мнение судьи Исмаилова Е. Ж. к консультативному заключению Суда ЕАЭС от 7 апреля 2025 г. по делу № Р-5/24. – URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-5.24/ (дата обращения: 01.12.2025).

[26] Особое мнение судьи Кишкембаева А. Б. к консультативному заключению Суда ЕАЭС от 7 апреля 2025 г. по делу № Р-5/24. – URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-5.24/ (дата обращения: 01.12.2025).

правоотношениям, Евразийская экономическая комиссия не уполномочена рассматривать вопросы в связи с введением членом ЕАЭС запретов (ограничений) в области перевозок воздушным транспортом (это область регулирования двусторонних международных договоров государств и национального законодательства), в связи с чем Суд ЕАЭС не уполномочен предоставить запрашиваемое консультативное заключение, поскольку вопросы не относятся к праву ЕАЭС[27].

Таким образом, указанное дело иллюстрирует важность для государств в составе Союза предпринимать меры для защиты собственных интересов и суверенитета, несмотря на интеграционные процессы, идущие в ущерб им (т. е. судьи настаивали на постулировании приоритета национального публичного порядка над порядком ЕАЭС). Право интеграционного союза не может распространяться на те сферы регулирования, которые четко не отнесены к его компетенции соглашением государств, или вопрос носит пограничный характер. И в этом случае судьи устанавливали приоритет национального публичного порядка. Между тем необходимость формирования четких границ публичного порядка ЕАЭС также является насущной задачей, ибо без такого порядка структура ЕАЭС вряд ли обретет устойчивость и перспективы развития. Основой формирования публичного порядка ЕАЭС можно считать принципы формирования ЕАЭС (преамбула и ст. 3 Договора о ЕАЭС): сотрудничество во благо граждан государств-членов, свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы в рамках единого экономического (сегодня в части и социального) пространства ЕАЭС. Таким образом, публичный порядок ЕАЭС в настоящее время могут составить общие (общепризнанные) принципы

[27] Особое мнение судьи Айриян Э. В. к консультативному заключению Суда ЕАЭС от 7 апреля 2025 г. по делу № Р-5/24. – URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-5.24/ (дата обращения: 01.12.2025).

международного права и сверхобязательные нормы (принципы) права ЕАЭС в их истолковании Судом ЕАЭС. Защитным механизмом для публичного порядка ЕАЭС может служить международный обычай public order – оговорка о защите публичного порядка ЕАЭС. В ходе формирования такого порядка возможен учет (введение) сверхобязательных правил, известных национальным публичным порядкам государств – членов ЕАЭС. Несмотря на то, что границы публичного порядка ЕАЭС определены в настоящее время в общих чертах с упором на нормы *jus cogens*, Суд ЕАЭС также использовал и сверхобязательные нормы по защите конкуренции, общего рынка, движения товаров и рабочей силы, запрету двойных санкций, известные публичным порядкам государств-членов, однако четкого применения защитной оговорки о запрете public order (в защиту собственного публичного порядка) в судебных решениях еще не прозвучало.

А. В. Петренко
старший исследователь по международному публичному праву Центра международных и сравнительно-правовых исследований;
доцент департамента международного права факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Значение международного права и системной интеграции для развития права ЕАЭС в свете дела «О самолетах»

В апреле 2025 г. Суд ЕАЭС (далее – Суд) вынес консультативное заключение по так называемому делу «О самолетах»[1]. Это одно из наиболее ожидаемых решений Суда за последнее время, поскольку его фактология и контекст связаны с односторонними ограничительными мерами и их действием в праве ЕАЭС. Поводом для обращения в Суд послужили ограничения одного союзного государства (Республики Казахстан), принятые в связи с ограничительными мерами третьего государства (США) применительно к воздушным перевозкам авиакомпании из другого союзного государства (Республики Беларусь)[2].

---

[1] Консультативное заключение Суда ЕАЭС от 7 апреля 2025 г. по делу Р-5/24 о регулировании сферы услуг воздушного транспорта в ЕАЭС. – URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-5.24/ (дата обращения: 10.03.2026).

[2] Войников, В. В. Консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза от 7 апреля 2025 года: проблема соотношения правил о свободе предоставляемых услуг и норм международного воздушного права / В. В. Войников // Московский журнал международного права. – 2025. – № 4. – С. 99–101. См. также Войников, В. В. Первым делом – самолеты / В. В. Войников // Российский совет по международным делам. 26 мая 2025 г. –

В результате Суд разъяснил положения союзного права в сфере услуг воздушного транспорта, оставив без пояснений более широкий контекст данного дела (что, в частности, связано с тем, как был сформулирован запрос со стороны заявителя – Министерства юстиции Республики Беларусь).

В рамках настоящей статьи интерес представляет вопрос о том, какую роль в данном консультативном заключении сыграли источники международного публичного права, не относящиеся к праву Союза в смысле ст. 6 Договора о ЕАЭС с учетом разъяснений Суда (далее – внешнее международное право). Так, Суд указал, что авиасообщение и полеты воздушных судов внутри ЕАЭС, помимо национального законодательства, регулируются двусторонними соглашениями в области гражданской авиации, заключенными между его государствами-членами[3]. Право Союза, по его мнению, также регулирует отдельные вопросы авиаперевозок. Кроме того, Суд признал наличие у Евразийской экономической комиссии полномочий в данной сфере, например, по контролю и мониторингу исполнения

URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/pervym-delom-samolety/ (дата обращения: 10.03.2026); Исполинов, А. С. Пролетая над гнездом кукушки : консультативное заключение Суда ЕАЭС по самолетам / А. С. Исполинов // Закон.ру. 25 апреля 2025 г. – URL: https://zakon.ru/blog/2025/04/25/proletaya_nad_gnezdom_kukushki_konsultativnoe_zaklyuchenie_suda_eaes_po_samolyotam (дата обращения: 10.03.2026).

[3] Об особенностях регулирования соответствующих правоотношений в рамках международного воздушного права, включая между странами ЕАЭС, см. Баталов, А. А. Проблемы регионального сотрудничества государств в международном воздушном праве : дис. ... д-ра юрид. наук / Баталов Александр Александрович. – М., 2025.

соответствующих положений права Союза государствами-членами[4]. Таким образом, Суд признал применимость союзного права к соответствующим правоотношениям, однако не определил особенности взаимодействия двух правовых режимов (права ЕАЭС и указанных двусторонних соглашений в области гражданской авиации как составной части международного воздушного права). При этом трое судей пришли к иному выводу относительно применимости союзного права: на их взгляд, упомянутые двусторонние соглашения в принципе исключают передачу соответствующих компетенций на наднациональный уровень[5].

Данное консультативное заключение дает повод задуматься о более системных аспектах функционирования союзного права, выходящих за пределы непосредственно затронутых в нем проблем, а именно о вопросе взаимоотношения права ЕАЭС, с одной стороны, и внешнего международного права – с другой. Иными словами, как соотносятся две области международного права, когда одной из таких областей выступает союзное право? Речь идет не только о международном воздушном праве: существуют и другие релевантные правовые режимы с потенциалом взаимодействия с правом Союза. Наиболее известным

---

[4] Консультативное заключение Суда ЕАЭС от 7 апреля 2025 г. по делу Р-5/24 о регулировании сферы услуг воздушного транспорта в ЕАЭС. – URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-5.24/ (дата обращения: 10.03.2026). П. 14.2.

[5] См. Особые мнения судей Э. В. Айриян, Е. Ж. Исмаилова, А. Б. Кишкембаева к консультативному заключению Суда ЕАЭС от 7 апреля 2025 г. по делу Р-5/24 о регулировании сферы услуг воздушного транспорта в ЕАЭС. – URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-5.24/ (дата обращения: 10.03.2026). П. 5, 1 и 6 соответственно.

примером такого правового режима является право Всемирной торговой организации (далее – ВТО)[6].

По существу, все эти вопросы касаются значения внешнего международного права для функционирования и развития права Союза в целом. Такие источники международного права нередко применяются Судом. Так, он «обращался к нормам международного трудового права[7], праву ВТО[8], практике ЕСПЧ[9] и Суда ЕС[10]… а также к праву международных договоров[11] и общим принципам права[12]», поскольку того требовало существо

---

[6] Боклан, Д. С. Евразийский экономический союз и Всемирная торговая организация: соотношение правовых режимов / Д. С. Боклан // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2017. – № 2. – С. 223–236; Смирнова, А. А. Право ВТО в Евразийском экономическом союзе: в поисках баланса интересов и автономии / А. А. Смирнова // Право ВТО. – 2015. – № 1. – С. 15–30.

[7] Консультативное заключение Суда ЕАЭС от 12 сентября 2017 г. по делу Р-2/17 о сокращении штата. – URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-2.17/ (дата обращения: 10.03.2026). Раздел IV.

[8] Консультативное заключение Суда ЕАЭС от 23 ноября 2021 г. по делу Р-2/21 о промышленной политике. – URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-2.21/ (дата обращения: 10.03.2026). Раздел II.

[9] Решение Суда ЕАЭС от 26 марта 2020 г. по делу С-2/19 Транс Логистик Консалт. – URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/C-2.19/ (дата обращения: 10.03.2026). П. 12.

[10] Консультативное заключение Суда ЕАЭС от 3 июня 2016 г. по делу Р-1/16 об аттестации сотрудников ЕЭК. – URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-1.16/ (дата обращения: 10.03.2026). П. 12.

[11] Консультативное заключение Суда ЕАЭС от 22 ноября 2022 г. по делу Р-4/22 о способах обеспечения заявок в рамках государственных закупок. – URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/r-4.22/ (дата обращения: 10.03.2026). Раздел III.

[12] Консультативное заключение Суда ЕАЭС от 20 декабря 2018 г. по делу Р-5/18 о пенсионном обеспечении должностных лиц органов Союза. – URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-5.18/ (дата обращения: 10.03.2026). Раздел III.

соответствующих правовых вопросов[13]. Обращение к таким источникам допускается, поскольку они относятся к кругу применимого Судом права согласно его Статуту[14]. В ряде случаев это происходило еще и в силу того, что отдельные положения права Союза отсылают к таким внешним источникам. Относительно недавно Суд рассмотрел такую ситуацию в деле по заявлению ООО «ПОРШЕ РУССЛАНД». В этом деле он применил статью VII Генерального соглашения по тарифам и торговле (далее – ГАТТ), поскольку правовой основой спора был, среди прочего, п. 17 с. 38 Таможенного кодекса ЕАЭС, который отсылает к упомянутому положению соглашений ВТО[15].

Таким образом, вопрос обращения к внешнему международному праву и его применения внутри Союза носит не теоретический, а прикладной характер. Однако соответствующий инструментарий еще только формируется. Как представляется, одним из его элементов должен стать принцип системной интеграции, применение которого в контексте права ЕАЭС, насколько известно, еще не было разъяснено Судом. Попытке определить его возможное значение в контексте права ЕАЭС и посвящена настоящая статья.

Системная интеграция в международном праве

В узком смысле системная интеграция – это метод толкования международных договоров, требующий учитывать «любые соответствующие нормы международного права, применяемые

---

[13] Суд Евразийского экономического союза: требования к судьям, отбор и прекращение полномочий // Центр международных и сравнительно-правовых исследований. – 2023. – URL: https://iclrc.ru/ru/publications/86 (дата обращения: 10.03.2026). П. 39.

[14] Статут Суда ЕАЭС, п. 50.

[15] См. Дело Суда ЕАЭС С-10/24 ПОРШЕ РУССЛАНД. – URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/C-10.24/ (дата обращения: 10.03.2026).

в отношениях между [их] участниками»[16]. Это следует как из Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., так и из международного обычного права[17]. Вопрос взаимодействия источников международного права из его разных областей также был прокомментирован Комиссией международного права в рамках ее работы по теме фрагментации международного права[18].

В более широком смысле (хотя, по сути, речь идет о том же) системная интеграция представляет собой **механизм согласования норм, содержащихся в различных областях международного права, – для разрешения проблем и вопросов, которые могут возникать в случае их конфликта или взаимодействия (например, в случае применения к одним и тем же ситуациям)**. Такой подход строится, помимо прочего, на понимании того, что международное право представляет собой систему и что государства, выражая согласие на обязательность международного договора, не могут не учитывать свои иные обязательства. В силу презумпции добросовестности следует исходить из того, что у них нет намерения противоречить другим применимым нормам международного права. Более того, государства выразили согласие с этим правилом,

---

[16] Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г., ст. 31 (3) (c).

[17] См., например, ICJ. Legality of Use of Force (Serbia and Montenegro v. Belgium). Preliminary Objections. Judgment. – URL: https://www.icj-cij.org/case/105/judgments (дата обращения: 10.03.2026). Para. 100.

[18] ILC. Conclusions of the work of the Study Group on the Fragmentation of International Law: Difficulties arising from the Diversification and Expansion of International Law. 2006. – URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/draft_articles/1_9_2006.pdf (дата обращения: 10.03.2026). Paras 17–23.

присоединившись к Венской конвенции[19]. В этот список входят и союзные государства.

Пожалуй, наиболее свежим и убедительным примером применения системной интеграции в широком смысле является недавнее консультативное заключение Международного Суда по вопросам изменения климата. Международный Суд продемонстрировал, как источники климатического права, например Парижское соглашение, могут влиять на содержание источников, относящихся к, казалось бы, совершенно иным областям международного права, таким как морское право или право прав человека (и наоборот)[20].

Системная интеграция и право ЕАЭС

Принцип системной интеграции может быть применим как минимум в двух ситуациях, в каждой из которых обращение к нему может усилить аргументацию в пользу того или иного подхода к толкованию и применению права ЕАЭС.

Во-первых, с ее помощью можно более эффективно разрешать ситуации потенциальных конфликтов между правом ЕАЭС и другими областями международного права, что позволит обеспечить их согласованное функционирование. Именно такая ситуация, в общих чертах, лежит в основе дела «О самолетах» в той его части, где был, по сути, поставлен вопрос о возможном пересечении двух правовых

---

[19] McLachlan, C. The Principle of Systemic Integration in International Law / C. McLachlan. – Oxford University Press, 2024. – P. 3, 5, 11; Dörr, O. Article 31, in: Dörr/Schmalenbach (eds.), Vienna Convention on the Law of Treaties: A Commentary (2nd edition, Springer Nature) / O. Dörr. – 2018. – P. 603–604.

[20] ICJ. Obligations of States in respect of Climate Change. Advisory opinion of 23 July 2025. – URL: https://www.icj-cij.org/case/187 (дата обращения: 10.03.2026).

режимов – двусторонних соглашений в области гражданской авиации и положений права ЕАЭС, применимых к воздушным перевозкам. Системная интеграция позволяет лучше понять смысл такого взаимодействия и, в частности, допускает возможность толковать релевантные положения союзного права не в изоляции от таких двусторонних соглашений, а в их свете. Это позволит избежать возможного противоречия или конфликта (коллизии) и вместе с тем признать различие в предмете регулирования и относительную автономию обоих режимов.

В таком случае можно более убедительно раскрыть содержание отдельных положений права ЕАЭС, например, когда в них используются термины, встречающиеся в том или ином виде в правовых инструментах других областей международного права. Так, Апелляционный орган ВТО истолковал термин «исчерпаемые природные ресурсы» (*exhaustible natural resources*) в ст. XX ГАТТ, обратившись к международным договорам и иным правовым инструментам за пределами ВТО (среди прочего, к Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. и Конвенции о биологическом разнообразии 1992 г.)[21]. Можно предположить, что отдельные источники международного воздушного права могли бы в этой же логике быть задействованы для выяснения содержания изъятия, установленного п. 4 Протокола о торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций (приложение № 16 к Договору о ЕАЭС), который указывает на различные права перевозки. Соответствующие термины более подробно раскрыты

[21] Appellate Body Report. United States – Import Prohibition of Certain Shrimp and Shrimp Products. WT/DS58/AB/R. 12 October 1998. – URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds58_e.htm (дата обращения: 10.03.2026). Paras 127–134.

за пределами союзного права и, по-видимому, были заимствованы оттуда при формулировании соответствующего положения[22].

Во-вторых, системная интеграция полезна и для ситуаций, где нет конфликта, но есть иное взаимодействие с другими применимыми источниками международного права.

Одним таким примером являются исключения из порядка функционирования внутреннего рынка товаров по ст. 29 Договора о ЕАЭС. Для толкования данного положения полезными могут быть ст. XX ГАТТ и релевантная практика разрешения споров ВТО – последнюю можно применять как вспомогательное средство для определения норм права по смыслу ст. 38 Статута Международного Суда. Стоит упомянуть, что по таким вспомогательным средствам в настоящее время ведет работу Комиссия международного права, и уже доступны промежуточные результаты этой работы[23].

Так, с помощью упомянутых источников из права ВТО можно установить значение требования о том, чтобы ограничения

---

[22] Пункт 4: «В отношении способов поставки услуг, указанных в абзацах втором и третьем подпункта 22 пункта 6 настоящего Протокола, положения настоящего Протокола не применяются к правам перевозки воздушным транспортом и услугам, непосредственно относящимся к правам перевозки, за исключением ремонтного и эксплуатационного обслуживания самолетов, поставки и маркетинга авиатранспортных услуг, а также услуг компьютерной системы резервирования».

[23] ILC Website. Analytical Guide to the Work of the International Law Commission. Subsidiary means for the determination of rules of international law. – URL: https://legal.un.org/ilc/guide/1_16.shtml (дата обращения: 10.03.2026). Подробнее о работе Комиссии международного права по данной теме см. Петренко, А. В. 76-я сессия Комиссии международного права: взгляд участника / А. В. Петренко // Центр международных и сравнительно-правовых исследований. – 2025. – URL: https://iclrc.ru/ru/publications/141 (дата обращения: 10.03.2026). Раздел 3.4.

во внутренней торговле были «необходимы» для достижения одной из целей, перечисленных в первом пункте данной статьи. На ст. XX ГАТТ ссылался Суд в консультативном заключении о свободном движении товаров, однако без детального разбора и без обращения к принципу системной интеграции[24]. Кроме того, отдельные положения права ВТО, включая ст. XX ГАТТ, стали «частью правовой системы» ранее Таможенного союза, а теперь ЕАЭС[25].

Другой возможный пример также в определенной степени вдохновлен делом «О самолетах». Статья 86 Договора о ЕАЭС провозглашает, что «в Союзе осуществляется скоординированная (согласованная) транспортная политика». Она указывает также, что в качестве одного из принципов формирования единого транспортного пространства применяется принцип экологичности. Судя по всему, его содержание трудно в полной мере установить без обращения к применимым источникам международного экологического права.

Заключение

Системная интеграция не предполагает слепого обращения к международному праву и заимствования его подходов для их автоматического переноса в право Союза. В каждой конкретной ситуации необходимо проверять, применим ли данный подход вообще, а также критически оценивать результаты его

---

[24] Консультативное заключение Суда ЕАЭС от 30 октября 2017 г. по делу Р-3/17 о свободном движении товаров. – URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-3.17/ (дата обращения: 10.03.2026). Раздел IV, п. 7.

[25] Договор о функционировании Таможенного союза в рамках многосторонней торговой системы от 2011 г., п. 1 ст. 1. См. также Протокол о функционировании Евразийского экономического союза в рамках многосторонней торговой системы (приложение № 31 к Договору о ЕАЭС).

применения – совместимы ли они с правовым режимом внутри Союза и не требуется ли их адаптация.

Вместе с тем важно иметь в виду, что системная интеграция по смыслу ст. 31 Венской конвенции (на которую ссылается Суд в своих решениях[26]) является необходимым элементом толкования международных договоров. Иными словами, учет внешних правовых источников не является вопросом усмотрения правоприменителя, это обязательная часть единого процесса установления смысла текста международного договора[27]. Более того, обращение к ним может усилить аргументацию, в том числе и в решениях Суда ЕАЭС. Так, отсылки к международному праву с опорой на системную интеграцию будут восприниматься не как примеры для вдохновения или «убедительные прецеденты»[28], а как продуманный и убедительный с точки зрения международного права подход к толкованию положений права Союза. Данный подход обладает значительным потенциалом для дальнейшего развития права ЕАЭС, поскольку предоставляет правоприменителю дополнительный инструмент для его понимания и позволяет придать должное значение согласию государств на принятие международно-правовых обязательств, выраженному вне союзного контекста.

---

[26] См., например, Консультативное заключение Суда ЕАЭС от 12 февраля 2025 г. по делу Р-6/24 о праве физических лиц на оспаривание решений ЕЭК в сфере конкуренции. – URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-6.24/ (дата обращения: 10.03.2026). Раздел II.

[27] McLachlan, C. The Principle of Systemic Integration in International Law / C. McLachlan. – Oxford University Press, 2024. – P. 142.

[28] Решение Суда ЕАЭС от 28 декабря 2015 г. по делу С-4/15 ИП Тарасика. – URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/C-4.15/ (дата обращения: 10.03.2026). Раздел VII, п. 2.

Н. В. Мельников
главный научный сотрудник
Института государства и права РАН,
судья Конституционного Суда Российской Федерации
в отставке

Соотношение правовых актов ЕАЭС и национальной правовой системы при конституционно-правовой оценке привлечения к уголовной ответственности за контрабанду

VIII Международная конференция Суда Евразийского экономического союза была посвящена обеспечению верховенства права на пространстве ЕАЭС.

Особо отмечено, что к основным принципам функционирования Союза отнесено уважение общепризнанных принципов и норм международного права, в числе которых добросовестное соблюдение государствами и международными организациями своих обязательств. Сложная архитектура права Союза, в основу которой положен Договор о ЕАЭС, взаимодействующий как с международным правом, так и с национальными правопорядками государств-членов, предопределяет наличие комплекса вопросов в области правоприменения, требующих системных усилий по обеспечению в рамках ЕАЭС верховенства права, являющегося императивным условием последовательного и устойчивого продвижения процесса евразийской экономической интеграции.

В то же время при взаимодействии с национальными правопорядками важными вопросами являются возможность и пределы осуществления судебного конституционного контроля

в отношении правовых актов ЕАЭС. Опираясь на положения Конституции Российской Федерации, справедливый вывод о том, что такие акты не могут быть полностью выведены из орбиты конституционного правосудия при условии признания за ними автономного значения в правовом обеспечении евразийской экономической интеграции, делает С. Д. Князев[1].

Соглашаясь с изложенной точкой зрения, хотелось бы отметить и позитивный пример соотношения правовых актов ЕАЭС и национальной правовой системы. Этот вопрос возник при рассмотрении Конституционным Судом Российской Федерации дела о проверке конституционности ч. 1 ст. 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина О. В. Панова[2].

Предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу выступила указанная норма УК РФ в той мере, в какой на ее основании в системе действующего правового регулирования разрешается вопрос о квалификации в качестве контрабанды перемещения через таможенную границу Евразийского экономического союза стратегически важных товаров и ресурсов в крупном размере, если незаконность (способ) перемещения выразилась (выразился) в недостоверном декларировании (занижении) их таможенной стоимости.

Следует отметить, что ст. 226.1 УК РФ, устанавливающая в ч. 1 ответственность за незаконное перемещение через

---

[1] Князев, С. Д. Конституционная юстиция в условиях евразийской экономической интеграции (на основе правовых позиций Конституционного Суда РФ) / С. Д. Князев // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2023. – № 4. – С. 1–16.

[2] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 февраля 2025 г. № 8 // Собрание законодательства РФ. – 03.03.2025. – № 9. – Ст. 1015.

таможенную границу Евразийского экономического союза либо Государственную границу Российской Федерации с государствами – членами Союза, в частности, стратегически важных товаров и ресурсов в крупном размере, является бланкетной. Содержащееся в ней указание на незаконный характер деяний в сфере оборота тех или иных предметов означает, что юридической предпосылкой ее применения выступает несоблюдение действующих в этой сфере правил (при том, что основанием уголовной ответственности в силу ст. 8 данного Кодекса служит наличие в содеянном всех признаков состава преступления). В связи с этим разрешение вопроса о наличии признаков состава запрещенного ст. 226.1 УК РФ преступления предполагает выявление нарушения, посягающего на охраняемые законом таможенные отношения, правил трансграничного перемещения товаров и ресурсов, отнесенных к числу названных в этой статье предметов контрабанды, которые устанавливаются положениями не только законов и находящихся в нормативном единстве с ними подзаконных актов, но и международных договоров России (постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июля 2015 г. № 22-П; определения Конституционного Суда Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 2647-О, от 26 марта 2020 г. № 793-О, от 12 июля 2022 г. № 1715-О и др.).

При этом определение понятия «незаконного перемещения товаров через таможенную границу Союза» дается Таможенным кодексом Евразийского экономического союза как перемещение товаров через таможенную границу Союза вне мест, через которые в соответствии со ст. 10 данного Кодекса должно или может осуществляться перемещение товаров через таможенную границу Союза, или вне времени работы таможенных органов, находящихся в этих местах, либо с сокрытием от таможенного контроля, либо с недостоверным таможенным декларированием или недекларированием товаров, либо

с использованием документов, содержащих недостоверные сведения о товарах, и (или) с использованием поддельных либо относящихся к другим товарам средств идентификации (подп. 25 п. 1 ст. 2). Декларант несет ответственность в соответствии с законодательством государств – членов Союза за неисполнение обязанностей, предусмотренных п. 2 ст. 84 данного Кодекса, за заявление в таможенной декларации недостоверных сведений, за представление таможенному представителю недействительных документов, в том числе поддельных и (или) содержащих заведомо недостоверные (ложные) сведения (п. 3 той же статьи).

Согласно Договору об особенностях уголовной и административной ответственности за нарушения таможенного законодательства Таможенного союза и государств – членов Таможенного союза (подписан 5 июля 2010 г. и ратифицирован Федеральным законом от 5 апреля 2011 г. № 59-ФЗ) виды преступлений и административных правонарушений, а также порядок и принципы привлечения лиц к уголовной или административной ответственности определяются законодательством сторон с особенностями, установленными этим Договором (п. 1 ст. 3).

Следовательно, конкретизация ответственности за незаконное перемещение товаров через таможенную границу Евразийского экономического союза осуществляется в законодательстве каждой страны. Принимая решения в этой сфере, законодатель не может не обращать внимания на общие положения о таможенном регулировании. Таким образом, при рассмотрении данного дела оценка конституционности оспоренного положения в полной мере с учетом действующего национального регулирования была возложена на Конституционный Суд Российской Федерации.

Было учтено, что некоторые положения Таможенного кодекса Евразийского экономического союза, а также базирующегося на них постановления Пленума Верховного Суда Российской

Федерации от 27 апреля 2017 г. № 12 «О судебной практике по делам о контрабанде» основываются на том, что одним из способов незаконного перемещения товаров является недостоверное декларирование. Сообразно этому выбранная законодателем в рамках его дискреции модель закрепления объективных признаков контрабанды (включая способ, вид и размер незаконно перемещаемых через границу стратегически важных товаров и ресурсов) не создает предпосылок для противоречивой или произвольной правоприменительной практики, обеспечивает достаточную определенность, чтобы субъекты внешнеэкономической деятельности могли предвидеть правовые последствия невыполнения своих обязанностей декларанта по отношению к перемещению стратегически важных товаров и ресурсов как обладающих особой значимостью для граждан, общества или государства.

Следует подчеркнуть, что обязательным условием законности трансграничного перемещения товаров является достоверное их декларирование как для идентификации, обеспечения таможенного контроля и соблюдения ограничений, установленных в отношении перемещения отдельных их видов, так и для применения мер нетарифного регулирования, в том числе объемов тарифных квот, а также для оценки правильности исчисления таможенных пошлин и сборов с учетом физических характеристик товаров (свойств, качеств, объема, веса) и таможенной стоимости.

Как указал Конституционный Суд Российской Федерации, таможенная стоимость ввозимых товаров определяется с учетом положений Таможенного кодекса Евразийского экономического союза для целей исчисления таможенных пошлин, налогов и других обязательных платежей (определение от 28 сентября 2023 г. № 2206-О). Уплата таможенных платежей – необходимое условие таможенного оформления товаров, она представляет собой, по сути, не гражданско-правовое

обязательство, а публично-правовую обязанность, лежащую на лицах, участвующих в таможенных операциях, прежде всего непосредственно на декларантах – лицах, перемещающих товары (определения от 27 ноября 2001 г. № 202-О, от 8 февраля 2011 г. № 191-О-О, от 24 ноября 2016 г. № 2519-О, от 25 марта 2021 г. № 590-О и др.).

При этом, хотя основным предназначением сведений о таможенной стоимости является исчисление размера обязательных платежей, уплата может приобретать и значение, выходящее за эти рамки и учитываемое в устанавливаемых запретах и ограничениях или иных мерах нетарифного регулирования перемещения товаров, равно как и ее занижение может представлять угрозу не только для экономических (фискальных) интересов государства, но и для осуществления государством его функций.

Принимая решение по делу, Конституционный Суд Российской Федерации впервые в своем постановлении определил критерии конституционности оспоренных положений, указав на то, что необходимо учитывать, что процедура определения таможенной стоимости товаров осуществляется дифференцированно по правилам главы 5 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза и допускает применение как различных методов определения таможенной стоимости ввозимых товаров (предусмотрено шесть таких методов), так и отложенное определение таможенной стоимости, дополнительные начисления к цене, фактически уплаченной или подлежащей уплате за ввозимые товары. В этой связи само по себе несоответствие задекларированной таможенной стоимости к той, которая будет установлена таможенным органом в пределах его компетенции как характеризующей отношения в сфере таможенных платежей, не может служить объективным признаком совершения деяния, являющегося преступлением против общественной безопасности.

Только умышленное искажение сведений о товарах может характеризовать недостоверное таможенное декларирование в качестве признака контрабанды. Иное также приводило бы к смешению ответственности за деяния, несопоставимые по характеру и степени общественной опасности, а потому вступало бы в противоречие с требованиями ст. 54 (ч. 2) и ст. 55 (ч. 3) Конституции Российской Федерации.

Соответственно, квалификация недостоверного декларирования сведений о таможенной стоимости стратегически важных товаров и ресурсов по ч. 1 ст. 226.1 УК РФ и привлечение лица к уголовной ответственности предполагается лишь в случае наличия обстоятельств, свидетельствующих об умышленном введении таможенного органа в заблуждение относительно таможенной стоимости стратегически важного товара на основании предъявленных заявлений, документов и деклараций (в частности, путем представления подложных документов, призванных скрыть его реальную стоимость).

Таким образом, на основе анализа соотношения правовых актов ЕАЭС и национальной правовой системы, исследования материалов дела Конституционный Суд Российской Федерации признал ч. 1 ст. 226.1 УК РФ в качестве обеспечивающей достаточную степень определенности, соразмерности и дифференциации ответственности за незаконное перемещение через таможенную границу Евразийского экономического союза либо Государственную границу Российской Федерации с государствами – членами Евразийского экономического союза стратегически важных товаров и ресурсов, выраженное в недостоверном декларировании таможенной стоимости и совершенное в крупном размере, соответствующей Конституции Российской Федерации.

Е. А. Дмитрикова
доцент кафедры административного и финансового права, директор Междисциплинарного центра исследований контрольно-надзорной деятельности, СПбГУ

Дискреция государств – членов Евразийского экономического союза в вопросах установления и применения мер административной ответственности за нарушение единых таможенных правил

Вопросы дискреции государств – членов Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) в части установления и применения мер административной ответственности за нарушение таможенных правил были и остаются в фокусе внимания научных публикаций[1].

[1] Гуменюк, В. П. Меры административной ответственности за нарушение таможенных правил в странах – участницах ЕАЭС / В. П. Гуменюк // Евразийский юридический журнал. – 2020. – № 2 (141). – С. 189–197; Дмитрикова, Е. А. Вопросы административной ответственности за правонарушения в области таможенного дела: гармонизация в условиях интеграции / Е. А. Дмитрикова // Credo New. – 2014. – № 3 (79); Жантаева, Г. Г. Сравнительно-правовой анализ административной ответственности в области таможенного дела в Евразийском экономическом союзе / Г. Г. Жантаева, Н. О. Курамаева // Известия ВУЗов Кыргызстана. – 2024. – № 5. – С. 210–214; Орлов, И. В. Субъект административной ответственности за нарушения таможенных правил по законодательству Российской Федерации и Республики Казахстан / И. В. Орлов // Административное право и процесс. – 2013. – № 8. – С. 67–69; Федотова, Ю. Г. Истечение срока давности привлечения к административной ответственности как основание освобождения от нее: проблема безнаказанности за

Обозначенная тема неразрывно связана с вопросами единого таможенного регулирования, поскольку речь идет о прерогативе государств – членов ЕАЭС в установлении неблагоприятных последствий за нарушение единых таможенных правил. В контексте п. 1 ст. 25, ст. 32 Договора о Евразийском экономическом союзе (далее – Договор о ЕАЭС)[2] и характеристики единой политики – в установлении признаков противоправности деяний и подходов к применению мер административной ответственности за нарушение нормативных положений, составляющих единое таможенное регулирование в ЕАЭС.

Применительно к регулятивным нормам модель регулирования таможенных правоотношений определена ст. 1 Таможенного кодекса ЕАЭС (далее – ТК ЕАЭС)[3], согласно которой таможенные правоотношения, не урегулированные международными договорами и актами в сфере таможенного регулирования, до урегулирования соответствующих правоотношений

совершение административного правонарушения / Ю. Г. Федотова // Российский судья. – 2022. – № 11. – С. 28–33; Шушкевич, А. Г. Современные подходы к административной ответственности за недекларирование наличных денежных средств / А. Г. Шушкевич, Н. О. Азовская // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 4. Правазнаўства. – 2022. – Т. 12, № 2. – С. 24–32. Здесь также необходимо отметить исследования, посвященные сравнительному анализу законодательства об административных правонарушениях в государствах – членах ЕАЭС. Например, Петракова, М. С. Кодификация законодательства об административных правонарушениях в России, Беларуси и Казахстане: сравнительноправовое исследование / М. С. Петракова. – URL: https://www.hse.ru/sci/diss/942747843 (дата обращения: 10.03.2026).

[2] Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. – URL: http://www.eurasiancommission.org/ (дата обращения: 10.03.2026).

[3] Официальный сайт Евразийского экономического союза. – URL: http://www.eaeunion.org/ (дата обращения: 12.04.2017).

такими международными договорами и актами регулируются законодательством государств – членов Союза о таможенном регулировании[4].

В части охранительных норм, напротив, вопросы административной ответственности ТК ЕАЭС не регламентируются, более того, кодекс ориентирует участников таможенных правоотношений и субъектов правоприменительной деятельности на законодательство государств – членов ЕАЭС (ст. 2), определяя административные правонарушения как правонарушения, по которым в соответствии с законодательством государств-членов таможенные органы ведут административный процесс (осуществляют производство). Примечательно, что в определении административного правонарушения не установлено требование к единообразному определению в национальном законодательстве признаков противоправности деяний (нарушений единых таможенных правил). Административное правонарушение определяется через юрисдикционные полномочия национальных органов, а не через характеристику противоправности, установление признаков которой зависит от формулировок и толкования положений актов, составляющих право ЕАЭС, и национального законодательства об административных правонарушениях.

Следует отметить, что до подписания Договора о Евразийском экономическом союзе и Договора о Таможенном кодексе ЕАЭС государства – члены Таможенного союза[5] обозначили стремление к единообразному определению противоправности нарушения единых таможенных правил. Ключевые договоренности по вопросам применения мер административной ответственности за нарушение единых таможенных правил были

---

[4] Официальный сайт Евразийского экономического союза. – URL: http://www.eaeunion.org/ (дата обращения: 12.04.2017).

[5] Государства – члены Таможенного союза в рамках Евразийского экономического сообщества.

зафиксированы в Договоре об особенностях уголовной и административной ответственности за нарушения таможенного законодательства Таможенного союза и государств – членов Таможенного союза[6] (далее – Договор). В части административной ответственности к дискреции государств отнесено определение видов административных правонарушений, порядка и принципов привлечения к административной ответственности (ст. 3 Договора). Это означало, что лицо, совершившее административное правонарушение на таможенной территории Таможенного союза, подлежит привлечению к административной ответственности по законодательству того государства, на территории которого выявлено административное правонарушение[7]. Вместе с тем стороны Договора определили, что национальным законодательством об

[6] Договор об особенностях уголовной и административной ответственности за нарушения таможенного законодательства Таможенного союза и государств – членов Таможенного союза : подписан в г. Астане 05.07.2010 : принят решением Межгосударственного Совета ЕврАзЭС от 05.07.2010 № 50 «О международных договорах Таможенного союза в сфере сотрудничества по уголовным и административным делам». О присоединении к Договору Республики Армения и Кыргызской Республики см. Договор о присоединении Республики Армения к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. : подписан в г. Минске 10.10.2014; Договор о присоединении Кыргызской Республики к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. : подписан в г. Москве 23.12.2014.

[7] Подготовленный ФТС России в 2013 г. обзор законодательства об административных правонарушениях государств – членов Таможенного союза показал различия не только в подходах к формулировке признаков составов административных правонарушений, но и к определению видов наказаний и правил привлечения к административной ответственности, за нарушения в сфере таможенного дела в том числе. См. Письмо ФТС России от 20.03.2013 № 18-12/11516 «О направлении обзора» (вместе с «Обзором законодательных основ привлечения лиц к административной ответственности в государствах –

административных правонарушениях должны учитываться особенности, установленные Договором[8].

Обозначенная в 2010 г. дискреция государств – членов Таможенного союза для установления составов административных правонарушений, видов санкций за нарушение таможенных правил, условий и порядка их применения сохраняется за государствами – членами ЕАЭС до настоящего момента.

Обозначим ряд аспектов в установлении и применении мер административной ответственности за нарушение единых таможенных правил в законодательстве государств – членов ЕАЭС, которые представляются значимыми для обеспечения единообразия в определении противоправности нарушений в сфере таможенного дела и стандарта защиты прав субъектов административной ответственности, а в отдельных случаях и иных субъектов таможенных правоотношений.

1. Установление квалифицирующих признаков состава административного правонарушения. В большинстве случаев в законодательстве об административных правонарушениях государств – членов ЕАЭС устанавливаются бланкетные диспозиции[9] и объективная сторона определяется правоприменителем исходя из норм, регулирующих таможенные правоотношения.

членах Таможенного союза после вступления в силу Таможенного кодекса Таможенного союза»).

[8] Федеральным законом от 06.12.2011 № 409-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» дополнена норма КоАП РФ (ст. 1.8), определяющая действие законодательства в пространстве. Из общего правила привлечения к административной ответственности в соответствии с КоАП РФ или законом субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях установлены исключения – случаи, предусмотренные международным договором Российской Федерации.

[9] Допустимость такого подхода к дискреции законодателя в установлении составов административных правонарушений и их отдельных элементов можно

Указанный способ конструирования составов административных правонарушений в сфере таможенного дела не отменяет соблюдение принципа равенства всех перед законом, что означает, что любое административное правонарушение должно быть четко определено, чтобы, исходя непосредственно из текста соответствующей нормы, каждый мог предвидеть административно-правовые последствия своих действий[10].

Полагаем, что применительно к нарушению *единых* таможенных правил важно, чтобы субъекты правоприменительной деятельности, определяя наличие признаков противоправного деяния, толковали положения национального законодательства об административных правонарушениях в неразрывном единстве с регулятивными нормами, составляющими право ЕАЭС. Причем для установления противоправности деяния имеет значение определение актами, составляющими право ЕАЭС, объема прав, обязанностей и ответственности участников таможенных правоотношений[11].

обнаружить в решениях Конституционного Суда Российской Федерации. См. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.02.2013 № 4-П (п. 3.4).

[10] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2005 г. № 502-О, постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 марта 2011 г. № 2-П.

[11] Вопрос о соотношении объема обязанностей и ответственности декларанта и таможенного представителя и отраслевой принадлежности применимого права был предметом рассмотрения Суда Евразийского экономического союза. См. Решение Апелляционной палаты Суда ЕАЭС от 9 июня 2021 г. по делу № СЕ-1-2/5-21-АП «Об отмене решения Суда Евразийского экономического союза от 27.04.2021 № СЕ-1-2/5-21-КС и признании бездействия ЕЭК соответствующим Договору о ЕАЭС и не нарушающим права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» / Официальный сайт Суда Евразийского

2. Разграничение административной и уголовной ответственности за нарушение таможенных правил. Согласно Договору (ч. 1 ст. 3) виды преступлений и виды административных правонарушений определяются национальным законодательством. Полагаем, что в этой части есть потенциал развития единых подходов к решению вопроса об установлении признаков общественной опасности деяния и критериев для разграничения оснований административной и уголовной ответственности[12].

3. Установление оснований освобождения от административной ответственности и обстоятельств, исключающих производство по делу об административном правонарушении. Отдельно обратим внимание на различия в установлении срока давности привлечения к административной ответственности[13].

экономического союза. – URL: http://courteurasian.org/ (дата обращения: 27.02.2026).

[12] Например, в Российской Федерации перечень стратегически важных товаров и ресурсов, который имеет значение для квалификации незаконного перемещения товаров через таможенную границу в качестве контрабанды, утверждается Правительством Российской Федерации. См. Постановление Правительства РФ от 13.09.2012 № 923 «Об утверждении перечня стратегически важных товаров и ресурсов для целей статьи 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также об определении видов стратегически важных товаров и ресурсов, для которых крупным размером признается стоимость, превышающая 100 тыс. рублей».

[13] Различаются не только сроки, но и подход к их установлению. Например, ст. 62 Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 г. № 235-V срок давности привлечения физического лица к административной ответственности за правонарушения в сфере таможенного дела определяет в 1 год, а для юридического лица – 5 лет. В ст. 4.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ срок давности привлечения к административной ответственности за нарушение «таможенного законодательства Таможенного

Наряду с общими основаниями освобождения от административной ответственности, законодательством об административных правонарушениях устанавливаются и специальные основания, которые применяются только в случаях нарушения таможенных правил[14].

Полагаем необходимым отметить, что последствия решения об освобождении лица от административной ответственности имеют значение для таможенных правоотношений. Например, предметом регулирования ТК ЕАЭС являются условия включения в реестр уполномоченных экономических операторов (ст. 433 ТК ЕАЭС), одно из которых можно определить как «законопослушность» заявителя. Это не единственный пример, когда соблюдение условий, необходимых для получения статуса субъекта таможенных правоотношений, зависит от применения национального законодательства об административных правонарушениях.

4. Установление видов и порядка назначения административных наказаний за нарушение единых таможенных правил. Такой вид наказания, как административный штраф за нарушение таможенных правил, предусмотрен законодательством об административных правонарушениях всех государств – членов ЕАЭС. Вместе с тем различаются правила исчисления и назначения административного штрафа (фиксированные суммы или расчетные показатели; с учетом статуса субъекта предпринимательской деятельности или без такового), замены

союза в рамках ЕврАзЭС и (или) законодательства Российской Федерации о таможенном деле» не зависит от статуса субъекта правонарушения и составляет 2 года.

[14] Например, примечание к ст. 16.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ, примечания к ст. 15.2 и ст. 15.5 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях от 06.01.2021 № 91-З.

административного штрафа предупреждением[15]. Нетипичным является такой вид наказания, как исключение нарушителя из реестра лиц, осуществляющих деятельность в сфере таможенного дела[16].

Отдельно следует обратить внимание на определение условий применения за нарушение таможенных правил такого вида административного наказания, как конфискация предмета и орудия совершения административного правонарушения. Повышенное внимание к вопросу конфискации объясняет то, что применение данного вида административного наказания затрагивает право собственности, причем не только лица, допустившего нарушение таможенных правил, но и иного лица – например, собственника, поручившего перемещение и оформление товара в соответствии с ТК ЕАЭС и другими актами, составляющими право ЕАЭС в сфере таможенного регулирования. В части гарантий защиты прав собственников в законодательстве об административных правонарушениях государств – членов ЕАЭС обнаруживается различающийся подход. Так, ст. 45 Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях допускает конфискацию лишь предмета, являющегося собственностью нарушителя, и применительно к правонарушениям в сфере таможенного дела исключения не установлены. Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях, напротив, установлено исключение. Конфискация орудия совершения или предмета административного правонарушения, принадлежащего на праве собственности лицу, не привлеченному к административной ответственности за данное административное правонарушение и не признанному

[15] Статья 4.1.1. Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ.

[16] Статья 544 Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 г. № 235-V.

в судебном порядке виновным в его совершении, не применяется, за исключением административных правонарушений в области таможенного дела (ч. 4 ст. 3.7). Кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях в качестве общего правила допускается конфискация предмета административного правонарушения, орудия и средства его совершения, находящихся в собственности (на праве хозяйственного ведения, оперативного управления) лица, совершившего правонарушение (ст. 6.9). Исключения предусмотрены за нарушение таможенных правил, но, в отличие от российского опыта, только за отдельные правонарушения в области таможенного дела (например, ч. 1 ст. 15.1). Кодексом Кыргызской Республики о правонарушениях не предусмотрено такое взыскание, как конфискация (ст. 28)[17]. Вместе с тем в примечании к ст. 372-1 предусмотрено, что изъятые товары возвращаются лицу, обладающему полномочиями в отношении товаров, в случае добровольной уплаты причитающихся таможенных платежей в двукратном размере, включая пени. В противном случае товары подлежат конфискации. Транспортные средства, на которых перевозились товары, являющиеся непосредственными объектами правонарушения, подлежат конфискации вне зависимости от уплаты либо неуплаты таможенных платежей и пени.

Помимо перечисленных аспектов, составляющих дискрецию законодателя на национальном уровне, на практику привлечения к административной ответственности за нарушение единых таможенных правил существенное влияние оказывают позиции судов высших инстанций государств – членов ЕАЭС[18].

---

[17] Кодекс Кыргызской Республики о правонарушениях от 28 октября 2021 г. № 128.

[18] Например, по вопросу обжалования решения о конфискации лицом, не являющимся субъектом правонарушения, см. постановление Конституционного Суда РФ от 15.10.2020 № 41-П «По делу о проверке конституционности

Подводя итог, отметим, что дискреция государств – членов ЕАЭС не означает произвольное установление на национальном уровне мер административной ответственности за нарушение единых таможенных правил. Единообразие применения единых таможенных правил, составляющих право ЕАЭС, при установлении в законодательстве государств – членов ЕАЭС составов правонарушений, видов наказаний, условий и порядка их применения может быть обеспечено применением принципов права ЕАЭС и развитием положений Договора.

Потенциал Договора об особенностях уголовной и административной ответственности за нарушения таможенного законодательства Таможенного союза и государств – членов Таможенного союза видится в том, что стороны обязались принять меры по внесению изменений в национальное законодательство, предусматривающее административную ответственность за нарушение таможенного законодательства, и приведению к единообразному определению противоправности таких деяний. Принципы, сложившиеся в практике Суда ЕАЭС, – предсказуемость и правовая определенность в установлении пределов

части 4 статьи 3.7, статей 25.1–25.5.1 и части 1 статьи 30.12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой иностранной компании Majena Shipping Company Limited»; по вопросам определения субъекта административного правонарушения и обоснованности определения стоимости товара, которая применена для расчета размера административного штрафа, см. постановление Пленума ВАС РФ от 08.11.2013 № 79 «О некоторых вопросах применения таможенного законодательства»; по вопросу применения правил исчисления размера административного штрафа при привлечении к ответственности за таможенные правонарушения см. постановление Конституционного Суда РФ от 26.11.2012 № 28-П «По делу о проверке конституционности положений части 1 статьи 16.2 и части 2 статьи 27.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью “Авеста”».

правомерного поведения, а также соразмерность санкций характеру противоправного деяния[19] – входят в систему общих принципов административного права, соблюдение которых необходимо для обеспечения законности и обоснованности решений, действий (бездействия) уполномоченных органов и должностных лиц в рамках производства по делу об административном правонарушении.

Обозначенный подход будет способствовать реализации гарантий защиты прав и законных интересов субъектов таможенных правоотношений в рамках производства по делу об административном правонарушении.

[19] В этой части разделяем выводы Суда ЕАЭС, изложенные в п. 11 и п. 12 Консультативного заключения Суда ЕАЭС от 13 января 2026 г. по делу Р-3/25 О даче юридической оценки действиям государств – членов ЕАЭС на предмет соответствия нормам права ЕАЭС. – URL: https://courteurasian.org/analytics/#publications (дата обращения: 25.02.2026).

В. Н. Лопатин
научный руководитель (директор)
Республиканского научно-исследовательского института
интеллектуальной собственности

Стандарты таможенной защиты интеллектуальной собственности в развитии евразийской интеграции

В современной борьбе за передел сфер влияния и рынков труда, в развитии конкуренции за технологическое лидерство в мире можно выделить несколько тенденций, среди которых принципиальное значение для стран ЕАЭС и СНГ имеет сохранение политики «экспорт информационного сырья (информации о результатах НИОКТР) в обмен на зарубежные технологии» при возрастании доли рынка интеллектуальной собственности в мировой торговле в XXI в. в 4 раза (до 20 % ВВП), а также рост правовых коллизий и снижение качества правового регулирования сферы интеллектуальной собственности и научно-технологического развития.

ЦУР и стратегии развития. Оценка прогресса к 2025 г. показывает, что мир сильно отстает от графика реализации Повестки дня Целей устойчивого развития (ЦУР) ООН на период до 2030 г.: из 135 Целей, по которым имеются данные о тенденциях, только 17 % развиваются в соответствии с ожидаемым прогрессом к 2030 г., 30 % демонстрируют незначительный прогресс, 18 % – умеренный прогресс, в 18 % случаев наблюдается стагнация, а в 17 % – регресс ниже базового уровня 2015 г.[1]

[1] The Sustainable Development Goals Report. – P. 44–45 // Доклад о целях в области устойчивого развития на 2024 год. – С. 44–45. – URL: https://unstats.un.org/sdgs/report/2024/extended-report/ (дата обращения: 02.02.2026).

В рамках выработки и реализации государственной политики технологического и инновационного развития необходима стратегия развития интеллектуальной собственности, методология разработки и осуществления которой (7 этапов) неоднократно предлагалась ВОИС как комплекс мер в целях поощрения и содействия применению скоординированного подхода к эффективному созданию, правовой охране, развитию и управлению интеллектуальной собственности, чтобы они отвечали целям в области устойчивого развития на период до 2030 г.

Однако, несмотря на рекомендации ООН, подтвержденные в рамках Среднесрочного стратегического плана ВОИС на 2022–2026 гг., и рекомендации Форума о взаимообусловленности этих процессов и необходимости их отражения в стратегических документах для развивающихся стран, *такие стратегии и программы формирования и развития национальных и евразийского рынка интеллектуальной собственности отсутствуют в ЕАЭС, в РА* (срок действия последнего стратегического документа в сфере ИС истек *в* 2015 г.), *РК и РФ.*

Стратегия интеллектуальной собственности, реализуемая в **Республике Беларусь** с 2012 г., продолжена в Государственной программе инновационного развития Республики Беларусь на 2021–2025 гг. (утверждена Указом Президента Республики Беларусь от 15.09.2021 № 348) и *Стратегии Республики Беларусь в сфере ИС до 2030 г.* (утверждена постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 24.11.2021 № 672). Впервые определены цели, задачи и меры по *формированию полноценного рынка интеллектуальной собственности и его интеграции в евразийский и мировой рынки интеллектуальной собственности*. Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 20.12.2023 № 906 утвержден план мероприятий по реализации Стратегии на 2024–2025 гг. В то же время в Стратегии Республики Беларусь не содержится конкретных целевых показателей ее реализации, за исключением повышения

позиций в международных рейтингах научного и инновационного потенциала и достижения уровня стран – лидеров Восточной Европы (Чехия, Словакия, Венгрия).

В **Кыргызской Республике** в рамках реализации Национальной программы развития Кыргызской Республики до 2026 г. (утверждена Указом Президента Кыргызской Республики от 12.10.2021 № 435) принята *Государственная программа развития интеллектуальной собственности и инноваций в Кыргызской Республике на 2022–2026 гг.* (утверждена постановлением Кабинета Министров Кыргызской Республики от 20.05.2022 № 265). По итогам выполнения за 20 лет трех предыдущих Госпрограмм развития ИС, основной стратегической целью которых было *«создание условий для функционирования рынка интеллектуальной собственности в Кыргызстане к 2021 году»*, Кабинет Министров Кыргызстана признал, что *процесс формирования рынка интеллектуальной собственности в Кыргызской Республике «находится на начальном этапе своего развития* и свидетельствует о необходимости оказания всесторонней поддержки как со стороны государственных институтов, так и со стороны общественных структур в формировании экосистемы ИС и инноваций». Однако, как и ранее, основными показателями реализации четвертой программы заявлены показатели в области правовой охраны и правовой защиты интеллектуальной собственности, но не коммерциализации интеллектуальной собственности.

В **Республике Казахстан** в целях реализации Стратегического плана развития РК (Казахстан-2030) и Стратегии-2050 Правительством РК 06.12.2020 была утверждена Концепция развития сферы интеллектуальной собственности в Республике Казахстан на период 2021–2025 гг., а при отсутствии Стратегии и программы принята *Дорожная карта по дальнейшему развитию сферы интеллектуальной собственности в РК на 2022–2024 гг.*

(утверждена Премьер-министром Республики Казахстан 12.07.2022), где координатор – Минюст РК.

В **Российской Федерации** отсутствуют документы стратегического планирования в сфере развития интеллектуальной собственности. Попытки заменить Стратегию планом мероприятий (дорожная карта) реализации механизма управления системными изменениями нормативно-правового регулирования предпринимательской деятельности *«Трансформация делового климата», «Интеллектуальная собственность»* (утвержден распоряжением Правительства Российской Федерации от 03.08.2020 № 2027-р) нельзя признать равноценными, так как он не соответствует по своей структуре и содержанию как рекомендациям ВОИС, так и целеполаганиям и задачам, определенным Президентом Российской Федерации по вопросам формирования и развития рынка интеллектуальной собственности в условиях, когда 85 % расходов на НИОКТР несет государство при ежегодном сокращении таких расходов со стороны бизнеса, а разница между бюджетными расходами на эти цели и доходами от интеллектуальной собственности, созданной при бюджетном финансировании, в 2022–2024 гг. – более 1,5 тысячи раз.

Научные, технологические и производственные возможности стран мира оцениваются по трем параметрам:

1) рецензируемые научные публикации в коллекции Web of Science, Science Citation Index Expanded (WoS SCIE – 169 научных дисциплин в 11 областях науки);

2) патентные заявки и патенты в семействах международных патентов (патентные базы данных ВОИС и PATSTAT Европейского патентного ведомства по 172 областям техники в соответствии МПК в 14 технологических областях);

3) экспорт промышленной продукции, учтенной в базе данных UN COMTRADE в отношении 274 различных товарных

полей для всех стран и лет, сгруппированных в 15 производственных областях.

При этом информационные показатели инновационного развития (публикации и патенты) – основные для развивающихся стран, в т. ч. ЕАЭС и СНГ, имеют высокую концентрацию в небольшой группе стран. Из анализа данных из 154 стран в Докладе ВОИС «О положении в области интеллектуальной собственности в мире за 2024 год» следует, что за последние 20 лет на долю восьми ведущих стран мира приходится 60 % научных публикаций, 80 % международного патентования, на основе чего обеспечивается более 50 % экспорта наукоемкой и высокотехнологичной продукции[2].

Рекомендация. Необходимо *обеспечить принципиальный переход с информационных показателей (публикации и их цитирование, патенты и патентные заявки, конференции и семинары) на экономические показатели оценки результативности НИОКТР* (*создание добавленной стоимости от оборота* интеллектуальной собственности*, доля* интеллектуальной собственности в *ценообразовании*, *доля* интеллектуальной собственности в *капитализации активов, доля* интеллектуальной собственности *в привлечении инвестиций, доля авторских вознаграждений* и т. п.). *Это предполагает внесение корректив в стратегические документы планирования, программы инновационного развития, в политику*

[2] Танг, Д. Доклад ВОИС о положении в области интеллектуальной собственности в мире за 2024 г. «Инновационная политика как инструмент развития» / Д. Танг, М. Алеман, К. Финк [и др.] // Издание ВОИС. – Женева, 2024. – 137 с. // The WIPO Report On the situation of intellectual property in the world for 2024. – Geneva : World Intellectual Property Organization, 2024. – P. 40–44; World Intellectual Property Report: Making Innovation Policy Work for Development. – Geneva : World Intellectual Property Organization. – DOI: https://doi.org/10.34667/ tind.49284.

корпораций/организаций при выборе способа правовой охраны создаваемых результатов интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере (евразийская правовая охрана объектов промышленной собственности, объекты авторского права и смежных прав, секреты производства (ноу-хау) в интересах дальнейшей коммерциализации интеллектуальной собственности *и обеспечения национальной технологической конкурентоспособности).*

Стандарты и правовое регулирование. В условиях роста правовых коллизий и снижения качества правового регулирования сферы интеллектуальной собственности в странах ЕАЭС и СНГ роль и значение стандартизации как регулятора мягкого права неуклонно возрастает. По данным ООН, в 2024 г. уровень и качество правового регулирования этой сферы среди всех стран СНГ существенно ухудшились: РК – на 33 позиции (84-е место в мире), РФ – на 32 (127), КР – на 21 (120), АР – на 20 (91), РБ – на 15 (130), РУ – на 10 (107), РТ – на 9 (128), РА – на 11 (70)[3].

Примером отсутствия гармонизации законодательства в этой сфере могут служить нормы гражданских кодексов стран – участниц ЕАЭС, по которым объектом оборота и коммерциализации, в т. ч. залога при кредитовании, во всех странах, кроме России, выступают имущественные права на объекты интеллектуальной собственности, а в РФ – только одно из десятка таких имущественных интеллектуальных прав – исключительное право на объекты интеллектуальной собственности (табл. 1).

[3] World Intellectual Property Organization (WIPO). Global Innovation Index. – Geneva : WIPO. – URL: https://www.wipo.int/web-publications/global-innovation-index-2024/en/ (дата обращения: 02.02.2026).

Таблица 1. Интеллектуальная собственность как объект права и оборота в ЕАЭС

ЕАЭС: ИС И ОБЪЕКТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

	Имущество, в т.ч. имущественные права	Исключительные права	нематериальные блага	Предмет оборота, в т.ч. залога
РФ	вещи, иное имущество, в т.ч.имущественные права (ст. 128 ГК РФ)	охраняемые РИД и средства индив-ции (ИС), права на ОИС (ст. 128, 129, 1226, 1229 ГК РФ)	имя гражданина, авторство, право на неприк. Пр., иные нематериальные блага (ст. 128, 150 , 1226 , 1265,1266 ГК РФ)	**исключительные права** (ст. 358.18 ГК РФ) ГОСТ Р 58590-2019
РА	1)имущество, включая..им. права, 3) информация (ст. 132 ГК РА)	4) РИД, в т.ч. исключительные права на них (ИС) (ст.132, 140 ГК РА)	5) право на имя, право авторства, право на неприк.ть Пр., иные личные неимущ. права (ст. 132, 162, 1121, 1122 ГКР А)	**имущественное право,** которое м.б. отчуждено (ст. 230, 232, 253, 256 ГК РА)
РБ	вещи, включая ..иное имущество, искл. им.права,нераскрытая информ-я (ст. 128, 982 ГК РБ)	исключительные права (ИС - ст. 128, 139, 983 ГК РБ)	право на имя, право авторства, иные личные неимущественные права (ст. 128, 151, 982 ГК РБ)	**имущество, в т.ч. имущественные права** (ст. 317 ГК РБ), **имущественные права на ТЗ** (ст. 1022 ГК РБ) + ст. 147, 149 БК РБ
РК	имуществ. блага и права (имущество), в т.ч. объективированные РИД, средства инд.-ции, им.права, цифровые активы (ст. 115ГК)	исключительное право на РИД и приравненные к ним средства индивидуализации (ст. 125 ГК РК)	личные неим. блага и права (право на имя, право на авторство, право на неприкосновенность Пр. и др. нематер. блага и права) (ст. 115 ГК РК)	**любое имущество, в т.ч. РИД и средства индивидуализации, имущественные права,** (ст. 115, 301,303 ГК РК)
КР	имущество, в т.ч. имущественные права (ст. 22, 1062 ГК КР)	охраняемые Инф. и РИД и средства индив-ции, искл. право на них (ст. 22, 32, 1040 ГК КР)	право на польз. своим именем, право авторства, право на имя, право на неприк. Пр. и др. неим. права (ст. 22, 50, 1039, 1057- 1061 ГК КР)	**любое имущество, в т.ч. права, залог прав** (ст. 325 -328 ГК КР)

Уже 17 лет сохраняется существенная правовая коллизия, когда в России контрафактными признаются любые материальные носители, содержащие любые из 20 категорий объектов интеллектуальной собственности с нарушением только исключительных прав на них (ст. 1252 ГК РФ), в то время как в международном праве, праве ЕАЭС (ст. 124, глава 52, п. 3. ст. 385 ТК ЕАЭС) и в национальном законодательстве всех других стран ЕАЭС контрафакт – это продукция с нарушением любых интеллектуальных прав только на 4 категории объектов интеллектуальной собственности (объекты авторского права, объекты смежных прав, товарные знаки, наименования мест происхождения товаров и географические указания) (табл. 2).

При этом в КоАП РФ и УК РФ сохранилась прежняя правовая модель защиты от контрафакта, согласно которой привлечь к административной и уголовной ответственности за контрафакт возможно лишь в части 6 из 20 категорий объектов интеллектуальной собственности. *То есть то, что признается контрафактом в России, не является таковым в других странах ЕАЭС, и его оборот не подлежит противодействию*

на таможенной границе ЕАЭС. При этом сохраняются принципиальные различия между нормами ГК РФ, КоАП РФ и УК РФ в части возможности привлечения к ответственности за нарушения прав в отношении всех категорий объектов ИС *(например, в УК РФ и КоАП РФ отсутствуют нормы об ответственности за нарушения прав на селекционные достижения)*.

В ЕАЭС по-прежнему отсутствует объективная картина понимания объема и структуры контрафактной продукции. Указанные в ежегодных *отчетах ЕЭК о состоянии правоприменительной практики в сфере защиты прав на объекты интеллектуальной собственности в государствах – членах ЕАЭС* (включая за 2024 г.) данные не отражают реальной картины состояния законности в сфере интеллектуальной собственности и противодействия контрафакту, т. к. они учитывают правонарушения по государствам – членам ЕАЭС в разрезе только административных правонарушений и преступлений (без учета решений судов), а также без учета дел, рассмотренных в рамках гражданского и арбитражного судопроизводства. *Так, при ежегодном росте выявляемого контрафакта в ЕАЭС (по объему и стоимости) в ЕЭК фиксируется постоянное снижение числа правонарушений в сфере интеллектуальной собственности, хотя контрафакт – это товар с нарушением прав на объекты интеллектуальной собственности, используемые в этом товаре*.

По данным отчета ЕЭК о состоянии правоприменительной практики в сфере защиты прав на объекты интеллектуальной собственности в государствах – членах ЕАЭС за 2024 г., в ЕАЭС выявлено всего 1 465 нарушений в сфере интеллектуальной собственности (579 уголовных / 886 административных), что в **8 раз меньше показателя 2021 г.** – 11 120 правонарушений (1936 / 9184 соответственно)[4].

[4] Отчет о состоянии правоприменительной практики в сфере защиты прав на объекты интеллектуальной собственности в государствах –

Таблица 2. Правонарушения в сфере ИС в ЕАЭС

Правонарушения за 9 лет	РА	РБ	РК	КР	РФ
Объекты патентного права	5		0	2	46
Объекты авторского права и смежных прав	29	982	477	4	11 495
Товарные знаки	59		1 288	330	61 825
Административная ответственность	2	967	1 356	317	57 877
Уголовная ответственность	83	18	579	20	14 929
Количество ОИС в ТРОИС (на 19.11.2025 – **3 762)**	381	51	1 183	250	1 897

(Подготовлена автором на основе данных отчетов Департамента развития предпринимательской деятельности ЕЭК ЕАЭС о состоянии правоприменительной практики в сфере защиты прав на объекты интеллектуальной собственности в государствах – членах ЕАЭС, а также данных ТРОИС на официальных сайтах таможенных органов стран ЕАЭС.)

При этом, если в национальных таможенных реестрах объектов интеллектуальной собственности (ТРОИС) стран ЕАЭС

членах ЕАЭС за 2024 г. – М., 2025. – 97 с.; Отчет о состоянии правоприменительной практики в сфере защиты прав на объекты интеллектуальной собственности в Евразийском экономическом союзе за 2023 г. – М. : ЕЭК ЕАЭС, 2024. – 88 с.; Отчет о состоянии правоприменительной практики в сфере защиты прав на объекты интеллектуальной собственности в Евразийском экономическом союзе за 2022 г. – М. : ЕЭК ЕАЭС, 2023. – 138 с.; Отчет о состоянии правоприменительной практики в сфере защиты прав на объекты интеллектуальной собственности в Евразийском экономическом союзе за 2021 г. – М. : ЕЭК ЕАЭС, 2022. – 103 с.; Отчет о состоянии правоприменительной практики в сфере защиты прав на объекты интеллектуальной собственности в Евразийском экономическом союзе за 2020 г. – М. : ЕЭК ЕАЭС, 2021. – 98 с.

(на 19.11.2025) было зафиксировано **3 762** объекта интеллектуальной собственности, то в Едином ТРОИС с даты его создания в 2010 г. за все 15 лет не появился ни один объект для целей таможенной защиты в рамках единого евразийского рынка (табл. 2).

В то же время в ЕАЭС заявлено о создании нескольких единых реестров высокотехнологичных товаров, где такие объекты интеллектуальной собственности используются: Евразийский реестр промышленных товаров государств – членов ЕАЭС – **66 021 записей** (на 18.11.2025), Единый реестр зарегистрированных лекарственных средств ЕАЭС, Единый реестр сортов с/х растений, Реестр информационных ресурсов государств – членов ЕАЭС, относящихся к информационному обеспечению научно-технической сферы.

Рекомендация. При отсутствии явного интереса стран – участниц ЕАЭС использовать ЕТРОИС для целей таможенной защиты своих национальных интересов целесообразно использовать его для целей таможенной защиты прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные за последние 10 лет в рамках выполнения НИОКТР за счет средств бюджета ЕАЭС (ежегодно до 8–10 млрд рублей), имущественные права на которые могут и должны быть поставлены на баланс в казне ЕАЭС (информация об этом отсутствует). Также в целях повышения эффективности таможенной защиты интеллектуальной собственности необходимо *проведение ежегодного мониторинга и определение индекса контрафактности товаров и последующего их рейтинга в ЕАЭС и СНГ на основе* **ГОСТ 34917-2022** Интеллектуальная собственность. Определение уровня контрафактности товаров на региональном уровне и **ГОСТ 34829-2022** Интеллектуальная собственность. Таможенная защита.

П. Н. Бирюков
заведующий кафедрой международного и евразийского права Воронежского государственного университета

Проблемы таможенной защиты объектов интеллектуальной собственности в праве ЕАЭС

1. Единый таможенный реестр объектов интеллектуальной собственности государств-членов (далее – ЕТРОИС).

В соответствии со ст. 385 ТК ЕАЭС Комиссия ведет Единый таможенный реестр объектов интеллектуальной собственности государств-членов (далее – ЕТРОИС).

Порядок ведения ЕТРОИС определен решением Коллегии ЕЭК от 06.03.2018 № 35 «О ведении единого таможенного реестра объектов интеллектуальной собственности государств – членов Евразийского экономического союза».

В ЕТРОИС включаются: а) объекты авторского права и смежных прав; б) товарные знаки и наименования мест происхождения товаров (далее – НМПТ).

Правообладатель, имеющий достаточные основания полагать, что может иметь место нарушение его прав на ОИС в связи с перемещением товаров через таможенную границу Союза или при совершении иных действий с товарами, находящимися под таможенным контролем, вправе подать заявление о включении ОИС в Единый таможенный реестр.

В заявлении указывается информация о лицах, уполномоченных ввозить/вывозить продукцию с использованием ОИС, примерах контрафактных товаров, отличительных признаках легальной продукции от нелегальной, о сопроводительных документах, которые должны присутствовать при перемещении

легальной продукции через границу. Сведения о товарах формируются с указанием кодов товаров в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС и с указанием класса МКТУ для товарного знака. К заявлению прилагаются документы, подтверждающие наличие права на ОИС (свидетельства, договоры, в том числе о передаче прав и лицензионные, другие документы). В ТРОИС соответствующего государства могут быть внесены только те ОИС, которые обладают правовой охраной на его территории. Перечень сведений не является исчерпывающим. Чем больше и подробнее будет предоставлена информация, тем проще таможенным органам будет выявлять факты нарушений.

Одновременно с заявлением представляется обязательство правообладателя (нескольких правообладателей) о возмещении имущественного вреда, который может быть причинен декларанту, собственнику, получателю товаров или иным лицам в связи с приостановлением выпуска товаров.

В течение 1 месяца со дня направления ему уведомления о возможности включения ОИС в реестр правообладатель обязан представить в Комиссию договор страхования ответственности за причинение имущественного вреда лицам в связи с приостановлением выпуска товаров или иной договор, подтверждающий обеспечение исполнения указанного обязательства. При этом страховая сумма или сумма обеспечения должна превышать 10 тысяч евро по курсу на день заключения договора.

В России, Беларуси и Казахстане госпошлина за внесение в ТРОИС не взимается, а в Кыргызстане и Армении она есть, но ее размер значительно ниже по сравнению с национальными системами патентования.

Документы, в зависимости от требований, установленных в том или ином государстве, могут предоставляться в виде оригиналов или копий, заверенных лицом, их подавшим, уполномоченными органами, выдавшими такие документы, либо засвидетельствованных в нотариальном порядке, или в виде

электронных документов, подписанных электронной подписью.

Сведения, содержащиеся в ТРОИС, размещаются на сайте ЕАЭС и таможенных органов государств-членов.

Порядок взаимодействия таможенных органов государств Союза и Комиссии, заявителей и Комиссии, а также требования к форматам и структурам электронных документов определяются Комиссией (решение Коллегии ЕЭК от 06.03.2018 № 35).

Срок нахождения в Едином реестре – до 2 лет с возможностью продления. Этот срок не может превышать национальный срок охраны данного объекта ИС в стране Союза.

Для чего используется реестр?

1. При пересечении таможенной границы Союза товары, содержащие объекты ИС, сверяются с данными реестра. При выявлении нарушений выпуск товаров приостанавливается для проверки.

2. Для точной идентификации зарегистрированного объекта ИС и его правообладателя в таможенных целях.

3. Для обеспечения поступлений в бюджет таможенных платежей и сборов, поскольку стоимость прав ИС учитывается при их исчислении.

Процедура ведения национальных реестров государств ЕАЭС определена нормативными правовыми актами.

2. Процедура внесения ОИС в ТРОИС на территории государств – членов ЕАЭС.

2.1. Республика Армения.

Процедура внесения ОИС в ТРОИС регулируется Законом Республики Армения от 30 декабря 2014 г. № ЗР-241 «О таможенном регулировании».

Заявление подается в подразделение Комитета государственных доходов (Таможенную службу Республики Армения). Заявление о внесении ОИС в ТРОИС рассматривается в течение

7 рабочих дней. Начало применения мер – через 20 дней после опубликования в сети Интернет.

Обеспечение при включении в таможенный реестр не взимается. В трехдневный срок после получения уведомления о приостановлении выпуска товаров таможенному органу предоставляется залог в установленном им размере или равноценная банковская гарантия. Размер составляет 5 % от таможенной стоимости приостановленных товаров.

Срок нахождения в ТРОИС – до 2 лет с возможностью продления. Взимается госпошлина.

2.2. Республика Беларусь.

Процедура внесения ОИС в ТРОИС нормативно регулируется Законом Республики от 10 января 2014 г. № 129-З «О таможенном регулировании в Республике Беларусь» и Указом Президента Республики Беларусь от 22 декабря 2018 г. № 490 «О таможенном регулировании».

Заявление направляется в ГТК Республики Беларусь. Страховая сумма в качестве обеспечения при включении в таможенный реестр составляет не менее 10 000 евро. Заявление о внесении ОИС в ТРОИС рассматривается в течение 1 месяца с даты поступления в таможенный орган с возможностью продления на 1 месяц. Срок внесения ОИС в ТРОИС не может превышать 2 года с последующей возможностью внесения на новый срок. Госпошлина за внесение ОИС в ТРОИС не взимается.

Интересно отметить, что представителем правообладателя может быть только юридическое лицо или гражданин Республики Беларусь.

2.3. Республика Казахстан.

Процедура регулируется Кодексом Республики Казахстан «О таможенном регулировании в Республике Казахстан» 2017 г., приказом министра финансов Республики Казахстан № 109 «Об утверждении формы и Правил ведения таможенного реестра объектов интеллектуальной собственности» 2018 г.

Заявление направляется в Центральный таможенный орган Республики Казахстан (Комитет государственных доходов Министерства финансов). Страховая сумма в качестве обеспечения при включении в таможенный реестр составляет не менее 1000-кратного размера месячного расчетного показателя (1 МРП – 2 525 тенге). Заявление о внесении ОИС в ТРОИС рассматривается в течение 20 рабочих дней с возможностью продления на 20 рабочих дней.

Срок нахождения в реестре не превышает 2 года с последующей возможностью внесения на новый срок. Госпошлина не взимается.

2.4. Кыргызская Республика.

Процедура регулируется Законом Кыргызской Республики от 24 апреля 2019 г. № 52 «О таможенном регулировании».

Заявление направляется в ГТК Республики. Страховая сумма составляет не менее 7 000 расчетных показателей (1 РП – 100 сом). Заявление о внесении ОИС в ТРОИС рассматривается в течение 1 месяца с возможностью продления на 2 месяца.

Срок нахождения в реестре – до 2 лет с последующим продлением. Госпошлина составляет 1 330 сом.

Основные проблемы использования таможенного реестра объектов интеллектуальной собственности (ТРОИС) включают неактивное участие правообладателей, длительные сроки приостановления выпуска товаров, сложности с расчетом таможенной стоимости и лицензионных платежей, а также истечение срока давности привлечения к административной ответственности.

2.5. Российская Федерация.

Процедура внесения ОИС в ТРОИС нормативно регулируется Административным регламентом ФТС России от 28 января 2019 г. № 131.

Заявление направляется в ФТС России. Страховая сумма в качестве обеспечения при включении в таможенный реестр составляет не менее 500 000 рублей. Интересно: в России,

помимо чисто юридических документов (свидетельств, договоров и т. д.), нужно детальное описание объекта ИС: 1) для объектов авторского права (форма произведения – письменная, звуко- или видеозапись, изображение, объемно-пространственная и другие; его вид – литературное, программа для ЭВМ, музыкальное, дизайн, аудиовизуальное, живопись, скульптура, графика, фото и другие); 2) для объектов смежных прав (подробная форма произведения, его вид); 3) для ТЗ – наименование и описание;4) для НМПТ (подробная справка об ОИС).

Заявление о внесении ОИС в ТРОИС рассматривается в течение 1 месяца с даты поступления в ФТС России с возможностью продления до 2 месяцев. Срок, на который ОИС вносится в ТРОИС, – до 3 лет с возможностью последующего продления на 3 года. Государственная пошлина за внесение ОИС в ТРОИС не взимается.

3. Проблемы, возникающие при использовании ЕТРОИС.

Какие проблемы возникают при использовании ЕТРОИС.

1. В ЕТРОИС (как, впрочем, и в национальных реестрах) сейчас практически одни товарные знаки. Очень мало объектов авторских и смежных прав, а также НМПТ. Государства Союза не до конца используют возможности реестров. Между тем в таможенной стоимости товаров учитываются суммы лицензионных платежей, в том числе оплаченных или подлежащих оплате лицензиару, если это является обязательным условием сделки по поставке товаров на таможенную территорию Союза (п. 7 ст. 40 ТК ЕАЭС).

2. В Российской Федерации (ст. 4.5 КоАП) общий срок давности для привлечения к административной ответственности (2 года) короче, чем срок, в течение которого может осуществляться таможенный контроль после выпуска товаров с ОИС (3 года, иногда до 5 лет). Максимальный срок давности для юридических лиц в Армении – до 2 лет (КоАП), в Беларуси –

до 3 лет (глава 14 КоАП), в Казахстане – до 3 лет (ст. 62 КоАП), в Кыргызстане – до 1 года (ст. 48 КоП).

Нужно подумать о совершенствовании законодательства.

3. Правообладатели неактивно участвуют в приостановлении выпуска контрафактного товара, что затягивает саму процедуру.

4. Длительные сроки экспертизы. Процедуры отбора проб (3 дня) + экспертизы (от 20 рабочих дней до 4 месяцев со дня поступления материалов эксперту) могут занимать много времени, что затрудняет быстрое реагирование на нарушение. Время, необходимое для подтверждения факта контрафакта, часто превышает сроки приостановления выпуска товара (от 10 до 20 рабочих дней).

5. Разница в правовом статусе ОИС в разных странах Союза. В ГК России есть географические указания, но в Единый реестр они не включаются. В Армении зарегистрировано всего одно НМПТ «Севанская форель» (оно не в Едином реестре), но зато есть такая категория, как «Гарантированные традиционные продукты». В Казахстане зарегистрировано всего 4 НМПТ, в Кыргызстане – 1. Маловато будет. Ни одного из них нет в Едином реестре.

6. Сложности с идентификацией ОИС, не содержащих текстовых знаков. Проблема изобразительных ОИС (например, изображение персонажей, на которые есть авторские права, товарные знаки, которые состоят только из изображений). В итоге затруднена идентификация изображений и правообладателей.

7. Различия в компетенции у госорганов стран ЕАЭС в сфере защиты прав ИС. В частности, патентные ведомства Армении (Агентство интеллектуальной собственности при Минэкономики) и Кыргызстана (Государственное агентство интеллектуальной собственности и инноваций при Кабмине) не вправе применять административные наказания за нарушения прав ИС. В Армении, Казахстане, Кыргызстане и России

таможенные органы вправе приостанавливать выпуск товаров, содержащих ОИС, не включенных в реестр, но имеющих признаки контрафактности. Таких полномочий, насколько мне известно, нет у ГТК Беларуси.

Заключение

Какие выводы можно сделать?

1. Меры по защите прав на ОИС позволяют повысить эффективность проведения таможенного контроля товаров, содержащих ОИС, увеличить доходную часть бюджета, сократить поступление контрафакта.

2. Важно привести законы государств Союза в соответствие с международными нормами – ТК ЕАЭС и решением ЕЭК, а также исключить разночтения в их толковании.

3. Сам Единый реестр требует развития в части: а) упрощения процедуры включения ОИС в реестр; б) расширения перечня охраняемых ОИС (в частности, ГУ).

4. Нужно улучшить межведомственное взаимодействие внутри каждой страны (таможня – налоговая служба – патентные ведомства – ЦБ и т. д.), а также кооперацию с правообладателями и их объединениями.

5. Нужна информационная система, объединяющая национальные реестры с ЕТРОИС.

6. Необходимо постоянное обучение сотрудников таможенных органов по вопросам ИС, а также ознакомление их с новыми методами выявления контрафакта.

7. Нужно развивать борьбу с электронной контрабандой, совершенствовать механизмы защиты прав ИС в сфере электронной торговли, в том числе с использованием цифровых платформ и онлайн-сервисов.

Е. С. Орлова
советник экспертно-аналитического отдела
Секретариата Суда Евразийского экономического союза

Применение Судом ЕАЭС принципа правовой определенности при проверке решений Комиссии о классификации отдельных видов товаров

Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. (далее – Договор о ЕАЭС) является результатом сложного компромисса между государствами-участниками и содержит немало элементов, придающих ему определенную гибкость. Эти элементы в интересах обеспечения правовой определенности нуждаются в официальном разъяснении, способном обеспечить их единообразное понимание и применение как органами Союза, так и государствами-членами.

В этой связи Суд ЕАЭС, реализуя свою основную функцию – обеспечение единообразного применения права Союза на территории всего евразийского интеграционного объединения, выступает важнейшим элементом, способствующим формированию единого правопорядка ЕАЭС, обеспечивая правовую определенность, последовательность правоприменительной практики и предсказуемость правового регулирования для стран-участниц и участников экономической деятельности. Такое единообразное применение служит интересам всего Союза, государств-членов и участников экономической деятельности, поскольку формирует и позволяет применять общие «правила игры» как внутри самого

интеграционного объединения, так и во взаимоотношениях с третьими странами[1].

Важным элементом достижения единообразия при применении права Союза является принцип правовой определенности. Особое значение он приобрел в сфере таможенного регулирования. Представляется, что закрепление принципа правовой определенности в качестве общего принципа права Союза, а также формирование практики его применения произошло именно в делах в сфере таможенных правоотношений в связи с тем, что дела, связанные с классификацией товаров в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС, долгое время являлись наиболее популярной и востребованной категорией дел в Суде ЕАЭС в первое десятилетие его функционирования. Кроме того, в последние годы в практике Суда ЕАЭС стали появляться дела, связанные с вопросами таможенной стоимости товаров.

Решения ЕЭК имеют нормативно-правовой характер, т. е. устанавливают общеобязательные, формально-определенные правила поведения, из которых вытекают права и обязанности участников общественных отношений, чьи действия данные правила призваны регулировать в качестве образца поведения[2]. Согласно п. 3 ст. 6 Договора о ЕАЭС решения органов Союза не могут противоречить самому Договору или международным договорам в рамках Союза. Поэтому проверка решений Комиссии на соответствие принципу правовой определенности в свете их нормативно-правового характера, прямого действия

---

[1] H.-J. Blake, S. Mangiameli (eds.), Treaty on the Functioning of the European Union – A Commentary, Springer Commentaries on International and European Law. – Vol. I: Preamble, Articles 1–89. – 2021. – P. 719.

[2] Пункт 2 раздела 3 «Выводы Суда» консультативного заключения от 31 октября 2019 г. по делу Р-3/19 о безопасности колесных транспортных средств. – URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-3.19/ (дата обращения: 10.06.2026).

и непосредственного применения на территории всего Союза играет большую роль в обеспечении единообразного применения права Союза как одной из основных целей его функционирования. Именно поэтому принцип определенности играет особую роль в практике Суда ЕАЭС.

Правовая определенность выступает необходимым условием реализации верховенства права на пространстве ЕАЭС. Как следует из доктрины, принцип правовой определенности является одним из основополагающих элементов верховенства права, в соответствии с которым субъекты права должны иметь возможность знать содержание действующих правовых норм, чтобы иметь возможность планировать свои действия соответствующим образом[3]. Именно принцип правовой определенности позволяет оценить, отвечает ли решение Комиссии требованиям ясности, недвусмысленности, обоснованности и предсказуемости, необходимым для его единообразного применения на всей территории Союза[4].

Несоблюдение принципа правовой определенности, неопределенность содержания правовой нормы допускает возможность неограниченного усмотрения в процессе правоприменения и ведет к произволу, а значит, к нарушению принципа верховенства права[5]. Следовательно, данный принцип можно рассматривать как фактор, обеспечивающий последовательность

---

[3] Tridimas Takis. Legal Certainty and Protection of Legitimate Expectations / Tridimas Takis // The General Principles of EU Law. – Oxford, 2006. – P. 242.

[4] См. Чайка, К. Л. Правовая определенность как критерий действительности решений о классификации отдельных видов товаров в интеграционных объединениях / К. Л. Чайка // Вестник Российской таможенной академии. – 2022. – № 1. – С. 62.

[5] Постановление КС РФ от 11 ноября 2003 г. № 16-П; постановление КС РФ от 25 апреля 1995 г. № 3-П.

и предсказуемость результатов экономической деятельности на территории интеграционного объединения.

Договор о ЕАЭС прямо не закрепляет принцип правовой определенности. Правовая определенность была выделена в качестве самостоятельного общего принципа права ЕАЭС в практике Суда. При этом данный принцип является производным от принципа защиты прав человека и основных свобод, который проистекает из конституционных традиций государств-членов[6].

Суд ЕАЭС обращается к принципу правовой определенности при толковании права Союза, закрепляя его в качестве общего принципа права Союза последовательно. Наиболее часто данный принцип применялся в делах о функционировании Таможенного союза, в частности, в делах об оспаривании решений Комиссии по вопросам классификации отдельных видов товаров. Это связано с особенностью данного вида правоотношений. Так, цель решения Комиссии о классификации – дать возможность хозяйствующим субъектам сделать однозначный выбор кода ТН ВЭД ЕАЭС. При этом за Комиссией закрепляется обязанность в решении о классификации детализировать общие характеристики и свойства товара, позволяющие соотнести его с наименованием конкретной субпозиции ТН ВЭД ЕАЭС, текстами примечаний и пояснений. Наличие неопределенности в таких решениях наносит ущерб целям и объекту Договора о ТК ЕАЭС, правам и законным интересам хозяйствующих субъектов, осуществляющих внешнеэкономическую деятельность.

Впервые Суд ЕАЭС обратился к принципу правовой определенности в деле *С-5/15 Севлад*, в котором хозяйствующий субъект оспаривал решение Коллегии ЕЭК от 6 ноября 2014 г. № 197 «О классификации кормовой добавки для животных по ТН ВЭД», при определении *locus standi* истца. Как указал Суд, в соответствии с принципом правовой определенности решение

[6] Чайка, К. Л., Правовая определенность как критерий... – С. 62

Комиссии или его отдельные положения могут признаваться непосредственно затрагивающими права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, в том числе когда соответствующее решение применяется к конкретному хозяйствующему субъекту в связи с его хозяйственной деятельностью[7].

В деле *С-1/19 Шиптрейд* Коллегия Суда ЕАЭС определила содержание принципа, указав на то, что решения Комиссии должны соответствовать требованиям определенности, ясности и недвусмысленности правового регулирования, что вытекает из общих принципов международного права[8]. В решении Комиссии, оспариваемом в указанном деле, не были детализированы общие характеристики и особенности отдельного вида товара, позволяющие соотнести его с наименованием конкретной субпозиции ТН ВЭД ЕАЭС, текстами примечаний и пояснений.

В деле *С-2/21 Доминантафарм* Суд впервые применил принцип правовой определенности в качестве самостоятельного критерия оценки соответствия решения Комиссии праву Союза. Коллегия Суда ЕАЭС прямо указала на несоблюдение Комиссией принципа правовой определенности в форме отсутствия в оспариваемом решении ЕЭК классифицирующих признаков, влияющих на определение кода товарной номенклатуры[9], т. е. применила данный принцип в качестве стандарта, на

---

[7] Абзац 1 пункта 6.2 решения Коллегии Суда ЕАЭС по делу С-5/15 Севлад. – URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/C-5.15/ (дата обращения: 11.05.2026).

[8] Пункт 5.7 решения Коллегии Суда ЕАЭС от 18 июня 2019 года по делу С-1/19 Шиптрейд. – URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/C-1.19/ (дата обращения: 10.04.2026).

[9] Пункт 5.4 решения Коллегии Суда ЕАЭС от 19 мая 2021 г. по делу С-2/21 Доминантафарм. – URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/C-2.21/ (дата обращения: 10.04.2026).

соответствие которому осуществляется проверка решений Комиссии. Как отметила Апелляционная палата Суда в том же деле, основополагающим признаком соответствия решения Комиссии принципу правовой определенности является содержание правовых норм и аргументированность текста решения[10]. Кроме того, в данном деле был сформулирован важный тест на соответствие решения Комиссии принципу правовой определенности. Так, «формулировки решения Комиссии должны быть четкими, точными и однозначными, не допускающими возможности неединообразного применения, в том числе вследствие невозможности установления их точного содержания»[11].

В деле *С-6/21 ИП Фельбуша* Коллегия Суда ЕАЭС также применила принцип правовой определенности при оценке действительности решения Комиссии о классификации отдельного вида товара[12], что указывает на устойчивость сложившегося подхода.

В деле *С-5/24 БГ-ТУЛС-МСИ* Коллегия Суда ЕАЭС указала, что несоблюдение принципа правовой определенности рассматривается Судом в качестве самостоятельного основания для признания решения Комиссии не соответствующим праву Союза[13].

---

[10] Пункт 4.5 решения Апелляционной палаты Суда от 16 июля 2021 г. по делу С-2/21 Доминантафарм. – URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/C-2.21/ (дата обращения: 10.04.2026).

[11] Там же.

[12] См. решение Коллегии Суда ЕАЭС от 1 ноября 2021 г. по делу С-6/21ИП Д. Ю. Фельбуш. – URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/C-6.21/ (дата обращения: 10.04.2026).

[13] Абзац 2 п. 5.8 решения Коллегии Суда ЕАЭС от 11 сентября 2024 г. по делу С-5/24 БГ-ТУЛС-МСИ. – URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/C-5.24/ (дата обращения: 10.04.2026).

В деле *С-10/24 Порше Руссланд* Суд ЕАЭС закрепил за принципом правовой определенности статус общего принципа права Союза[14].

Изложенная практика Суда ЕАЭС демонстрирует, что принцип правовой определенности занял важное место в каталоге общих принципов права Союза, к которым относятся принципы пропорциональности, правовой определенности, законных ожиданий, добросовестного сотрудничества, *non bis in idem*, право на защиту и принцип обеспечения верховенства конституционных прав и свобод человека и гражданина[15].

Такая практика Суда ЕАЭС соотносится с подходами, сформированными в практике Суда Европейского союза, где принцип правовой определенности имеет особенно широкое применение при рассмотрении вопросов, связанных с таможенными

---

[14] Решение Апелляционной палаты Суда ЕАЭС от 17 марта 2025 г. по делу С-10/24 Порше Руссланд. – URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/C-10.24/ (дата обращения: 10.04.2026).

[15] Кадышева, О. В. Общие принципы права Европейского союза и принципы права Евразийского экономического союза через призму международного права / О. В. Кадышева // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2025. – Т. 21, № 6. – С. 89.

См. также Сборник правовых позиций Суда Евразийского экономического союза (по состоянию на 31 декабря 2025 г.). – URL: https://courteurasian.org/upload/iblock/ac2/zjpey4sjlu0qt1db4i4hdokmufcuelaw/%D0%A1%D0%B1%D0%BE%D1%80%D0%BD%D0%B8%D0%BA%20%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D1%85%20%D0%BF%D0%BE%D0%B7%D0%B8%D1%86%D0%B8%D0%B9%20%D0%A1%D1%83%D0%B4%D0%B0%20(%D0%BA%D0%BE%D0%BC%D0%BF%D0%B5%D0%BD%D0%B4%D0%B8%D1%83%D0%BC)%20%D0%BF%D0%BE%20%D1%81%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%8F%D0%BD%D0%B8%D1%8E%20%D0%BD%D0%B0%2031.12.2025.pdf (дата обращения: 10.04.2026).

правоотношениями, в том числе в делах, требовавших толкования Комбинированной номенклатуры Европейского союза (КН ЕС)[16].

Выводы

Таким образом, принцип правовой определенности получил постепенное развитие и постепенно закрепился в каталоге общих принципов права Союза через практику Суда ЕАЭС. Если первоначально данный принцип использовался в качестве вспомогательного инструмента толкования права Союза, то впоследствии он постепенно трансформировался в общий принцип права Союза и самостоятельный критерий судебного контроля решений Евразийской экономической комиссии. При этом процесс закрепления принципа правовой определенности в правопорядке Союза получил наиболее заметное развитие в делах в сфере таможенных правоотношений.

[16] Tridimas Takis. Legal Certainty and Protection of Legitimate Expectations / Tridimas Takis // The General Principles of EU Law. – Oxford, 2006. – P. 245.

Сессия III
Общие правила конкуренции на трансграничных рынках Евразийского экономического союза

М. Л. Ермолович
член Коллегии (министр) по конкуренции и антимонопольному регулированию Евразийской экономической комиссии

Направления совершенствования защиты конкуренции в ЕАЭС

(Стенограмма)

За 10 лет своей деятельности Суд ЕАЭС накопил значительный объем правовых позиций, которые нашли отражение в решениях и консультативных заключениях. Правовая определенность в важных вопросах функционирования ЕАЭС содействует единому пониманию экономическими субъектами нашего Союза своих прав и обязанностей.

В своей правоприменительной практике, а также в вопросах совершенствования права Союза опираемся на решения Суда и его заключения. К настоящему времени Судом принято более 14 решений, которые напрямую касаются вопросов конкуренции, государственных закупок и повлияли на изменение права Союза.

Приведу наиболее значимые для правоприменителя позиции.

Информированность субъекта об инкриминируемом ему нарушении общих правил конкуренции. Судом ЕАЭС при рассмотрении нашего решения по переквалификации при рассмотрении дела о нарушении общих правил конкуренции указано на необходимость информирования субъекта о переквалификации. В праве Союза предусматриваем процессуальную процедуру по информированию субъекта об итоговой квалификации. Изменение обеспечит информированность субъекта и возможность отстаивать свои законные права и интересы.

Кроме того, в праве Союза уточнили понятие длящегося нарушения. Это создало для участников процесса правовую определенность.

Судом ЕАЭС принято решение о возможности выдачи Комиссией предупреждений на всех процессуальных стадиях: рассмотрение заявления, проведение расследования, рассмотрение дела, что обеспечивает равные правовые гарантии для всех субъектов антимонопольного контроля.

Важный аспект – взыскание штрафов за установленное нарушение и за невыполнение обязательных для исполнения поведенческих условий, указанных в решении Коллегии Комиссии по делам о нарушении общих правил конкуренции. Идет процесс формирования законодательства государств – членов Союза и их правоприменительной практики по вопросам взыскания штрафов за нарушение общих правил конкуренции на основании решений Комиссии.

Ключевая на сегодняшний день проблема – ситуация, которая возникла на практике, и связана она с обращением физического лица с жалобой на решение Коллегии Комиссии в Суд ЕАЭС. Принято консультативное заключение Суда ЕАЭС о том, что на сегодняшний день право Союза и Статут Суда не позволяют рассматривать обращения физических лиц об оспаривании решений Коллегии Комиссии. Начался стандартный правотворческий процесс внесения соответствующих изменений в право Союза с целью обеспечения возможности для физических лиц обжаловать действия (бездействие) Комиссии, решения Коллегии Комиссии по вопросам антимонопольного регулирования. Ожидаем, что уже в следующем году нам удастся принять решение о внесении изменений в Договор и предоставить физическим лицам право на обжалование решений Коллегии Комиссии. Отмечу, что с момента выявления проблемы и до сегодняшнего дня у нас нет новых решений о нарушении, принятых в отношении физических лиц.

В последнее время в правоприменительной деятельности все чаще задействуем механизм мягкого реагирования. Практика выдачи предупреждений эффективна: порядка 85 % выданных предупреждений исполнены в полном объеме (статистика за последние два года).

Вопрос разграничения компетенции в сфере конкуренции Комиссии и национальных антимонопольных органов ключевой в нашей деятельности. Мы в своей работе всегда апеллируем к тем делам, которые были рассмотрены Судом ЕАЭС, по которым были вынесены решения. В частности, по вопросам трансграничного рынка мы ориентировались на решение по делу «Дельрус». Например, в рамках единообразного применения критериев отнесения рынка к трансграничному Суд ЕАЭС неоднократно высказывал позицию о первостепенности географического критерия при определении компетенции Комиссии на пресечение нарушений общих правил конкуренции. Сделан акцент на отсутствии в праве Союза такого дополнительного признака трансграничности товарного рынка, как установление его двусторонней проницаемости.

Дополнительно отмечу вопросы, которые носят фундаментальный характер для права ЕАЭС.

Первый – право обращаться в Суд ЕАЭС физических лиц. Вопрос относительно достаточности внесения изменений только по вопросам конкурентного права. Целесообразно посмотреть на эту проблему шире, с точки зрения защиты обеспечения прав и свобод граждан ЕАЭС.

Второй – вопрос возмещения ущерба, нанесенного антиконкурентным поведением субъектов рынка. Вопрос носит дискуссионный характер. Налагаемые ЕЭК штрафы достаточно высоки, тем не менее не являются значимым основанием для субъекта-монополиста устранять нарушения конкурентного законодательства. Посмотрели на возможности гражданско-правового процесса. Выяснилось, что субъекты на основании решений

Коллегии Комиссии о нарушении не обращаются в национальные суды за возмещением ущерба, причиненного антиконкурентными действиями на трансграничных рынках.

Казахстанские коллеги высказались о необходимости урегулирования вопроса возможности для потерпевших обращаться в суд за возмещением ущерба в результате нарушения общих правил конкуренции. Наша задача – внести ясность, как и куда должен обращаться пострадавший субъект за возмещением вреда, причиненного антиконкурентными действиями на трансграничных рынках.

Блок по конкуренции готовит информационное письмо, которое на основании норм национального законодательства и Кишиневской конвенции будет разъяснять порядок обращения за возмещением ущерба применительно к вопросам о нарушении правил конкуренции на трансграничных рынках. С учетом единства экономического пространства ЕАЭС целесообразно обсуждение вопроса: может быть, Суду ЕАЭС рассматривать споры, связанные с возмещением ущерба, причиненного антиконкурентными действиями на трансграничном рынке? Вопрос очень серьезный. Это перераспределение компетенции между национальными судами и Судом ЕАЭС. Тем не менее напрямую связан с теми решениями, которые Комиссия выносит в своей практической деятельности. Единая система позволила бы выстроить единообразную практику таким категориям дел. Само по себе наличие кейсов, связанных с возмещением ущерба, подтолкнуло бы к более жесткой дисциплине субъектов и соблюдению ими конкурентного права ЕАЭС.

Благодарю за внимание.

А. Б. Кишкембаев
заместитель Председателя
Суда Евразийского экономического союза

Некоторые аспекты правовых позиций Суда ЕАЭС по антимонопольным спорам

(Тезисы выступления)

Уважаемые участники конференции!

Приветствую участников тематической сессии по вопросам защиты конкуренции!

Эта тема является традиционной для нашего мероприятия и неизменно вызывает большой интерес, поскольку дела соответствующей категории чаще других встречаются в практике Суда ЕАЭС и Евразийской экономической комиссии (ЕЭК).

Регулярное обсуждение возникающих проблем толкования и применения конкурентного права чрезвычайно важно для выработки общего понимания особенностей правового регулирования и формирования единых подходов в деятельности антимонопольных органов государств – участников Союза по поддержке здоровой конкуренции, созданию условий для благополучного развития национальных экономик.

Именно такая необходимость определяет содержание правовых позиций ЕЭК и Суда ЕАЭС как наднациональных органов, призванных пресекать нарушения общих правил конкуренции на трансграничных рынках.

В деятельности ЕЭК и Суда ЕАЭС имеется немало ярких примеров, свидетельствующих об их роли в формировании единообразного толкования, применения и развития конкурентного права Союза. Среди них в первую очередь называют

консультативные заключения Большой коллегии Суда ЕАЭС о разъяснении норм Договора о ЕАЭС по вопросам определения трансграничного рынка, незаконной координации экономической деятельности.

Я бы отметил, в частности, правовые позиции Суда ЕАЭС о том, что к исключительной компетенции ЕЭК относится рассмотрение действий, нарушающих одновременно законодательство на внутреннем и трансграничном рынке. Важно отметить выводы Большой коллегии о том, что исключается возможность одновременного осуществления контроля за соблюдением общих правил конкуренции ЕАЭС уполномоченными органами государств – участников Союза и ЕЭК.

В целом полагаю, что уже на нынешнем этапе формирования практики применения наднациональных антимонопольных запретов необходимо уделять внимание повышению эффективности взаимодействия ЕЭК с национальными антимонопольными органами стран – участниц ЕАЭС.

В контексте влияния правовых позиций Суда ЕАЭС на нормотворческую деятельность и правоприменительную практику ЕЭК и государств – членов Союза наглядным примером, конечно же, остается дело «О тарифах на железнодорожные перевозки» по заявлению Министерства транспорта и дорог Кыргызской Республики. Консультативное заключение Суда ЕАЭС, состоявшееся ровно 8 лет назад, 20 ноября 2017 г., послужило основанием для решения вопроса о применении унифицированного железнодорожного тарифа при перевозке грузов в/из южного и северного регионов Кыргызстана, следующих через территории Казахстана и Узбекистана.

Не менее важную роль в обеспечении единообразного антимонопольного регулирования на пространстве ЕАЭС сыграло и принятое Судом ЕАЭС консультативное заключение от 13 ноября 2024 г. по заявлению Агентства по защите и развитию конкуренции Республики Казахстан.

Выводы Суда о соотношении понятий «государственные (муниципальные) закупки» и «товарный рынок» на трансграничном рынке, о полномочиях ЕЭК по пресечению фактов установления, поддержания на трансграничных товарных рынках монопольно высокой или монопольно низкой цены товаров (работ, услуг) хозяйствующим субъектом, занимающим доминирующее положение, независимо от формы приобретения этих товаров (работ, услуг), были сделаны с учетом оговорки о том, что «пресечение нарушений общих правил конкуренции на трансграничных рынках осуществляется Комиссией в каждом случае с учетом всех обстоятельств, в порядке, предусмотренном Протоколом об общих принципах и правилах конкуренции (приложение № 19 к Договору)».

При этом, как известно, Большая коллегия Суда, основываясь на том, что ЕЭК в отдельном частном случае может принять решение, подлежащее оспариванию в Суде ЕАЭС, воздержалась от комментариев по вопросу о возможности проверки установления монопольно высокой цены при осуществлении закупки из одного источника или у единственного поставщика.

Такой осторожный подход, на мой взгляд, вызывает вопросы и с точки зрения ценности правовых позиций наднационального суда, и с точки зрения перспективы развития таких инструментов, как консультативное заключение или преюдициальный запрос.

Кстати, аналогичного характера дискуссии о пределах рассмотрения дела в Суде ЕАЭС возникают достаточно часто. Более осторожный подход связан с тем, что выводы консультативного заключения, запрашиваемого в результате конкретной правовой ситуации, в последующем могут быть подвергнуты сомнению при обращении в ЕЭК и возникновении судебного спора с ЕЭК. Однако здесь важно, на мой взгляд, понимать, что в основе любого обращения в суд, в том числе о даче разъяснения, всегда

лежит правовая несогласованность, разночтение в толковании правовых норм.

Как отмечает экс-судья Суда ЕАЭС Т. Н. Нешатаева, «современный международный суд в процессе толкования статутных норм вырабатывает правовые позиции, определяющие применение норм права. Доктрина выделяет два основных способа судебного толкования – статичный (также именуемый в науке консервативным) и динамичный (более известный как "судебный активизм")»[1]. При динамичном толковании «добавляется изучение судом результата действия нормы права не только в прошлом, но и на будущее время. Прочтение на будущее время предполагает уяснение правила таким образом, чтобы конкретизировать его применительно к новым обстоятельствам, которые отсутствовали в момент создания нормы, и, следовательно, дополнить правилом, рассчитанным на эти обстоятельства»[2]. Далее, отмечая, что в консультативном заключении Суд ЕАЭС «формулирует свою позицию с целью упорядочить общественные отношения, так как задача Суда – обеспечение единообразного правоприменения», автор предлагает расширить круг лиц, имеющих право запрашивать консультативное заключение.

По мнению Т. Н. Нешатаевой, «прежде всего такое право должно быть у национальных судей: практика Европейского союза в этом вопросе представляется достаточно успешной и может служить моделью взаимоотношений судов в ЕАЭС»[3].

---

[1] Нешатаева, Т. Н. Суд Евразийского экономического союза: от правовой позиции к действующему праву / Т. Н. Нешатаева // Международное правосудие. – 2017. – № 2 (22). – С. 64–79. – URL: https://academia.ilpp.ru/wp-content/uploads/2021/10/MP2222017-064-079-Neshataeva.pdf. (дата обращения: 10.01.2026).

[2] Там же. – С. 69.

[3] Там же. – С. 72.

Полагаю, что именно способность международных судов «толкования на будущее», когда правовой вопрос еще только возник, но не перерос в конкретный правовой спор, определяет востребованность и авторитет их консультативных (преюдициальных) заключений.

С этих позиций мной было выражено мнение, что было бы востребованным дополнить данное Судом ЕАЭС разъяснение компетенции органа антимонопольного регулирования в ЕАЭС правовыми позициями, основанными на взаимосвязанном толковании норм Договора, Протокола о общих принципах и правилах конкуренции (приложение № 19 к Договору), Протокола о порядке регулирования закупок (приложение № 25 к Договору), Методики оценки состояния конкуренции.

Так, нормы права Союза о конкуренции и о закупках определяют участников закупок как субъектов, действующих на одном товарном рынке, а условия обращения товара подлежат оценке при определении продуктовых границ рынка в каждом конкретном случае, причем условия конкурсного отбора поставщиков товара для государственных и муниципальных нужд расцениваются в качестве барьера для входа на товарный рынок.

Пункт 3 ст. 76 Договора предусматривает правовой запрет на соглашения между хозяйствующими субъектами (субъектами рынка) государств-членов, являющимися конкурентами, действующими на одном товарном рынке, которые приводят или могут привести к повышению, снижению или поддержанию цен на торгах. Такой подход полностью согласуется с содержанием подп. 1 п. 1 ст. 76 Договора, которым установление, поддержание монопольно высокой или монопольно низкой цены товара выведено в самостоятельное деяние, квалифицируемое в качестве нарушения в области конкуренции (но не в области закупок).

В то же время действия хозяйствующего субъекта, осуществляемые в качестве участника закупок, в случае осуществления

закупок у одного источника или у единственного поставщика не могут быть отнесены к сфере оценки уполномоченным органом на предмет соблюдения ст. 76 Договора.

Учитывая, что определение обоснованной цены товара при таком способе закупок осуществляет заказчик, причем сам способ закупки у одного источника либо у единственного поставщика вызван отсутствием конкуренции между поставщиками на товарном рынке, при таком способе закупок не может быть осуществлено выявление монопольно высокой цены.

Соответственно, определение/выявление монопольно высокой цены в случае осуществления закупок из одного источника либо у единственного поставщика (исполнителя, подрядчика) не может быть предметом контрольных полномочий уполномоченных органов в сфере конкуренции. Компетенция таких органов по выявлению нарушения общих правил конкуренции, выразившегося в установлении, поддержании монопольно высокой или монопольно низкой цены товара, реализуется посредством исследования товарных рынков в целом и поведения поставщиков на конкретных рынках.

Говоря о компетенции органов антимонопольного регулирования, следует особо остановиться на том, что для осуществления контрольных функций они должны прямо и недвусмысленно наделяться соответствующими полномочиями. Так, в рассматриваемом случае применительно к ЕЭК предусмотренная в п. 9 раздела III Протокола об общих принципах и правилах конкуренции компетенция Комиссии на пресечение нарушений общих правил конкуренции на трансграничных рынках не может рассматриваться как наделение ее полномочиями по установлению монопольно высокой цены при осуществлении закупок у одного источника (или единственного поставщика) в силу следующего.

Согласно п. 2 ст. 8 Договора органы Союза действуют в пределах полномочий, которые предоставлены им настоящим

Договором и международными договорами в рамках Союза. Пункт 3 ст. 18 Договора требует определения компетенции Комиссии в соответствующем положении.

Согласно п. 3 Положения о ЕЭК Комиссия осуществляет свою деятельность в ряде сфер, определенных Договором и международными договорами в рамках Союза, включая сферу естественных монополий и сферу государственных (муниципальных) закупок, исключительно в пределах полномочий, предусмотренных Договором и международными договорами в рамках Союза.

Как показывает анализ положений п. 7 ст. 76 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. (Договор), раздела III Протокола об общих принципах и правилах конкуренции (приложение № 19 к Договору), раздела IV Протокола о порядке регулирования закупок (приложение № 25 к Договору), у ЕЭК отсутствует прямая компетенция устанавливать монопольно высокую цену при проведении закупок.

Таким образом, изложенные выше нормы ст. 8 и ст. 18 Договора исключают наличие у ЕЭК и других органов Союза подразумеваемых полномочий, а п. 42 Статута Суда (приложение № 2 к Договору) запрещает наделение органов Союза дополнительной компетенцией, помимо той, которая прямо предусмотрена Договором и (или) международными договорами в рамках Союза.

Такой же подход к определению компетенции антимонопольных органов действует и в национальном законодательстве государств – участников ЕАЭС.

Говоря о принципах правового регулирования на наднациональном уровне, важно обратиться к п. 1 ст. 88 Договора, которым развитие конкуренции определено как одно из целей и принципов регулирования в сфере государственных (муниципальных) закупок, при этом правовые механизмы их реализации регламентированы специальными нормами Договора.

Анализ норм права ЕАЭС о санкциях за нарушение общих правил конкуренции дает понимание деяний, которые отнесены к сфере контроля и оценки со стороны Комиссии в качестве нарушающих общие правила конкуренции. Они предполагают наличие возможности для самостоятельности хозяйствующих субъектов при осуществлении действий на товарном рынке.

Деяние, квалифицируемое как нарушение правил конкуренции на трансграничном рынке, выражается в форме неправомерного волевого поведения физических и юридических лиц, которое вызывает негативные правовые последствия в отношении условий обращения товаров на товарном рынке (за исключением финансовых рынков), охватывающем территории двух и более государств-членов.

Подпункт 8 п. 2 раздела I Протокола об общих принципах и правилах конкуренции (приложение № 19 к Договору) определяет конкуренцию как состязательность хозяйствующих субъектов (субъектов рынка), при которой самостоятельными действиями каждого из них исключается или ограничивается возможность каждого из них в одностороннем порядке воздействовать на общие условия обращения товаров на соответствующем товарном рынке.

При осуществлении закупок из одного источника либо у единственного поставщика (исполнителя, подрядчика) у последнего отсутствует возможность установления цены выше цены заказчика. При таком способе закупки установление, поддержание монопольно высокой или монопольно низкой цены товара хозяйствующим субъектом (субъектом рынка), занимающим доминирующее положение, не представляется возможным.

Следует отметить, что правовая регламентация контроля над ценой закупок, осуществляемых из одного источника, имеет свои особенности в странах ЕАЭС, поскольку правом Союза регулирование закупок отнесено к сфере национального регулирования.

Так, согласно п. 1 ст. 88 Договора и п. 35 Протокола о порядке регулирования закупок (приложение № 25 к Договору) в этой

области регулирования проводится скоординированная политика, тогда как в соответствии с п. 4 ст. 74 Договора государства-члены проводят согласованную конкурентную (антимонопольную) политику в отношении действий хозяйствующих субъектов (субъектов рынка) третьих стран, если такие действия могут оказать негативное влияние на состояние конкуренции на товарных рынках государств-членов. Это послужило еще одним весомым аргументом в обоснование позиции о пределах компетенции антимонопольных органов в области конкуренции и в отношении закупок.

Необходимо отметить, что изложенные правовые обоснования были восприняты в практике судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Республики Казахстан при рассмотрении конкретного судебного кейса.

Кстати, это не единственный случай обращения к актам Суда ЕАЭС в качестве источника толкования права Союза. К примеру, в 2023 г. Специализированный межрайонный экономический суд г. Алматы по делу «Ратиофарм Казахстан» признал обязательность данного Судом ЕАЭС толкования права Союза.

Несколько абстрагируясь от вопросов защиты конкуренции, хотел бы развить вопрос об усилении роли правовых позиций Суда ЕАЭС через развитие института судебного прецедента.

Для национальных судов государств – членов Союза право обращаться с преюдициальными запросами прежде всего дало бы возможность поставить перед Судом ЕАЭС вопросы, связанные с толкованием положений права Союза, которые будут непосредственно применяться национальными судами при рассмотрении конкретных дел.

Кроме того, при наличии, например, у национальных судов в рамках рассмотрения дел обоснованных сомнений в законности применяемого решения ЕЭК обращение с преюдициальным запросом предоставит национальному суду возможность поставить перед Судом Союза вопрос о соответствии решения Комиссии праву Союза и возможности его применения.

Ранее на евразийском пространстве компетенцией на рассмотрение преюдициальных запросов высших органов судебной власти государств – членов Таможенного союза и Единого экономического пространства был наделен Суд ЕврАзЭС. Он был уполномочен выносить решения по вопросам применения международных договоров, заключенных в рамках Таможенного союза и Единого экономического пространства, актов Комиссии, затрагивающих права и законные интересы хозяйствующих субъектов, если эти вопросы существенно влияют на разрешение дела по существу.

Стоит отметить, что идея обращения судов за разъяснением не чужда нашим национальным правовым системам. Конституционные суды государств – членов ЕАЭС (за исключением Республики Беларусь) уже рассматривают запросы от судов общей юрисдикции о проверке конституционности нормативных правовых актов. Это позволяет избежать применения неконституционного акта на стадии рассмотрения дела. В этом аспекте деятельность Суда Союза и конституционных судов носит схожий характер. Отличие заключается в том, что Суд Союза обладает компетенцией нормоконтроля в отношении актов права Союза, а конституционные суды – в отношении актов национального законодательства.

Как отмечают исследователи, преюдициальной юрисдикцией, т. е. правом отвечать на запросы национальных судов государств-членов соответствующего регионального соглашения, а также юрисдикцией по контролю в отношении актов, принимаемых институтами, создаваемыми в рамках такого регионального соглашения, обладают практически все постоянно действующие суды, созданные как компонент региональных торговых соглашений в форме таможенного союза, за исключением Суда ЕАЭС[4].

[4] Волкова, А. А. Механизмы разрешения споров в региональных торговых соглашениях: прошлое, настоящее и будущее / А. А. Волкова // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – № 19 (11). – С. 147–158. – URL:

Возможность национальных судов обращаться с преюдициальными запросами может рассматриваться в качестве базового инструмента взаимодействия международного и национального правопорядков в рамках интеграционного объединения.

Важно отметить, что механизм преюдициальных запросов не затрагивает пределы компетенции национальных судов. Наднациональный суд в рамках преюдициального запроса ограничен толкованием права интеграционного объединения и рассмотрением законности наднационального акта. Это исключает толкование национального законодательства или оценку его соответствия праву интеграционного объединения, которые могут даваться уже только национальным судом.

Как уже отмечалось, механизм преюдициальных запросов является общепризнанным и характерным для множества региональных интеграционных объединений по всему миру. Так, на европейском пространстве институт преюдициальных запросов существует в рамках Европейского союза, Европейской ассоциации свободной торговли, Бенилюкса. В Латинской и Центральной Америке данный институт реализуется в рамках таких интеграционных объединений, как Андское сообщество, Карибский суд, Центральноамериканский суд. Также он представлен в ряде интеграционных объединений стран Африканского континента.

К слову, опыт Суда ЕС, где преюдициальные запросы составляют подавляющее большинство рассматриваемых дел (ежегодно около 60–70 % от общего количества рассмотренных дел), наглядно демонстрирует ценность и востребованность этого инструмента. Решения Суда ЕС по таким запросам служат для обратившегося национального суда исчерпывающим разъяснением права ЕС, тем самым обеспечивается

---

https://doi.org/10.17803/1994-1471.2024.168.11.147-158 (дата обращения: 10.01.2026).

последовательность и единообразие в применении права ЕС государствами-членами.

С учетом изложенного представляется, что обсуждение вопроса об использовании преюдициальных запросов в ЕАЭС могло бы иметь существенное значение для развития права Союза и повышения эффективности правоприменения. Безусловно, потребуется дополнительная правовая регламентация вопросов деятельности Суда ЕАЭС с учетом предшествующего опыта использования института преюдициального запроса в Суде ЕврАзЭС и в иных сходных интеграционных объединениях.

Еще один не менее важный вопрос в контексте сегодняшней темы связан с вопросом расширения доступа частных лиц к правосудию ЕАЭС.

Как отмечалось в консультативном заключении Суда по делу Р-6/24, в настоящее время правом Союза не предусмотрена возможность физических лиц оспаривать акты ЕЭК в сфере конкуренции, которыми затронуты их права и законные интересы, предоставленные им правом Союза.

При этом п. 16 Протокола об общих принципах и правилах конкуренции (приложение № 19 к Договору о ЕАЭС) предусмотрена ответственность за нарушение общих правил конкуренции на трансграничных рынках, налагаемая на ЕЭК и субъекты, которые могут быть привлечены к такой ответственности (в том числе физические лица).

Таким образом, отсутствие возможности оспаривания физическими лицами актов ЕЭК, вынесенных в отношении них, делает невозможным доступ таких физических лиц к правосудию.

В этом отношении важно отметить, что основными законами всех государств – членов Союза (конституциями) предусмотрено абсолютное право (т. е. не подлежащее ограничению) каждого на судебную защиту своих прав. Справедливым будет

отметить, что сам Договор о ЕАЭС в своей преамбуле заложил необходимость безусловного соблюдения принципа верховенства конституционных прав и свобод человека и гражданина.

В этой связи хотелось бы еще раз заострить внимание на внесении поправок в Статут Суда, предусматривающих право физических лиц на обращение в Суд по оспариванию вынесенных в отношении них актов ЕЭК.

Завершая свое выступление, хотел бы обратить внимание на исключительную важность подобных дискуссий, пожелать всем участникам конференции плодотворной работы.

Благодарю за внимание!

Д. В. Тютин
судья Верховного Суда Российской Федерации

Антимонопольные санкции ЕАЭС – некоторые теоретические и практические проблемы

Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. содержит приложение № 19 «Протокол об общих принципах и правилах конкуренции», п. 16 которого предусматривает ряд соответствующих штрафных санкций. Принята Методика расчета и порядок наложения штрафов за нарушение общих правил конкуренции на трансграничных рынках (утверждена решением Совета Евразийской экономической комиссии от 17 декабря 2012 г. № 118).

На практике данные санкции были применены, например, по делу, ставшему предметом решения № 8 Коллегии Евразийской экономической комиссии от 17 января 2023 г., их применение разъяснено в решении Суда ЕАЭС от 12 июля 2023 г. по делу № С3/23 «О признании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии “О наличии нарушения общих правил конкуренции на трансграничных рынках” от 17 января 2023 года № 8 не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и международным договорам в рамках Союза», а также в решении (Апелляционная палата) Суда ЕАЭС от 20 ноября 2023 г. по делу № С3/23 «Об оставлении без изменения решения Суда Евразийского экономического союза от 12 июля 2023 г., которым удовлетворено заявление о признании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии “О наличии нарушения общих правил конкуренции на трансграничных рынках” от 17 января 2023 года № 8 не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года».

Здесь же, как разъясняющие (обобщающие) документы, следует отметить консультативное заключение Суда ЕАЭС от 12 февраля 2025 г. № Р6/24 «О разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года в части пунктов 39, 41 Статута Суда (Приложения 2 к Договору о Союзе) и пункта 14 Протокола об общих принципах и правилах конкуренции (Приложения 19 к Договору о Союзе)», а также обобщение правовых позиций и практики Суда Евразийского экономического союза, подготовленное в 2024 г. Управлением систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации.

Правовая возможность привлечения частных лиц к ответственности со стороны международных межправительственных организаций имеет место и в законодательстве ЕС (в том числе ст. 23, 24 Регламента № 1/2003 Совета ЕС «Об имплементации правил конкуренции, установленных в Статьях 81 и 82 Договора» (принят в г. Брюсселе 16 декабря 2002 г.); ст. 14, 15 Регламента № 139/2004 Совета ЕС «О контроле над операциями по концентрации (слиянию и поглощению) предприятий (Регламент ЕС о поглощениях)» (принят в г. Брюсселе 20 января 2004 г.); ст. 17, 26, 33 Регламента № 2022/2560 Европейского парламента и Совета ЕС «Об иностранных субсидиях, искажающих внутренний рынок» (принят в г. Страсбурге 14 декабря 2022 г.)).

Применительно к делегированию государством своих полномочий иным субъектам имеет место определенный объем исследований (в российской науке – в значительной части применительно к внутренним негосударственным субъектам). Изначально очевидно, что *derivativa potestas non potest esse major primitiva* – делегируемое полномочие не может быть большим, чем данное первоначально[1].

---

[1] Латинские юридические изречения / сост. проф. Е. И. Темнов. – М., 2003. – С. 130.

В постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 19 мая 1998 г. № 15П постулируется, что Конституция России не запрещает государству передавать отдельные полномочия исполнительных органов власти негосударственным организациям, участвующим в выполнении функций публичной власти. Судья Г. А. Гаджиев в особом мнении к постановлению КС РФ от 31 мая 2016 г. № 14П отметил, что возложение на лиц частного права публично-правовых функций признано КС РФ в принципе допустимым (определение от 15 сентября 2015 г. № 1838О).

М. Ротбанд предлагает определение: государство – это организация в обществе, которая пытается поддерживать монополию на применение силы и насилия на определенной территории; в частности, это единственная организация в обществе, которая получает свой доход не при помощи добровольных взносов или платежей за оказанные услуги, а при помощи принуждения. В то время как другие индивиды или институты получают доход посредством мирной и добровольной продажи товаров и услуг другим, государство получает доход, используя принуждение, т. е. угрожая тюрьмой и штыком. Государства, как правило, признают право индивидов на применение насилия в целях самообороны (но, конечно, не против государства)[2].

Весьма значимы сведения, в 2016 г. приведенные А. Бланкенагелем: несколько лет назад Конституционный суд ФРГ принял основополагающее постановление, согласно которому те государственные функции, при выполнении которых возможно применение физического насилия, ни в коем случае не подлежат передаче частным лицам. Все другие госфункции, видимо, могут выполняться частным лицом при условии, что законное регулирование должно быть достаточно определенным, а государственный надзор – достаточно объемным и строгим[3].

---

[2] Ротбанд, М. Анатомия государства и другие эссе / М. Ротбанд ; пер. с англ. – М., 2025. – С. 9, 89.

[3] Бланкенагель, А. Сложности взимания дорожного сбора в Германии и в России / А. Бланкенагель // Налоговед. – 2016. – № 10. – С. 70.

Таким образом, современное государство обычно не готово отдать на так называемый аутсорсинг частным лицам применение публичных санкций штрафного характера (во всяком случае в критически значимых сферах), оно предпочитает оставить это право за собой. Тем не менее известны, например, американские частные тюрьмы; но привести примеры из российской правовой системы, где право на применение публичных санкций штрафного характера было бы делегировано частным субъектам, следует полагать, невозможно.

Что же касается делегирования права на применение подобных санкций на надгосударственный уровень, можно напомнить, что в силу, например, ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Соответственно, исходя из постановления КС РФ от 30 июля 2001 г. № 13П, установление конкретных размеров внутренних штрафных санкций является прерогативой законодателя. Однако размер штрафного взыскания – поскольку такое взыскание связано с ограничением конституционного права собственности – должен отвечать критерию соразмерности, вытекающему из ст. 55 (ч. 3) Конституции Российской Федерации.

Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. ратифицирован Федеральным законом от 3 октября 2014 г. № 279ФЗ «О ратификации Договора о Евразийском экономическом союзе». При этом в относительно устоявшейся в российской правовой системе технологии предполагается указание в соответствующем федеральном законе либо непосредственного размера штрафных санкций (возможно, с правилами расчета – УК РФ, НК РФ, КоАП РФ и др.), либо предела ограничений при делегировании публичным субъектам (в том

числе для региональных и местных налогов – в НК РФ, для региональных административных штрафов – в ст. 3.5 КоАП РФ).

Особенности современного правового регулирования позволяют видеть возможные направления его совершенствования. Так, в упомянутом консультативном заключении Суда ЕАЭС от 12 февраля 2025 г. № Р6/24, принятом по заявлению Евразийской экономической комиссии, в котором в том числе было констатировано, что обращение в Суд физических лиц, не зарегистрированных в качестве индивидуальных предпринимателей в соответствии с законодательством государства-члена или третьего государства, привлеченных к ответственности за нарушение общих правил конкуренции на трансграничных рынках, положениями Статута Суда прямо не предусмотрено, что свидетельствует о правовой неопределенности в вопросе оспаривания актов Комиссии, создает препятствия для осуществления указанной категорией лиц права на защиту нарушенных прав и законных интересов в судебном порядке.

Суд ЕАЭС, в частности, отметил, что анализ положений Протокола и п. 39 Статута Суда позволяет выделить четыре категории физических лиц, которые могут быть привлечены к ответственности в сфере общих правил конкуренции:

а) индивидуальные предприниматели, являющиеся хозяйствующими субъектами (субъектами рынка) в значении Протокола;

б) физические лица, чья профессиональная приносящая доход деятельность, в соответствии с законодательством государств-членов, подлежит государственной регистрации и (или) лицензированию и которые являются хозяйствующими субъектами (субъектами рынка) по смыслу Протокола;

в) должностные лица;

г) физические лица, не относящиеся ни к одной из вышеуказанных категорий.

Из перечисленных категорий только индивидуальные предприниматели обладают правом на обращение в Суд на основании подп. 2 п. 39 Статута Суда.

В итоге, по мнению Суда, правом Союза Суд наделен компетенцией рассматривать дела об оспаривании решений Комиссии, определяющих ответственность за нарушения в сфере конкуренции на трансграничных рынках, по заявлениям только тех физических лиц, которые зарегистрированы в качестве индивидуальных предпринимателей в соответствии с законодательством государства-члена или третьего государства. Рассмотрение Судом споров по заявлениям иных физических лиц Статутом Суда не предусмотрено. Изменение компетенции Суда может быть осуществлено государствами – членами Союза посредством внесения соответствующих поправок в Статут Суда на основании ст. 115 Договора.

Особых мнений судей к данному консультативному заключению не имелось.

На данный момент уже имеют место соответствующие исследования[4], исходя из которых утверждение Суда о необходимости обеспечения права физических лиц на судебную защиту следует толковать как указание на необходимость внесения изменений в Договор о ЕАЭС, а не на допустимость использования для этой цели национальных средств защиты.

Однако подобные изменения в Статут Суда еще не внесены.

При этом в определении судьи ВС РФ от 21 февраля 2025 г. № 5КАД2470К2 отмечается, что рассмотрение требований о соответствии решений Комиссии о наложении штрафов в сфере конкуренции на трансграничных рынках Договору о ЕАЭС отнесено к исключительной компетенции Суда Союза. Следовательно, решение Коллегии ЕЭК о назначении Н. Н. Беленькому-Гордонову штрафа подлежало оспариванию в Суде Союза.

Соответственно, ряд необходимых изменений в законодательство ЕАЭС продолжает оставаться актуальным.

---

[4] Энтин, К. В. Консультативное заключение Суда ЕАЭС по делу № Р6/24 о доступе физических лиц к правосудию: развернутый комментарий / К. В. Энтин // Международное правосудие. – 2025. – № 2. – С. 3–17.

К. В. Энтин
и. о. заместителя руководителя Секретариата Суда ЕАЭС – начальника экспертно-аналитического отдела

Последние тенденции в практике Суда ЕАЭС по вопросам конкуренции

(Тезисы выступления)

Актуальные тренды в практике Суда ЕАЭС по делам о конкуренции:

• Подход к полномочиям ЕЭК, основанный на придании максимальной эффективности положениям ст. 76 Договора (см. дело Р-3/24 о *соотношении конкуренции и закупок*).

Любые исключения из полномочий ЕЭК должны быть прямо предусмотрены, они не могут подразумеваться.

• Придание значения реализации права на защиту (в рамках административной процедуры в ЕЭК) и права на судебную защиту.

▪ Дело С-6/24 *Белйодобром, Белфармаком*: реализация предоставленных Комиссии полномочий по пресечению нарушений общих правил конкуренции ограничена необходимостью соблюдения установленных правом Союза процедурных требований, служащих гарантией прав и законных интересов проверяемых лиц.

▪ Дело С-8/24 *Курко*: необходимость обеспечения баланса между реализацией права на судебную защиту как общего принципа права Союза и обеспечением защиты конкуренции.

▪ Ложность сведений не является достаточной, необходимо установление направленности досудебной претензии

на получение преимуществ, а не на реализацию права на судебную защиту.

- Суд уделяет значительное внимание вопросам доказывания.

Бремя доказывания по общему правилу возложено на ЕЭК (дело С-3/23 *Палата профессиональных бухгалтеров и др. I*), но с возможностью перехода бремени доказывания на истца в случае его реализации ЕЭК (С-1/24 *Палата профессиональных бухгалтеров и др. II*).

Введение требования об индивидуализации ответственности (дело С-3/23 *Палата профессиональных бухгалтеров и др. I*) и, соответственно, индивидуальном расчете сроков привлечения к ответственности.

Бремя доказывания – это не только бремя представления доказательств, но и бремя убеждения. Формулировка Суда о реализации/нереализации бремени доказывания не обязательно означает нехватку доказательств, но может означать, что сторона не убедила Суд в правильности своей позиции.

Каковы актуальные проблемы и возможные шаги со стороны Суда?

- Не в полной мере работает система распределения компетенции между Комиссией и национальными антимонопольными органами, а также система взыскания убытков частными лицами, что дает такие результаты:
  - сложность применения дополнительных критериев;
  - лишь незначительное число дел передается Комиссии антимонопольными органами;
  - антимонопольные органы не применяют право Союза – практика применения права Союза ограничена ЕЭК и, как следствие, ЕЭК не выступает «законодателем моды»;

- необходимость разъяснения правовой позиции Суда о прямом действии и непосредственном применении ст. 76 Договора.

• Возможность перехода к выработке стандартов доказывания и стандарта судебного пересмотра решения Комиссии.

• Важность осуществления Судом ЕАЭС проверки законности всего решения Комиссии, в том числе наложенных штрафов.

Расчет санкций по формуле не исключает проверку обоснованности в части применения понижающих/повышающих коэффициентов.

Санкции, устанавливаемые за нарушение права Союза, должны отвечать принципу пропорциональности (дело Р-5/17 о декларировании наличных денежных средств).

Осуществление полного судебного контроля, включая снижение/повышение суммы штрафа за нарушение права конкуренции, – один из элементов обеспечения права на справедливое судебное разбирательство (постановление ЕСПЧ по делу *Menarini*).

Возможность снижения наложенных санкций как требование необходимости.

А. А. Наку
доцент кафедры интеграционного права и прав человека МГИМО МИД России

К вопросу об иных соглашениях: условия допустимости вертикальных соглашений о разделе рынков в мировой практике

Договор о Евразийском экономическом союзе (далее – Договор) содержит нормы об общих принципах и правилах конкуренции, которые, среди прочего, запрещают хозяйствующим субъектам заключать и исполнять некоторые виды антиконкурентных соглашений – горизонтальные (между хозяйствующими субъектами-конкурентами), вертикальные и иные. Хотя раздел рынка является признаком запрещенных горизонтальных соглашений, в практике Евразийской экономической комиссии и антимонопольных органов государств – членов ЕАЭС нередки расследования в отношении хозяйствующих субъектов, не являющихся конкурентами между собой, но стремящихся разделить рынки по территориальному признаку или составу потребителей посредством заключения вертикальных или иных соглашений.

Исходя из структуры и логики ст. 76 Договора, вопросу о совместимости с общими правилами конкуренции горизонтальных соглашений посвящен п. 3, а вопросу о совместимости вертикальных соглашений – п. 4 вместе с содержащейся в нем отсылкой к приложению № 19 к Договору – Протоколу об общих принципах и правилах конкуренции (далее – Протокол). Пункт 5 ст. 76 Договора содержит запрет, с определенными изъятиями и условиями, иных соглашений между хозяйствующими субъектами (далее – иные запрещенные соглашения). Поскольку соглашения, заключаемые хозяйствующими субъектами внутри

товарного рынка, преимущественно относятся либо к горизонтальным, либо к вертикальным, очевидно, что среди иных запрещенных соглашений могут рассматриваться и горизонтальные, и вертикальные соглашения, не подпадающие под запреты в рамках п. 3 и п. 4 ст. 76 Договора. Данная позиция находит подтверждение в научной литературе: «К иным соглашениям между хозяйствующими субъектами относятся как “горизонтальные”, так и “вертикальные” соглашения, запрещенные законодательством, если установлено, что они приводят или могут привести к ограничению конкуренции»[1].

В практике Суда ЕАЭС иные соглашения фигурировали в делах С-6/24 *Белйодобром/Балфармаком*[2] и С-6/23 *ДИАМЕД-фарма*[3], однако суть обоих споров не позволила Суду вплотную подойти к проблеме квалификации таких соглашений. Тем не менее по мере роста числа споров, затрагивающих конкуренцию на трансграничных рынках, можно ожидать появления новых дел, при рассмотрении которых Суду предстоит установить приемлемость или неприемлемость иных соглашений о разделе рынков между хозяйствующими субъектами государств-членов.

Условие применения п. 5 ст. 76 Договора к иным запрещенным соглашениям сформулировано следующим образом: «если установлено, что такие соглашения приводят или могут привести к ограничению конкуренции». Акты права Союза

---

[1] Конкурентное право : учебник / под общ. ред. М. А. Егоровой, А. Ю. Кинева. – М. : Юстицинформ, 2018. – 632 с.

[2] Решение Суда ЕАЭС от 29 октября 2024 г. по делу С-6/24 Белйодобром/Балфармаком. – URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/C-6.24/ (дата обращения: 15.01.2026).

[3] Решение Суда ЕАЭС от 26 сентября 2023 г. по делу С-6/23 ДИАМЕД-фарма. – URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/C-6.23/ (дата обращения: 15.01.2026).

не конкретизируют понятие «ограничение конкуренции», но п. 2 Протокола содержит определения понятий «конкуренция» и «признаки ограничения конкуренции». И в том, и в другом определении присутствуют аналогичные критерии наличия либо отсутствия (ограничения) конкуренции – возможность (или, соответственно, невозможность) хозяйствующих субъектов в одностороннем порядке воздействовать на общие условия обращения товаров на соответствующем товарном рынке. Определение признаков ограничения конкуренции построено по принципу открытого перечня, который допускает причисление к признакам ограничения конкуренции иные, не входящие в перечень обстоятельства, если они создают возможность для хозяйствующего субъекта воздействовать на общие условия обращения товара на товарном рынке в одностороннем порядке.

Слова «если установлено» должны пониматься таким образом, что наличие признаков ограничения конкуренции в соглашении хозяйствующих субъектов, которое квалифицируется как иное запрещенное соглашение, должно быть доказано антимонопольным органом государства-члена или Евразийской экономической комиссией (далее – ЕЭК, Комиссия) в установленном порядке. Представляется, что вывод о наличии в рассматриваемом соглашении признаков ограничения конкуренции должен указывать на конкретный признак из числа перечисленных в определении в п. 2 Протокола либо на иной признак, удовлетворяющий условию о возможности хозяйствующего субъекта воздействовать на товарный рынок в одностороннем порядке. В последнем случае вывод антимонопольного органа должен демонстрировать, каким образом хозяйствующий субъект реализует или может реализовать такую возможность.

Если антимонопольный орган приходит к выводу, что иное запрещенное соглашение фактически не привело, но может привести к ограничению конкуренции, неизбежность или разумно предсказуемая вероятность наступления такого последствия

также должна быть доказана. Толкуя нормы российского Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее – Закон о защите конкуренции), аналогичные пп. 3–5 ст. 76 Договора, Пленум Верховного Суда Российской Федерации допускает признание соглашений между хозяйствующими субъектами-конкурентами, вертикальных соглашений и прочих соглашений недопустимыми, если антимонопольным органом будет доказано, что результатом реализации или целью договоренностей, достигнутых между хозяйствующими субъектами, являлось недопущение (ограничение, устранение) конкуренции на товарном рынке[4].

Позиция Верховного Суда Российской Федерации созвучна формулировке ст. 101 Договора о функционировании Европейского союза (далее – ДФЕС). Данная статья содержит запрет картелей, т. е. любых соглашений между предприятиями, любых решений объединений предприятий и любых видов согласованной практики, которые способны затрагивать торговлю между государствами-членами и имеют целью или результатом создание препятствий для конкуренции в рамках внутреннего рынка, ее ограничение или искажение. Применение аналогичного подхода к квалификации иных запрещенных соглашений по праву ЕАЭС означало бы, что независимо от установления фактически достигнутого или потенциально возможного результата в виде ограничения конкуренции соглашение может быть признано недопустимым, если ограничение конкуренции является его ясно выраженной целью.

С учетом структуры ст. 76 Договора и корреспондирующих ей положений Протокола, а также показанных выше теоретических и практических подходов представляется возможным предложить

[4] О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 04.03.2021 № 2. – § 27.

нижеследующий алгоритм квалификации соглашений хозяйствующих субъектов в качестве иных запрещенных соглашений.

Иное запрещенное соглашение – это соглашение между двумя или более хозяйствующими субъектами, которое:

1) соответствует определению понятия «соглашение», данному в подп. 17 п. 2 Протокола (т. е. договоренность в письменной форме, содержащаяся в документе или нескольких документах, а также договоренность в устной форме);

2) не является: а) запрещенным горизонтальным соглашением, которое приводит или может привести к любому из последствий, перечисленных в подп. 1–5 п. 3 ст. 76 Договора; б) допустимым вертикальным соглашением, которое удовлетворяет любому из критериев, указанных в подп. 1 и 2 п. 6 Протокола; в) вертикальным, запрещенным в соответствии с подп. 1 и 2 п. 4 ст. 76 Договора; г) прочим (не указанным в абзацах а–в) соглашением, которое приводит или может привести к любому из последствий, перечисленных в подп. 1–5 п. 3 ст. 76 Договора, но может быть признано допустимым как удовлетворяющее всем условиям, установленным в п. 5 Протокола; д) координацией экономической деятельности по смыслу п. 5 ст. 76 Договора;

3) в отношении которого Комиссией или антимонопольным органом государства-члена доказано, что его целью или последствием (реальным или потенциальным) является ограничение конкуренции.

Применительно к вертикальным соглашениям, они могут быть квалифицированы как иные запрещенные соглашения и подпадать под запрет, установленный п. 5 ст. 76 Договора, если: а) такие соглашения не являются допустимыми в соответствии с п. 6 Протокола; б) такие соглашения не подпадают под запрет, предусмотренный п. 4 ст. 76 Договора; в) такие соглашения приводят или могут привести к любому из последствий, установленных в п. 3 ст. 76 Договора, они не признаны допустимыми в соответствии с п. 5 Протокола.

В качестве возможных способов раздела рынка посредством иных запрещенных соглашений можно рассмотреть следующие.

1. Заключение договора исключительной (эксклюзивной) дистрибуции, не обладающего признаками договора коммерческой концессии[5]. Понятие договора исключительной дистрибуции раскрыто в ст. 4:101, п. 3 Принципов европейского договорного права: коммерческое агентирование, франшиза и дистрибуция (далее – ПАФД)[6]. По условиям такого договора продавец (которым может являться и производитель товара) обязуется поставлять свои товары только одному дистрибьютору в пределах одной территории или в пределах одной группы потребителей, при этом сам продавец существенно ограничен в возможности продавать свои товары на этой территории (или этой группе потребителей) и даже может нести договорную ответственность перед дистрибьютором за нарушение такого обязательства. Такие договоры создают препятствия для доступа на товарный рынок другим хозяйствующим субъектам, осуществляющим или планирующим осуществлять закупки товара у того же продавца с целью последующей перепродажи.

---

[5] Договор коммерческой концессии предусматривает в качестве обязательного элемента отношений сторон передачу прав на объекты интеллектуальной собственности. Так, согласно ст. 1027 Гражданского кодекса Российской Федерации по договору коммерческой концессии одна сторона (правообладатель) обязуется предоставить другой стороне (пользователю) за вознаграждение на срок или без указания срока право использовать в предпринимательской деятельности пользователя комплекс принадлежащих правообладателю исключительных прав, включающий право на товарный знак, знак обслуживания, а также права на другие предусмотренные договором объекты исключительных прав, в частности на коммерческое обозначение, секрет производства (ноу-хау).

6 Principles of European Law: Commercial Agency, Franchise and Distribution Contracts (PEL CAFDC). – Oxford University Press, 2006; Принципы европейского договорного права: коммерческое агентирование, франшиза и дистрибуция // Коммерческое право. – 2011. – № 1. – С. 176–198.

2. Заключение договора избирательной (селективной) дистрибуции (ст. 4:101, п. 4 ПАФД), также не обладающего признаками договора коммерческой концессии. По условиям такого договора продавец осуществляет авторизацию дистрибьюторов, действующих на определенной территории, чем потенциально создает препятствия для доступа на соответствующий товарный рынок для неавторизованных хозяйствующих субъектов.

В практике мирового антимонопольного регулирования отсутствует единый подход о допустимости или недопустимости дистрибуторских (т. е. не горизонтальных) соглашений, содержащих положения о разделе рынка. ЮНКТАД в своих комментариях к Типовому закону о конкуренции рассматривает такие соглашения в контексте запрета злоупотребления доминирующим положением (ст. IV Типового закона), отражая при этом неоднозначное влияние налагаемых ими ограничений на конкуренцию: «Цель таких ограничений обычно заключается в сведении к минимуму внутрибрендовой конкуренции путем блокирования параллельной торговли третьих сторон. Последствия таких ограничений проявляются в ценах и условиях продажи, особенно в отсутствие сильной межбрендовой конкуренции на данном рынке. Тем не менее ограничения на внутрибрендовую конкуренцию могут не иметь отрицательных последствий или даже могут способствовать конкуренции, если на соответствующем рынке наблюдается значительная конкуренция между брендами… Кроме того, избирательная система распределения зачастую используется для того, чтобы не допустить перепродажи путем экспорта за пределы установленной территории из-за опасений по поводу возможной ценовой конкуренции в тех районах, где цены установлены на наиболее высоком уровне»[7].

[7] UNCTAD Model Law on Competition (2020), revised chapter IV. – URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ciclpL13_ru.pdf. (дата обращения: 15.01.2026).

Регламент Европейской комиссии № 2022/720 от 10.05.2022[8] содержит детальные критерии, при соблюдении которых вертикальные соглашения, содержащие признаки договоров исключительной или селективной дистрибуции, не подпадают под запрет картелей по ст. 101 ДФЕС. По общему правилу ограничение территории или группы потребителей, где (которым) дистрибьютор имеет право осуществлять активные или пассивные продажи, относится к жестким ограничениям, исключающим освобождение таких вертикальных соглашений от запретительного действия ст. 101 ДФЕС. Однако у этого общего правила есть целый ряд исключений, в частности:

допускается ограничение активных продаж товаров на территории или группе потребителей, в отношении которых право продажи зарезервировано самим продавцом или предоставлено не более чем пяти другим исключительным дистрибьюторам;

допускается ограничение активных и пассивных продаж неавторизованным покупателям на территории или в группе потребителей, в отношении которых продавец применяет систему селективной дистрибуции;

допускается ограничение в отношении места учреждения дистрибьютора;

допускаются ограничения территории активных и пассивных продаж конечным потребителям дистрибьюторами-оптовиками;

допускаются ограничения на активные и пассивные продажи компонентов таким потребителям, которые изготавливают из них товары такого же типа, что и продавец.

---

[8] Commission Regulation (EU) 2022/720 of 10 May 2022 on the application of Article 101(3) of the Treaty on the Functioning of the European Union to categories of vertical agreements and concerted practices (Consolidated text). – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A02022R0720-20240211&qid=1768485393048 (дата обращения: 15.01.2026).

Аналогичные случаи допустимости Регламент № 2022/720 устанавливает в отношении иных вертикальных соглашений, ограничивающих территорию или группу потребителей при перепродаже товара (услуги), но не являющихся договорами исключительной или селективной дистрибуции. Если ограничения рынка перепродажи по территории или группе потребителей реализуются в ходе онлайн-продаж, применяются такие же критерии оценки соглашений на предмет их соответствия ст. 101 ДФЕС, но при этом допускаются ограничения на территорию распространения онлайн-рекламы. Абсолютно недопустимыми с точки зрения ст. 101 ДФЕС являются вертикальные соглашения, прямо или косвенно запрещающие покупателям – селективным дистрибьюторам продавать товары или услуги конкретных конкурентов продавца, а также ограничивающие права покупателей перепродавать или предлагать к продаже товары на более льготных условиях посредством конкурирующих онлайн-посредников.

В отношении договоров селективной дистрибуции Суд ЕС в решении 1977 г. по делу Metro[9] дополнительно сформулировал три условия допустимости, которые предопределили последующую практику Суда и Европейской комиссии при рассмотрении дистрибуторских договоров на их соответствие ст. 101 ДФЕС. Эти условия следующие: 1) необходимость селективной дистрибуции должна вытекать из природы товара или услуги для обеспечения их качества и надлежащего использования (такая особая природа характерна, например, для высококачественных, высокотехнологичных товаров[10],

[9] Решение Суда Европейских сообществ от 25 октября 1977 г. по делу № 26-76 Metro v Commission. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/FR/TXT/?uri=CELEX:61976CJ0026 (дата обращения: 15.01.2026).

[10] Решение Суда Европейских сообществ от 25 октября 1983 г. по делу № 107/82 AEG v Commission. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/AU

предметов роскоши[11] и т. п.); 2) выбор дистрибьюторов должен производиться на основе объективных критериев, одинаково и не дискриминационно установленных для всех потенциальных кандидатов; 3) критерии выбора не должны быть избыточными, т. е. включать требования, не являющиеся необходимыми для выполнения первого условия.

Недавние решения Суда ЕС, относящиеся к вертикальным соглашениям, включают дело Kia Latvia[12] – о несоответствии ст. 101 соглашений о сохранении гарантийного срока только при условии ремонта и покупки запчастей у авторизованных дилеров; дело Booking.com[13] – о несоответствии ст. 101 соглашений онлайн-платформы со средствами размещения о паритете цен; дело EDP[14] – о квалификации соглашения о совместной деятельности между предприятиями, действующими на разных

TO/?uri=CELEX:61982CJ0107&qid=1768486223144&rid=1 (дата обращения: 15.01.2026).

[11] Решение Суда Европейского союза от 6 декабря 2017 г. по делу № C-230/16 Coty Germany. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/AUTO/?uri=CELEX:62016CJ0230&qid=1768486357528&rid=1 (дата обращения: 10.01.2026).

[12] Решение Суда Европейского союза от 5 декабря 2024 г. по делу № C-606/23 Tallinna Kaubamaja Grupp and KIA Auto. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/AUTO/?uri=CELEX:62023CJ0606&qid=1768486555341&rid=1 (дата обращения: 10.01.2026).

[13] Решение Суда Европейского союза от 19 сентября 2024 г. по делу № C-264/23 Booking.com BV. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/SUM/?uri=CELEX:62023CJ0264_RES&qid=1768486955410&rid=2 (дата обращения: 10.01.2026).

[14] Решение Суда Европейского союза от 26 октября 2023 г. по делу № C-331/21 Energias de Portugal and Others. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/AUTO/?uri=CELEX:62021CJ0331&qid=1768487287142&rid=1 (дата обращения: 10.01.2026).

товарных рынках, как соглашения между потенциальными конкурентами в связи с наличием в нем обязательств о неконкуренции, запрещенных в силу ст. 101 для вертикальных соглашений.

Российский Закон о защите конкуренции приводит открытый перечень видов иных запрещенных соглашений в ч. 4 ст. 11, первое предложение которой, формулирующее запрет, аналогично по тексту п. 5 ст. 76 Договора. К таким соглашениям, в частности, относятся:

о навязывании контрагенту условий договора, невыгодных для него или не относящихся к предмету договора (необоснованные требования о передаче финансовых средств, иного имущества, в том числе имущественных прав, а также согласие заключить договор при условии внесения в него положений относительно товаров, в которых контрагент не заинтересован, и другие требования);

об экономически, технологически и иным образом не обоснованном установлении хозяйствующим субъектом различных цен (тарифов) на один и тот же товар;

о создании другим хозяйствующим субъектам препятствий доступу на товарный рынок или выходу с товарного рынка;

об установлении условий членства (участия) в профессиональных и иных объединениях.

Такие соглашения, исходя из фактических обстоятельств, можно рассматривать как потенциально ведущие к разделу товарного рынка по территориальному принципу в понимании ст. 76 Договора.

Практика российских судов по применению Закона о защите конкуренции охватывает разнообразные ситуации, когда действия хозяйствующих субъектов трактуются как раздел товарного рынка. Так, в одном из дел суды пришли к выводу, что расположение муниципального предприятия, оказывающего услуги населению, в одном помещении с хозяйствующим субъектом, продающим сопутствующие товары (что приводит

к увеличению спроса на эти товары), является способом раздела рынка[15]. То есть в качестве иных запрещенных соглашений, ведущих к разделу рынка по территориальному принципу, могут рассматриваться и договоры аренды (субаренды) помещений для деятельности хозяйствующих субъектов.

Содержащиеся в дистрибуторских или дилерских договорах ограничения права предлагать товары к продаже лицам за пределами закрепленной за дистрибьютором (дилером) территории (активные продажи) и в особенности права принимать предложения о покупке товаров от таких лиц («пассивные продажи») нередко в практике антимонопольных органов рассматриваются как признаки раздела товарного рынка по территориальному принципу[16]. В то же время право ЕАЭС не содержит прямого запрета на применение договорных ограничений в отношении активных или пассивных продаж для вертикальных соглашений и не относит их к признакам ограничения конкуренции. Анализируя п. 4 ст. 76 Договора, исследователи права ЕАЭС отмечают: «Буквальное прочтение названной правовой нормы позволяет сделать вывод о том, что ее действие не распространяется на запрет пассивных продаж, адресованный производителем товара своим дистрибьюторам»[17].

---

[15] Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 22.10.2014 № Ф06-15703/2013 по делу № А72-15445/2013.

[16] Так, в практике Суда ЕС есть примеры признания не соответствующими ст. 101 ДФЕС запрета продаж товара друг другу официальными дилерами производителя, действующими в различных государствах – членах ЕС (объединенные дела 32, 36 и 82/78 BMW Belgium v Commission), и запрета на пассивную продажу на определенной территории или определенным покупателям (объединенные дела C-403/08 и C-429/08 Football Association Premier League and Others).

[17] Дьяченко, Е. Б. Судебный активизм и его роль в практике международных судов / Е. Б. Дьяченко // Международное правосудие. – 2020. – № 2. – С. 103–125.

Еще одним важным аспектом квалификации соглашений хозяйствующих субъектов как ограничивающих конкуренцию при применении Закона о защите конкуренции российским судами является необходимость учета особенностей правового регулирования на соответствующем товарном рынке. Пленум Верховного Суда Российской Федерации указывает: «При оценке того, направлены ли действия хозяйствующих субъектов на ограничение конкуренции в связи с достигнутыми между ними договоренностями, суд вправе принимать во внимание доводы участников соглашения, свидетельствующие о наличии разумных экономических и (или) обусловленных законодательством (в том числе отраслевым регулированием) причин в достижении соответствующих договоренностей между участниками соглашения»[18].

Проведенный выше обзор правовых норм и судебной практики в отношении условий допустимости не горизонтальных соглашений о разделе рынка позволяет сделать следующие выводы.

Закрепление за стороной вертикального соглашения (дилером, дистрибьютором) определенной территории в зависимости от фактических обстоятельств может расцениваться как создание препятствий для доступа других хозяйствующих субъектов на товарный рынок и (или) как сокращение числа хозяйствующих субъектов на данном товарном рынке. Однако само по себе такое закрепление не означает, что вертикальное соглашение ведет к разделу товарного рынка по территориальному принципу.

Оценка допустимости вертикальных соглашений о разделе рынков должна осуществляться с учетом их влияния, прежде

[18] О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 04.03.2021 № 2.

всего на межбрендовую конкуренцию. С точки зрения внутрибрендовой конкуренции основной риск таких соглашений для конкуренции – изоляция отдельных частей рынка друг от друга и манипулирование ценами на них.

Для решения вопроса о допустимости вертикального соглашения о разделе рынка важно учитывать специфику товара или услуги – предмета соглашения, в том числе необходимость обеспечения качества и надлежащей дистрибуции, а также отраслевое регулирование на данном товарном рынке.

Представляется, что для единообразного понимания условий применения п. 5 ст. 76 Договора к иным запрещенным соглашениям («…если установлено, что такие соглашения приводят или могут привести к ограничению конкуренции») целесообразно предоставить ЕЭК полномочия по утверждению подробных критериев доказывания недопустимости таких соглашений. В перспективе при наличии устойчивой потребности хозяйствующих субъектов и антимонопольных органов в детализации правового регулирования в отношении иных запрещенных соглашений имеет смысл рассмотреть дополнение п. 5 ст. 76 Договора критериями (признаками) таких соглашений или примерным перечнем их разновидностей (по аналогии с российским Законом о защите конкуренции).

В условиях расширения трансграничных договорных отношений между хозяйствующими субъектами государств – членов ЕАЭС и дальнейшего формирования единого внутреннего рынка товаров и услуг неизбежно возрастание числа споров по квалификации иных запрещенных соглашений. Можно ожидать, что Суд ЕАЭС в обозримом будущем столкнется с необходимостью толкования и применения норм Договора об общих принципах и правилах конкуренции применительно к соглашениям о разделе рынков и тем самым поспособствует восполнению имеющихся пробелов в правовом регулировании Союза.

О. А. Бакиновская
заместитель руководителя Института правовых исследований – начальник отдела исследований в области гражданского, экологического и социального права Национального центра законодательства и правовой информации Республики Беларусь

Обеспечение конкуренции при осуществлении государственных закупок: право Союза, национальное законодательство, практика Суда ЕАЭС

Вопросы обеспечения конкуренции при осуществлении государственных закупок являются объектом пристального внимания со стороны законодателя и правоприменителей государств-членов, а также стали встречаться в практике Суда ЕАЭС, поскольку конкуренция и ее обеспечение относятся к одной из центральных категорий самого права Союза.

Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. (далее – Договор о ЕАЭС) в качестве одного из основных принципов функционирования Союза зафиксировал соблюдение принципов рыночной экономики и добросовестной конкуренции. Последняя направлена на развитие экономик государств-членов, стимулирование устойчивого экономического роста и увеличение благосостояния.

Принцип добросовестной конкуренции получил свое развитие в иных положениях Договора о ЕАЭС, в том числе является одним из краеугольных камней формирования правового регулирования в сфере государственных закупок. В ст. 88 Договора о ЕАЭС мы также находим среди целей и принципов регулирования в сфере государственных (муниципальных) закупок

принцип развития конкуренции. Проанализировав Договор о ЕАЭС, включая приложение № 25 к Договору о ЕАЭС (далее – Протокол № 25), можно выделить следующие инструменты и механизмы, направленные на обеспечение конкуренции при осуществлении государственных закупок:

1) закрытый перечень способов заключения договора (контракта) о закупке (далее – договор о закупке), в том числе конкурентных;

2) обеспечение беспрепятственного доступа потенциальных поставщиков;

3) запрет на включение в условия закупок любых неизмеряемых количественно и (или) неадминистрируемых требований к потенциальным поставщикам и поставщикам;

4) сроки:

– публикации извещения о проведении конкурса и конкурсной документации; аукциона и аукционной документации;

– заключения договора о закупке;

5) закрепление правил описания объекта закупок, включающих запрет на указание товарных знаков, знаков обслуживания, фирменных наименований, патентов, полезных моделей, промышленных образцов, наименований мест происхождения товара, производителя или поставщика, за исключением случаев, когда не имеется другого достаточно точного способа описания характеристик объекта закупок (в таких случаях заказчик включает в документацию о закупке слова «или эквивалент (аналог)»). Исключением является несовместимость закупаемого товара с товаром, используемым заказчиком, при необходимости обеспечения совместимости таких товаров (в том числе для доукомплектования, модернизации и дооснащения основного (установленного) оборудования);

6) требования к членам комиссии (в том числе конкурсной, аукционной и котировочной).

Закрытый перечень способов заключения договора (контракта) о закупке включает открытый конкурс, запрос ценовых предложений, запрос предложений, открытый электронный аукцион, биржевые торги и закупки из одного источника либо у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя), при этом запрос предложений и биржевые торги могут не предусматриваться законодательством государства-члена о закупках. Традиционно предполагается, что вышеназванные процедуры, за исключением закупки из одного источника либо у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя), относятся к конкурентным процедурам государственных закупок, при проведении которых обязательно обеспечение конкуренции. Закупка из одного источника либо у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя) в доктрине, как правило, рассматривается как неконкурентная процедура[1], что может быть подвергнуто сомнению.

Российский законодатель в ст. 24 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – ФЗ № 44) выделяет конкурентные способы определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей), к которым относит конкурсы, аукционы, запрос котировок в электронной форме, и закупки у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя), не причисленные к конкурентным процедурам закупок. Статья 8 ФЗ № 44 раскрывает

[1] Касьянов, Р. А. Правовое регулирования государственных закупок в ЕС и ЕАЭС: тенденции к цифровизации / Р. А. Касьянов, А. П. Пучкова. – URL: https://internet.garant.ru/#/document/76873135/paragraph/1/doclist/859/27/0/07 (дата обращения: 02.03.2026); Михашин, А. В. Гражданско-правовое регулирование закупок по государственному оборонному заказу / А. В. Михашин. – URL: https://internet.garant.ru/#/document/76889844/paragraph/335/doclist/859/29/0/0 (дата обращения: 02.03.2026).

содержание принципа обеспечения конкуренции, закрепляя, что контрактная система в сфере закупок направлена на создание равных условий для обеспечения конкуренции между участниками закупок. Любому заинтересованному лицу предоставлена возможность в соответствии с законодательством Российской Федерации и иными нормативными правовыми актами о контрактной системе в сфере закупок стать поставщиком (подрядчиком, исполнителем). Позиция российского законодателя заключается в том, что конкуренция при осуществлении закупок должна быть основана на соблюдении принципа добросовестной ценовой и неценовой конкуренции между участниками закупок в целях выявления лучших условий поставок товаров, выполнения работ, оказания услуг. Также запрещено совершение заказчиками, специализированными организациями, их должностными лицами, комиссиями по осуществлению закупок, членами таких комиссий, участниками закупок, операторами электронных площадок, операторами специализированных электронных площадок любых действий, которые противоречат требованиям ФЗ № 44, в том числе приводят к ограничению конкуренции, в частности к необоснованному ограничению числа участников закупок. Несмотря на фиксацию в ФЗ № 44 четкого перечня конкурентных процедур государственных закупок, полагаем, что действие принципа обеспечения конкуренции, зафиксированного в ст. 8 ФЗ № 44, охватывает все виды процедур государственных закупок с учетом целей данного закона.

Белорусский законодатель в нормах Закона Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 419-З «О государственных закупках товаров (работ, услуг)» (далее – Закон № 419-З) не проводит классификацию процедур государственных закупок на конкурентные или неконкурентные, закрепляя в качестве таковых конкурс, электронный аукцион, запрос ценовых предложений, биржевые торги и процедуру закупки из одного источника. Среди основных целей и принципов в сфере закупок, обозначенных

в ст. 4 Закона № 419-З, также отражено обеспечение развития конкуренции, что означает полную имплементацию соответствующих подходов ст. 88 Договора о ЕАЭС. Но динамика развития белорусского национального законодательства о государственных закупках показывает поступательное проникновение конкурентных начал в процедуру закупки из одного источника (или, следуя терминологии Договора о ЕАЭС, закупку из одного источника либо у единственного поставщика (исполнителя, подрядчика)). Элементами конкурентности обозначенной процедуры является обязательное изучение конъюнктуры рынка при проведении процедуры закупки из одного источника по ряду оснований, а также обязательное проведение процедуры закупки из одного источника на электронной торговой площадке, введенное с 10 августа 2025 г. постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 8 мая 2025 г. № 252 «О случаях и порядке проведения процедуры закупки из одного источника на электронной торговой площадке» (далее – Постановление № 252). В частности, согласно нормам указанного нормативного правового акта в целях изучения конъюнктуры рынка для определения поставщика (подрядчика, исполнителя) в рамках проведения процедуры закупки из одного источника заказчик размещает на электронной торговой площадке заявку на покупку. При этом анализ Постановления № 252 показывает, что алгоритм проведения процедуры закупки из одного источника на электронной торговой площадке имеет многочисленные сходные признаки и элементы классических конкурентных процедур, например, процедуры запроса ценовых предложений (за исключением сроков проведения процедуры, сроков заключения договора государственной закупки, критериев выбора поставщика (подрядчика, исполнителя)).

Беспрепятственный доступ потенциальных поставщиков означает формирование государством-членом таких правил участия в процедурах государственных закупок, когда, по сути,

любой потенциальный поставщик может подать свое предложение, выполнив определенные требования, носящие разумный характер, применительно к общим правилам ведения бизнеса на данном сегменте рынка. Требования, устанавливаемые национальным законодательством одного государства-члена, должны быть выполнимы субъектом хозяйствования другого государства-члена, что актуализирует проблему признания электронной цифровой подписи (электронной подписи), изготовленной в соответствии с законодательством одного из государств-членов. Взаимное признание электронной цифровой подписи (электронной подписи) является одним из элементов цифровизации всей сферы государственных закупок, и «именно цифровизация конкурентных закупок позволит сделать государственные закупки доступными для поставщиков, подрядчиков, исполнителей из разных стран, привлечь новых игроков на данный рынок и стимулировать развитие конкуренции»[2]. В частности, Совет Комиссии ЕЭК был наделен компетенцией по определению Правил взаимного признания электронной цифровой подписи (электронной подписи), изготовленной в соответствии с законодательством одного государства-члена, другими государствами-членами для целей закупок. Однако, несмотря на предпринимаемые усилия, в том числе в рамках Плана мероприятий по взаимному признанию электронной цифровой подписи (электронной подписи), изготовленной в соответствии с законодательством одного государства-члена Евразийского экономического союза, другим государством-членом Евразийского экономического союза для целей государственных (муниципальных) закупок, утвержденного распоряжением Коллегии

[2] Касьянов, Р. А. Правовое регулирования государственных закупок в ЕС и ЕАЭС: тенденции к цифровизации / Р. А. Касьянов, А. П. Пучкова. – URL: https://internet.garant.ru/#/document/76873135/paragraph/1/doclist/859/27/0/07 (дата обращения: 02.03.2026).

ЕЭК от 11 октября 2021 г. № 169, до настоящего времени данные правила в рамках «пятерки» не утверждены.

В отношении Республики Беларусь и Российской Федерации вступило в силу соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Российской Федерации о порядке признания электронной подписи (электронной цифровой подписи) в электронном документе при трансграничном электронном взаимодействии, заключенное в г. Москве 15 апреля 2024 г.[3], которое решает обозначенную проблему в рамках «двойки». Полагаем, что окончательное решение вопроса о взаимном признании электронной цифровой подписи (электронной подписи) для целей государственных (муниципальных) закупок на уровне всех государств – членов Союза будет способствовать не только увеличению товарооборота между нашими странами, но и достижению целей Союза на основе полноценной реализации принципа добросовестной конкуренции как базового принципа функционирования Союза.

Практика Суда ЕАЭС по вопросам обеспечения конкуренции в государственных (муниципальных) закупках представлена консультативным заключением от 13 ноября 2024 г. по делу Р-3/24 о соотношении общих правил конкуренции и закупок[4].

---

[3] Ратифицировано Законом Республики Беларусь от 28 сентября 2024 г. № 32-З «О ратификации Соглашения между Правительством Республики Беларусь и Правительством Российской Федерации о порядке признания электронной подписи (электронной цифровой подписи) в электронном документе при трансграничном электронном взаимодействии» и Федеральным законом от 30 ноября 2024 г. № 424-ФЗ «О ратификации Соглашения между Правительством Республики Беларусь и Правительством Российской Федерации о порядке признания электронной подписи (электронной цифровой подписи) в электронном документе при трансграничном электронном взаимодействии».

[4] Консультативное заключение Суда ЕАЭС от 13 ноября 2024 г. по делу Р-3/24 о соотношении общих правил конкуренции и закупок. – URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-3.24/ (дата обращения: 02.03.2026).

В указанном консультативном заключении Большая коллегия Суда пришла к выводу о том, что в целях применения норм Договора о ЕАЭС под товарным рынком следует понимать сферу обращения товара, а государственные (муниципальные) закупки, включая закупки из одного источника либо у единственного поставщика (исполнителя, подрядчика), как отдельный способ их проведения представляют собой одну из форм приобретения товара в рамках этого товарного рынка. При этом было отмечено, что состояние товарного рынка и сложившиеся на нем условия формируют и условия оборота соответствующего товара, что, в свою очередь, может оказывать влияние на совершаемые государственные (муниципальные) закупки на таком товарном рынке. В своем консультативном заключении Суд ЕАЭС отметил, что регулирование Договором о ЕАЭС конкурентной (антимонопольной) политики и государственных (муниципальных) закупок осуществляется в том числе на основе установленных Договором о ЕАЭС принципов рыночной экономики и добросовестной конкуренции. Действие данных принципов определяет системную взаимосвязь правового регулирования рассматриваемых отношений. Отмечена также суть процедуры закупки из одного источника либо у единственного поставщика (исполнителя, подрядчика) – способ выбора поставщика (исполнителя, подрядчика) при осуществлении государственной (муниципальной) закупки, при котором заказчик предлагает заключить договор только одному определенному им потенциальному поставщику (исполнителю, подрядчику).

Таким образом, полагаем, что развитие конкуренции как цель и принцип регулирования в сфере государственных (муниципальных) закупок охватывает весь перечень предусмотренных Договором о ЕАЭС способов заключения договора о закупке, в том числе закупку из одного источника либо у единственного поставщика (исполнителя, подрядчика). Закрытый характер такого перечня исключает недобросовестную

практику проведения процедур государственных закупок, базирующихся на ограничении, недопущении или устранении конкуренции. Развитие конкурентных начал при осуществлении закупки из одного источника либо у единственного поставщика (исполнителя, подрядчика) возможно на национальном уровне, что отчетливо демонстрирует законодательство о государственных закупках Республики Беларусь. Включение конкурентных элементов в национальные механизмы проведения процедур государственных закупок должно производиться в строгом соответствии с Договором о ЕАЭС при соблюдении национальных интересов каждого государства – члена ЕАЭС, что требует от самого Договора о ЕАЭС большей гибкости, учета уровня цифровизации и скорости протекания экономических процессов современности. Перевод в электронный формат конкурентных способов заключения договора о закупке в государствах-членах свидетельствует о целесообразности сокращения минимальных сроков публикации (размещения) на веб-портале извещения о проведении конкурса или аукциона и конкурсной документации или документации об аукционе (с 15 календарных дней до 5–10 календарных дней). Также полагаем, что в Договоре о ЕАЭС должен быть сокращен минимальный срок заключения договора о закупке при проведении конкурса или аукциона с 10 календарных дней до 5 календарных дней, что отвечает интересам оперативности проведения процедуры государственной закупки и сократит негативные последствия злоупотреблений со стороны участников процедур государственных закупок в виде подачи в этот период необоснованных жалоб по процедуре государственной закупки.

П. П. Мысливский
советник судьи Суда Евразийского экономического союза, преподаватель кафедры международного права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Защита конкуренции в ЕАЭС: актуальные вопросы материального и процессуального права

1. Общее о ЕАЭС и его органах

Согласно Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. (далее – Договор о ЕАЭС) создана международная организация региональной экономической интеграции, Евразийский экономический союз, которому государства – члены Союза (Россия, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Армения) передали полномочия по регулированию различных общественных отношений (в этом контексте большинство вспоминает регулирование таможенных вопросов, однако на уровень Союза переданы также вопросы в сфере электроэнергетики, защиты внутреннего рынка, частично защиты интеллектуальной собственности и множество иных)[1].

Особенностью нынешнего этапа интеграции является то, что функции, ранее присущие государствам, переданы Союзу неравномерно: в отдельных сферах государства оставили на национальном уровне больший объем полномочий, в других – меньший (поэтому важно учитывать, что на данный момент в ЕАЭС наблюдаются различные темпы интеграции – в одних

[1] Нешатаева, Т. Н. Евразийский экономический союз: органы, практика, право / Т. Н. Нешатаева // Журнал российского права. – 2023. – № 5. – С. 187–201.

вопросах степень единообразия более низкая, в других – более высокая).

В терминологии статьи Договора о ЕАЭС данные уровни передачи компетенции названы как «единая», «согласованная», «скоординированная» политика (ст. 2). В рамках единой политики интеграция происходит в основном силами Союза, в том числе через решения его органов[2]. В рамках согласованной и скоординированной политик основную роль все же играют государства, согласующие подходы, законодательство и сотрудничающие между собой.

В Союзе функционируют два постоянно действующих органа – Евразийская экономическая комиссия (далее – ЕЭК, Комиссия), Суд ЕАЭС, которые претворяют интеграцию в жизнь. В силу Положения о Евразийской экономической комиссии (приложение № 1 к Договору о ЕАЭС) ЕЭК является регулирующим органом, который вправе принимать решения, которые встраиваются в право Союза и имеют прямое действие в праве государств – членов ЕАЭС. Кроме того, в отдельных сферах ЕЭК уполномочена проводить расследования и вводить различные меры – антидемпинговые пошлины или устанавливать штрафные санкции. Указанные меры и санкции вводятся также решениями данного органа и действуют напрямую.

Следовательно, достаточно широкий объем государственных полномочий передан на уровень наднациональной власти, ЕЭК.

Суд ЕАЭС действует в нынешней конфигурации с 1 января 2015 г. Ранее Суд ЕврАзЭС[3], который функционировал

---

[2] Нешатаева, Т. Н. Международный судья: ничего личного / Т. Н. Нешатаева // Международное правосудие. – 2019. – № 1. – С. 23–42.

[3] Нешатаева, Т. Н. Первый год существования Суда Евразийского экономического сообщества: итоги и перспективы / Т. Н. Нешатаева, П. П. Мысливский // Международное правосудие. – 2013. – № 2. – С. 88–100.

с 2012 г. по конец 2014 г., имел сопоставимую с ним компетенцию. Суд ЕАЭС достаточно активно формирует правовые позиции по многим направлениям интеграции, т. е. в различных материально-правовых сферах – от вопросов соответствия введенных вторичных санкций праву Союза до вопросов ветеринарной сертификации[4]. Это позволило ему выработать важные правовые позиции в различных сферах – теперь подходы Суда активно воспринимаются, учитываются и применяются при нормотворчестве и в межгосударственном переговорном процессе, а также помогают в защите прав хозяйствующих субъектов[5].

Как известно, Суд ЕАЭС, согласно пп. 39, 46 своего Статута (приложение № 2 к Договору о ЕАЭС), вправе работать в двух процедурах: вынесение консультативных заключений, в рамках которого Суд представляет разъяснение (толкование)

---

[4] Сборник правовых позиций Суда Евразийского экономического союза (по состоянию на 31 декабря 2024 г). – URL: https://courteurasian.org/upload/iblock/66c/jovqdrqq9qwgyazb504o3szcb3z890bc/%D0%A1%D0%B1%D0%BE%D1%80%D0%BD%D0%B8%D0%BA%20%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D1%85%20%D0%BF%D0%BE%D0%B7%D0%B8%D1%86%D0%B8%D0%B9%20%D0%A1%D1%83%D0%B4%D0%B0%20%D0%95%D0%90%D0%AD%D0%A1_(%D0%BF%D0%BE%20%D1%81%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%8F%D0%BD%D0%B8%D1%8E%20%D0%BD%D0%B0%2031.12.2024).pdf. (дата обращения: 10.01.2026).

[5] Обзор влияния практики Суда Евразийского экономического союза на нормотворческую деятельность и правоприменительную практику в ЕАЭС. – URL: https://courteurasian.org/upload/iblock/27c/%D0%9E%D0%B1%D0%B7%D0%BE%D1%80%20%D0%B2%D0%BB%D0%B8%D1%8F%D0%BD%D0%B8%D1%8F%20%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B8%20%D0%A1%D1%83%D0%B4%D0%B0%20%D0%95%D0%90%D0%AD%D0%A1.pdf. (дата обращения: 10.01.2026).

права Союза, а также рассмотрение споров между государствами – членами Союза (о соблюдении права Союза), государствами и ЕЭК (об оспаривании действий (бездействия) Комиссии), хозяйствующими субъектами и Комиссией (об оспаривании действий (бездействия) Комиссии). Суд ЕАЭС занимается вопросами антимонопольного права в обеих возможных процедурах – рассмотрения споров и вынесения консультативных заключений (разъяснения)[6].

2. Общее о защите конкуренции в ЕАЭС. На пути к сближению подходов

Положения касательно защиты конкуренции установлены в разделе XVIII Договора о ЕАЭС, приложении № 19 к Договору о ЕАЭС и охватывают все три вида политик[7]. Как следствие, и государства – члены Союза, и ЕЭК имеют свою компетенцию по различным вопросам конкуренции.

Практика ЕЭК показывает, что Комиссия достаточно активна и проводит расследования, связанные с предполагаемыми нарушениями конкуренции на трансграничных рынках. Например, согласно отчету о работе ЕЭК за 2023 г. поступило

---

[6] Сборник правовых позиций Суда Евразийского экономического союза (по состоянию на 31 декабря 2024 г.). – URL: https://courteurasian.org/upload/iblock/66c/jovqdrqq9qwgyazb504o3szcb3z890bc/%D0%A1%D0%B1%D0%BE%D1%80%D0%BD%D0%B8%D0%BA%20%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D1%85%20%D0%BF%D0%BE%D0%B7%D0%B8%D1%86%D0%B8%D0%B9%20%D0%A1%D1%83%D0%B4%D0%B0%20%D0%95%D0%90%D0%AD%D0%A1_(%D0%BF%D0%BE%20%D1%81%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%8F%D0%BD%D0%B8%D1%8E%20%D0%BD%D0%B0%2031.12.2024).pdf. (дата обращения: 10.01.2026).

[7] Консультативное заключение Суда ЕАЭС от 4 апреля 2017 г. по делу Р-1/17 о критериях допустимости вертикальных соглашений. – URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-1.17/ (дата обращения: 10.01.2026).

15 заявлений (материалов), проводилось 8 расследований, выдано 1 предостережение, 11 дел на рассмотрении и вынесено 7 решений Комиссии[8].

Комиссия занимается конкуренцией на трансграничных рынках, которые охватывают территории двух и более государств. Государственные органы занимаются вопросом конкуренции на национальных рынках государств – членов Союза. Следовательно, право Союза исходит из того, что компетенция государств и Союза не пересекается[9]. Решения антимонопольных органов национальных государств оспариваются согласно национальным правилам в национальных судах, решения ЕЭК – в Суде ЕАЭС. Это отчетливо и последовательно проявляется в практике Суда ЕАЭС с 2017 г. В 2024 г. Коллегия Суда подтвердила данный подход в деле «Туринского ЦБЗ» против ЕЭК, указав, что российский мораторий на проверки, введенный на национальном уровне, не может исключать возможность проверки на уровне Союза[10].

Отметим, что национальная практика антимонопольных органов и арбитражных судов Российской Федерации по антимонопольным делам крайне обширна, а формулировки Договора о ЕАЭС во многом повторяют российское законодательство

---

[8] О годовом отчете Евразийской экономической комиссии о состоянии конкуренции на трансграничных рынках и мерах, принимаемых по пресечению нарушений общих правил конкуренции на них, за 2023 год : распоряжение Евразийского межправительственного совета от 4 июня 2024 г. № 4.

[9] Консультативное заключение Суда ЕАЭС от 4 апреля 2017 г. по делу Р-1/17 о критериях допустимости вертикальных соглашений. – URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-1.17/ (дата обращения: 10.01.2026).

[10] Решение Коллегии Суда ЕАЭС от 5 февраля 2024 г. по делу С-7/23 Туринский ЦБЗ. – URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/%D0%A1-7.23-ao-turinskiy-tsbz-ob-osparivanii-resheniya-kollegii-eek-ot-19-09-2023-142/ (дата обращения: 10.01.2026).

о защите конкуренции: те составы правонарушений, которые описаны в российском законодательстве о защите конкуренции[11], схожи и совпадают с теми, которые описаны в праве Союза (ст. 76 Договора о ЕАЭС).

Тем не менее национальное антимонопольное право и правоприменение более динамичны, современны и напрямую охватывают более обширный перечень возможных нарушений: например, недобросовестную конкуренцию с использованием средств индивидуализации (ст. 14.4 Федерального закона «О защите конкуренции»). В праве Союза таких составов правонарушений не предусмотрено. Однако вопросы использования средств индивидуализации в контексте недобросовестной конкуренции по касательной проходят через практику ЕЭК: это было отчетливо видно в практике ЕЭК и делах Суда ЕАЭС по заявлениям Ассоциаций публичных бухгалтеров[12], а также в деле по заявлению индивидуального предпринимателя Е. А. Курко[13].

Кроме того, на практике выявляется неединообразие подходов в национальной и наднациональной юрисдикциях в следующих аспектах.

Например, в настоящее время согласно практике Суда ЕАЭС в этом судебном органе невозможно оспорить определение о начале проведения антимонопольного расследования, поскольку Суд ЕАЭС вправе рассматривать дела, в которых оспариваются **решения** ЕЭК (то есть окончательные акты,

---

[11] О защите конкуренции : Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ : ред. от 24 июня 2025 г.

[12] Решение Коллегии Суда ЕАЭС от 12 июля 2023 г. по делу С-3/23 Палата профессиональных бухгалтеров Республики Казахстан и др. I. – URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/C-3.23/ (дата обращения: 10.01.2026).

[13] Решение Коллегии Суда ЕАЭС от 23 декабря 2024 г. по делу С-8/24 ИП Курко Е. А. – URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/C-8.24/ (дата обращения: 10.01.2026).

которыми привлекаются к ответственности нарушители антимонопольного права Союза). Определения ЕЭК с точки зрения буквального прочтения Статута Суда ЕАЭС оспорить невозможно[14]. Тем не менее в национальной юрисдикции оспаривание приказов о возбуждении дела антимонопольным органом допустимо (об этом напрямую указывается в п. 51 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 марта 2021 г. № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства»).

Соответственно, на наднациональном и национальном уровнях возникает неединообразие в контексте права на судебную защиту – при проведении расследования в национальной юрисдикции у субъекта предполагаемого правонарушения есть право защититься более оперативно, оспорив приказ о проведении расследования, не дожидаясь решения о привлечении к ответственности. При этом на наднациональном уровне возможно защититься лишь по итогам вынесения решения по результатам длительного расследования.

С учетом того, что антимонопольное право Союза охватывает и наднациональный, и национальный уровни регулирования, из этого следует, что на обоих уровнях необходимо сближать подходы наднациональных и национальных судебных органов – например, путем учета практики друг друга даже в отсутствие института преюдициального запроса. В этой связи отметим, что Суд ЕАЭС при рассмотрении дел запрашивает мнения национальных властей по конкретным вопросам. При этом важно начать учет практики Суда ЕАЭС по антимонопольным делам и на национальном уровне. Принятое постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 марта 2021 г. № 2 напрямую не

[14] Решение Апелляционной палаты Суда ЕАЭС от 6 декабря 2021 г. по делу С-8/21 ГЛОБАЛ ФАРМА. – URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/C-8.21/ (дата обращения: 10.01.2026).

указывает, что национальным судам следует учитывать практику Суда ЕАЭС по вопросам защиты конкуренции.

Вероятнее всего, указанное упущение можно исправить в будущем сообразно положениям п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 ноября 2019 г. № 49 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике в связи с вступлением в силу Таможенного кодекса Евразийского экономического союза», п. 4 нормативного постановления Верховного Суда Республики Казахстан от 29 ноября 2019 г. № 7 «О некоторых вопросах применения судами Таможенного законодательства», в которых указывается о необходимости учета практики Суда ЕАЭС при рассмотрении дел национальными судами в таможенной сфер.

3. О защите физических лиц в сфере конкуренции

В 1957 г. Институт международного права принял резолюцию, касающуюся судебного обжалования решений международных органов[15]. В ст. III (1) резолюции в том числе содержится призыв к арбитражному или судебному урегулированию споров, когда решением международной организации затрагиваются частные права или интересы.

Применительно к ЕАЭС отметим, что это проблема комплексная и наиболее явно проявляется в контексте антимонопольного регулирования, включая в себя аспект защиты прав физических лиц, а также единообразия в подходах по оспариванию ненормативных правовых актов.

В национальном процессуальном праве у физических лиц гораздо больше возможностей: нормативные и ненормативные акты, письма органов власти могут быть оспорены в судебном порядке.

---

[15] INSTITUT DE DROIT INTERNATIONAL. Judicial Redress Against the Decisions of International Organs. – URL: https://www.idi-iil.org/app/uploads/2017/06/1957_amst_02_en.pdf. (дата обращения: 10.01.2026).

ЕЭК активно вовлечена в проведение антимонопольных расследований на трансграничных рынках. В настоящее время ЕЭК привлекает к ответственности за нарушение общих правил конкуренции в том числе физических лиц[16]. Именно эта часть компетенции Союза является «единой политикой», т. е. в ней действует наднациональный орган, которому государства – члены Союза передали свои полномочия в том числе на привлечение к ответственности юридических и физических лиц.

Отметим, что граждане (физические лица) на данный момент лишены права на обращение в Суд ЕАЭС напрямую для оспаривания решений, которыми они привлекаются к ответственности. Как следствие, физические лица вынуждены экспериментировать и обращаться в национальные суды России (в Москве) с тем, чтобы оспорить такие акты Комиссии, международного органа[17]. Это влечет длительные судебные процессы[18] по вопросу отмены актов Комиссии в российских судах.

12 февраля 2025 г. Суд ЕАЭС вынес консультативное заключение[19] по вопросу о возможности рассмотрения споров по заявлениям физических лиц согласно нынешней редакции Статута. Суд избрал консервативный подход, базируясь на том,

---

[16] О наложении штрафов за непредставление сведений (информации) : решение Коллегии ЕЭК от 23 марта 2023 г. № 67 // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 10.01.2026).

[17] См., например, Определение судьи Хамовнического районного суда города Москвы Шевьева Н. С. об отказе в принятии заявления от 28 августа 2023 г. (77RS0030-02-2023-007270-56; Ма-687/2023).

[18] Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 21 февраля 2025 г. – URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2444760 (дата обращения: 10.01.2026).

[19] Консультативное заключение Суда ЕАЭС от 12 февраля 2025 г. по делу Р-6/24. – URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-6.24/ (дата обращения: 10.01.2026).

что для передачи какого-либо спора (в том числе по заявлению физического лица) на рассмотрение международного суда необходимо согласие государств. В отсутствие такого согласия передача спора на международный уровень невозможна. Исходя из этого, следует проводить реформу учредительных документов Суда и Договора о ЕАЭС и установить, что истцами в Суде могут быть в том числе физические лица.

Сообразно избранному подходу в настоящее время ведется работа по предоставлению права физическим лицам обращаться в Суд с заявлениями об оспаривании решений, действий, бездействий Комиссии в контексте дел о защите конкуренции. Этот процесс небыстрый и очевидно растянется на несколько лет (с учетом ратификаций поправок в Статут Суда ЕАЭС).

Заключение

Право Евразийского экономического союза в сфере защиты конкуренции активно развивается в том числе путем судебных правовых позиций. Тем не менее актуальной следует признать необходимость уточнения как положения национального права, так и международных договоров в той части, чтобы установить единообразие в сфере антимонопольного права как на национальных рынках, так и на трансграничных, а также предоставить возможность судебного обжалования всем субъектам, чьи права нарушены (в том числе физическим лицам).

V ЕВРАЗИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ

Сессия Суда Евразийского экономического союза и Евразийской экономической комиссии «Право ЕАЭС и деятельность Суда Союза в условиях цифровой трансформации: потенциал развития» (28 мая 2026 года)

Э. А. Азимова
Председатель Конституционного Суда Республики Казахстан

Уважаемый Алексей Александрович,
уважаемые участники форума!

Приветствую вас от имени Конституционного Суда Республики Казахстан и благодарю организаторов за возможность участия в столь значимом профессиональном диалоге.

Сегодня вопросы цифровизации и искусственного интеллекта уже напрямую влияют не только на экономику, но и на содержание современного правосудия.

Евразийская интеграция развивается в условиях глубокой трансформации мировой экономики и технологического развития. В этих условиях задачи Евразийского экономического союза выходят за рамки исключительно экономического сотрудничества и связаны с формированием общего пространства доверия, основанного на правовой предсказуемости, справедливой конкуренции и уважении национальных интересов государств-участников.

Казахстан рассматривает ЕАЭС как механизм модернизации экономики, расширения торговли и укрепления промышленной кооперации, при этом исходя из необходимости сохранения баланса между интеграцией и защитой конституционных основ государственности, экономической безопасности и национальных интересов.

Особое значение приобретают цифровизация и внедрение искусственного интеллекта. Казахстан рассматривает развитие цифровой экономики и трансграничного обмена данными как ключевой фактор интеграции. В числе приоритетов председательства обозначены цифровизация промышленности и АПК, развитие цифровых платформ и внедрение ИИ в государственное управление.

Цифровая трансформация одновременно формирует новые правовые вызовы: защита данных, прозрачность алгоритмов, ответственность за использование ИИ и обеспечение судебного контроля за цифровыми системами.

В этой связи возрастает роль Суда Евразийского экономического союза как института, обеспечивающего единообразное толкование и применение права Союза. Его практика способствует устранению барьеров в торговле и укреплению доверия к интеграционным механизмам.

Развитие интеграционного правосудия невозможно без диалога между Судом ЕАЭС и национальными конституционными судами. Такой диалог позволяет сохранять баланс между целями интеграции и конституционными ценностями, включая защиту прав человека и верховенство Конституции.

Именно поэтому особое значение приобретает соотношение наднационального и конституционного правопорядка.

Суд ЕАЭС и Конституционный Суд Республики Казахстан имеют общую задачу – обеспечение правовой определенности через толкование права, но различаются по предмету регулирования. Суд ЕАЭС обеспечивает применение права Союза в экономической сфере. Конституционный Суд обеспечивает верховенство Конституции, защиту прав человека и фундаментальных принципов правопорядка.

Особое значение имеет конституционная функция проверки возможности исполнения решений международных организаций на предмет их соответствия Конституции Республики Казахстан. Эта норма направлена на обеспечение конституционного суверенитета и подтверждает приоритет Конституции при сохранении приверженности международной интеграции.

Интеграция может быть устойчивой только тогда, когда она строится на уважении конституционной идентичности государств-участников. В условиях цифровизации это особенно важно, поскольку трансграничные цифровые решения

затрагивают одновременно интересы государств, бизнеса и права человека.

Цифровые технологии повышают эффективность правосудия. Для Суда ЕАЭС это развитие цифровых инструментов анализа практики и унификации подходов к толкованию права. Для конституционных судов – совершенствование контроля и аналитической работы. При этом цифровизация должна оставаться инструментом, а не заменой правосудия, основанного на независимости суда и верховенстве права.

Современная интеграция требует устойчивой правовой среды, способной отвечать на вызовы цифровой эпохи. Ключевое значение приобретают межсудебный диалог, согласование подходов к толкованию права и укрепление доверия между национальными и наднациональными институтами. **Именно это обеспечивает устойчивость интеграции, защиту национальных интересов и прав человека.**

Благодарю за внимание.

А. А. Дронов
Председатель Суда Евразийского экономического союза

Право ЕАЭС и деятельность Суда Союза в условиях цифровой трансформации: потенциал развития

(Тезисы выступления)

1. Функционирование права и правосудия как институтов предполагает сбор, обработку, передачу, хранение, систематизацию и анализ информации. Суть процесса цифровой трансформации, обоснованно выбранной в качестве стержневой темы Евразийского экономического форума – 2026, – *перевод массива информации и данных*, связанных с ними социально значимых процессов *в цифровую форму.* Это объективно и неизбежно влечет за собой для человеческого общества, включая упомянутые выше институты, *масштабные* и *долговременные последствия системного порядка*, что признается как на универсальном (на этот счет принят целый ряд резолюций Генеральной Ассамблеи ООН), так и на региональном уровне, включая Евразийский экономический союза (ЕАЭС), в рамках которого с 2016 г. ведется работа над *цифровой повесткой*.

К этому добавляется набирающее обороты развитие и внедрение технологии *искусственного интеллекта (ИИ)*, феномен которого требует отдельного внимательного и глубокого осмысления, поскольку здесь речь идет уже не просто о наборе технических операций с информацией (данными), а о способности ИИ к автономному, по отношению к человеку, саморазвивающемуся процессу анализа и осмысления сверхбольших массивов информации, формированию искусственной (виртуальной) информационной реальности.

По сути, человеческое общество всеми сторонами своего бытия входит в *новую технологическую фазу*.

2. Цифровая трансформация, существенно сокращая издержки, с одной стороны, формирует невиданные прежде *окна возможностей* для социально-экономического развития, ускорения многих социально значимых процессов, а с другой – создает комплекс разноплановых, притом не всегда осознаваемых рисков, в том числе в области права и правосудия.

Задача, соответственно, состоит в том, чтобы в максимальной мере воспользоваться новыми возможностями, которые дают цифровые технологии, своевременно и добросовестно выявлять связанные с этим риски, принимать адекватные эффективные меры к их предупреждению и нейтрализации. Применительно к *сфере права* вопрос, соответственно, в том, как обратить во благо плоды технологического прогресса, не причинив вреда и не исковеркав достижения человечества: базовые ценности в области права и правосознания, стоящие на защите достоинства человеческой личности, ее права на жизнь и всестороннее развитие, при уважении ее исторической и культурной идентичности, воплощенные в конституционных правопорядках наших государств, основополагающих принципах и нормах международного права, праве Союза? Нельзя допустить, в частности, чтобы внедрение цифровых технологий и ИИ повлекло за собой новые формы дискриминации и технологической несовместимости, которые способны повлечь за собой фрагментацию и дисфункцию институтов права.

3. Эта задача весьма актуальна для ЕАЭС – международной организации региональной экономической интеграции, созданной на основании Договора о Евразийском экономическом союзе, подписанного в Астане 29 мая 2014 г. (далее – Договор), *целями* которого являются: создание условий для устойчивого социально-экономического развития государств – членов Союза и формирование единого рынка товаров, услуг, капитала

и трудовых ресурсов, *всесторонняя модернизация* и *повышение конкурентоспособности* их национальных экономик в рамках глобальной экономики.

Ясно, что достижение этих целей в условиях нового технологического уклада без эффективного использования цифровых инноваций нереально. Необходимо принять меры к тому, чтобы использовать цифровые технологии в интересах осуществления объекта и целей Договора о ЕАЭС на основе верховенства права, обеспечения единообразного применения Договора и основанных на нем актов права Союза всеми его органами и государствами-членами, дальнейшего развития институтов ЕАЭС, включая Суд Союза, и *облегчения доступа к правосудию*.

4. В свете вышеизложенного заслуживает решительной поддержки тема ЕЭФ-2026 и настоящей сессии, в ходе которой представляется важным придать дополнительный импульс всестороннему анализу вышеупомянутых последствий и рисков *для системы права Союза и деятельности Суда ЕАЭС* как его постоянно действующего судебного органа, *наметить приоритетные, практические меры по ее адаптации к реалиям набирающей обороты цифровой трансформации*. Убеждены, что такой подход в полной мере отвечает духу и букве Договора о ЕАЭС и *Совместного заявления глав государств – членов ЕАЭС* по проблематике цифровизации и искусственного интеллекта, которое предполагается принять в ходе предстоящего заседания Высшего Евразийского экономического совета (Астана, 28–29 мая 2026 г.).

При этом, принимая во внимания тему настоящей сессии, представляется необходимым уделить внимание рассмотрению *последствий цифровой трансформации* в двух взаимосвязанных контекстах: для *общественных отношений*, составляющих *предмет регулирования* Договора, и собственно для *механизма Суда ЕАЭС.*

5. В том, что касается *первого* из вышеупомянутых аспектов, следует отметить: цифровая трансформация общественных отношений как предмета регулирования Договора способна существенным или даже *коренным образом* изменять объем, характер и содержание установленных прав и обязательств, значительная часть которых создавалась в доцифровую эпоху. По сути, общепризнано и все отчетливее просматривается тенденция к *отрыву позитивного (писаного) права*, в том числе норм, принимаемых в рамках ЕАЭС, *от реалий общественных отношений*, динамично трансформируемых под влиянием цифровых инноваций и ИИ. В числе причин – сложность и длительность процесса согласования государствами-членами новых норм и стандартов.

Между тем во многих случаях возникает неотложная потребность в новом осмыслении не только отдельных норм, а подчас *парадигмы права* – в формировании отвечающих реалиям цифровой эпохи подходов к созданию, толкованию и применению правовых институтов и норм. Основанная на вышеупомянутом Договоре система интеграционного права Союза не исключение.

Нужно также учитывать, что Договор, будучи результатом сложного компромисса, содержит немало элементов (явных и скрытых), которые, с одной стороны, придают ему гибкость, а с другой – носят общий характер и в интересах правовой определенности нуждаются в разъяснении, притом достаточно авторитетном, чтобы быть воспринятым органами Союза и его государствами-членами. Можно с уверенностью утверждать: в результате цифровой трансформации эти элементы могут приобретать *характер пробелов* и порождать двусмысленность, способную создавать серьезные помехи эффективному функционированию ЕАЭС, единообразному пониманию и применению норм права Союза.

Возникает потребность и в уяснении в свете объекта и целей Договора смысла и значения *новых понятий*, появление которых сопряжено с развитием процессов цифровой трансформации.

Наглядный пример – используемое в проекте вышеупомянутого заявления глав государств – членов ЕАЭС понятие «*цифровой суверенитет*».

6. На этом фоне следует констатировать, во-первых, объективно *возрастающую роль органов национального и международного правосудия* как институтов, которые в силу их природы в пределах предоставленной им компетенции обладают способностью к развитию норм права и их адаптации к изменяющимся условиям на основе их осмысления и толкования, что, в свою очередь, позволяет обеспечивать стабильность правовых систем перед лицом вызовов цифровизации. Во-вторых, значение *диалога Суда ЕАЭС и национальных судебных систем* государств-членов в контексте решения общей и императивной для государств-членов и органов ЕАЭС задачи обеспечения единообразного применения Договора и основанных на нем норм прав Союза, а также *перевода этого диалога на прочную, институциональную основу.*

Одновременно объективно возрастает значение *научно-доктринального и экспертного сопровождения* юридической деятельности, в том числе связанной с осуществлением правосудия на национальном и международном уровнях. Потребность в научно обоснованном, междисциплинарном подходе в целом к институту права как регулятору общественных отношений и к применению норм права (включая право Союза) в условиях цифрового перехода и обусловленных им вызовов, в свою очередь, диктует необходимость *системного диалога и консолидации усилий различных сегментов общества*, включая органы публичной власти, профессиональное юридическое сообщество, академические и предпринимательские круги, в интересах обеспечения адаптации социума к реалиям нового технологического уклада.

7. Приведенные выше соображения и выводы имеют *прямое отношение* к Суду ЕАЭС и его деятельности по развитию права Союза.

В данном контексте важно подчеркнуть, что в соответствии с п. 2 Статута Суда Евразийского экономического союза (содержащегося в приложении № 2 к Договору, составляющем неотъемлемую часть последнего) целью деятельности Суда является обеспечение *единообразного применения государствами-членами и органами Союза* актов, формирующих систему права Союза: Договора, международных договоров в рамках Союза, международных договоров Союза с третьими сторонами и решений органов Союза.

Поскольку субъектами, которые осуществляют применение норм права Союза (обладающего свойствами верховенства, обязательности, прямого действия и непосредственного применения на территориях государств-членов), выступают не только органы Союза, но и компетентные органы государств-членов, включая *их органы судебной власти*, в условиях цифрового перехода еще более остро встает вопрос обеспечения единообразного применения норм права Союза, от которого напрямую зависит эффективность этого межгосударственного объединения, в том числе его способность регулировать отношения, составляющие предмет Договора, к достижению целей и реализации принципов Договора.

Нескоординированное развитие цифровых технологий в разных государствах-членах также может привести к ситуации, когда реализация норм права Союза, даже если они относятся к сферам единой и согласованной политики, может оказаться неединообразной, что чревато технологической *фрагментацией права ЕАЭС.*

8. Обращаясь к вопросу о *последствиях цифровизации для механизма Суда Союза*, считаю, что в рамках выносимой на обсуждение проблематики уместно выделить два смысловых блока: развитие в рамках ЕАЭС *электронного правосудия* и характеризующийся рядом существенных особенностей *комплекс вопросов, связанных с использованием ИИ.* Применительно

к искусственному интеллекту, очевидно, на первый план выходит решение задач, связанных с обеспечением *эффективного контроля человека над созданием и использованием технологии ИИ*, формирование основанной на безусловном уважении и соблюдении конституционных прав и свобод системы норм и стандартов, отвечающей интересам общества и этичного использования ИИ. Здесь имеется широкий спектр проблем и вызовов, которые уже получили отражение в специализированной литературе и которые указывают на необходимость проявлять максимальную осторожность в контексте внедрения и расширения использования ИИ в области правосудия.

9. С учетом этого в контексте деятельности Суда ЕАЭС предложил бы сосредоточить внимание на комплексе вопросов, касающихся внедрения на уровне Союза технологий *электронного правосудия*, и в этой связи привлечь внимание к следующим моментам.

Во-первых, наблюдаем во всех государствах-членах активное *развитие электронного правосудия и дистанционных методов* его осуществления, что полностью отвечает интересам облегчения доступа к правосудию, его прозрачности и беспристрастности. Таким образом, под реализацию гражданами и юридическими лицами конституционного права на справедливое судебное разбирательство и судебную защиту подводится *современная технологическая база*.

В рамках Союза по линии его постоянно действующего регулирующего органа – Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) – в сотрудничестве с государствами-членами также ведется работа по цифровой повестке, направленной на создание благоприятных условий для внедрения цифровых инноваций и поэтапное формирование в ЕАЭС инклюзивной и безопасной *цифровой экосистемы*.

Суд, расположенный в Минске, является одним из двух постоянно действующих органов ЕАЭС как международной

организации региональной экономической интеграции. В этой связи решение задачи по созданию в рамках Союза *цифровой экосистемы* предполагает необходимость *интеграции в нее Суда Союза*, в процессе реализации которой должны приниматься во внимание статус, предмет деятельности и специфические потребности этого института в контексте вышеупомянутой цели деятельности Суда – обеспечения посредством осуществления международного правосудия единообразного применения права Союза всеми его органами и государствами-членами.

Это по определению *комплексная задача*, включающая не только правовой, но также административно-бюджетный и информационно-технологический аспекты.

Соответственно, важно своевременно позаботиться о том, чтобы Суд ЕАЭС не только был интегральной частью цифровой повестки Союза, но и чтобы формируемая цифровая экосистема позволяла на перспективу обеспечить *совместимость соответствующего (судебного) сегмента цифровой экосистемы Союза с цифровыми платформами национальных судебных систем государств-членов*, что давало бы возможность выйти на качественно более высокий, отвечающий целям Договора о ЕАЭС уровень *диалога Суда Союза с судебными системами государств-членов.*

Вынужден констатировать, что в части Суда ЕАЭС практическая работа в этом направлении в рамках Союза, *по сути, еще не началась.* Между тем непринятие комплексных мер в этом направлении ведет к возникновению *цифрового разрыва* не только между Судом ЕАЭС и национальными судебными системами государств-членов, но даже и в самом Союзе между двумя его постоянно действующими органами, что несовместимо с принципом внутренней целостности Союза как международной организации, способно создать серьезные помехи его эффективному функционированию.

Кроме того, при таком развитии было бы поставлено под вопрос соблюдение одного из основополагающих принципов

Договора о ЕАЭС, согласно которому *конституционные права и свободы человека и гражданина* (включая право на справедливое судебное разбирательство и судебную защиту прав и законных интересов) в органах Союза должны обеспечиваться на уровне не ниже того, который установлен в государствах-членах.

Во-вторых, Статут и Регламент, в соответствии с которыми Суд Союза осуществляет свою деятельность, разрабатывались и принимались на заре эпохи цифровизации, которая по этой причине *не получила отражения в этих актах права Союза.* Статут составляет неотъемлемую часть Договора о ЕАЭС, Регламент утверждается решением Высшего Евразийского экономического совета (продолжает действовать в редакции 2014 г.). Более того, в силу п. 102 Статута решения Суда «не изменяют и (или) не отменяют действующих норм права Союза… и не создают новых».

Суд ЕАЭС имеет определенный опыт осуществления дистанционного правосудия, к которому был вынужден обратиться в период пандемии коронавируса. Соответствующая практика, однако, основывалась *на отдельных процедурных решениях*, которые Суду ЕАЭС – в отсутствие на этот счет специальных правил и норм – всякий раз приходилось принимать в каждом конкретном случае. Исходя из принципа правовой определенности, этот метод, понятно, не может заменить наличие ясного свода принятых правил, устанавливающих права и обязанности Суда и сторон в процессе.

10. Ввиду вышеизложенного представляется очевидным, что решить *самостоятельно* обозначенный выше комплекс задач в области цифровизации Суд при всем желании *не в состоянии*. Необходимым условием запуска и успешного проведения предметной работы по *адаптации механизма Суда ЕАЭС к реалиям цифрового перехода* и формированию пакета решений, необходимых для внедрения технологий *электронного правосудия*,

является создание в рамках Союза *специализированного, наделенного соответствующим «мандатом» формата* (например, в виде рабочей группы) с участием представителей Суда и Комиссии, экспертов государств-членов. Цель – подготовка предложений по внесению соответствующих изменений и дополнений в акты права Союза, регулирующие деятельность Суда (включая поправки в его Регламент), определение приемлемых параметров использования Судом ЕАЭС технологий дистанционного и электронного правосудия, а также необходимых для этого административных и бюджетных ресурсов. Полагаю, что для этого потребуется принятие Советом ЕЭК соответствующего решения.

Со своей стороны имеем в виду создать в Суде рабочую группу для подготовки возможных предложений, которые могли бы после их одобрения пленарным заседанием Суда Союза быть обсуждены в рамках вышеупомянутого экспертного формата.

Вышеизложенное, однако, не означает необходимость полной замены/отмены классических методов организации и ведения Судом ЕАЭС судебных процессов (предполагающих явку сторон в Суд, их очное и непосредственное участие в разбирательствах и т. п.). Применение этих методов, полагаю, и в условиях цифровизации должно оставаться общим правилом. Вместе с тем Суд должен иметь возможность на основе мотивированного обращения сторон – в интересах облегчения доступа к правосудию – использовать и другие методы организации судебных процессов, допускающие использование электронных технологий (создание личных кабинетов, защищенная передача судебных документов и доказательств в электронном виде, применение электронных подписей и т. п.) и технологий эффективного дистанционного доступа, гарантирующих соблюдение установленных правом Союза принципов осуществления правосудия и стандарт защиты данных.

Н. Н. Филиппова
первый заместитель Министра юстиции
Республики Беларусь

Искусственный интеллект в нормотворчестве через цифровизацию: от автоматизации к предикативному анализу коллизий права ЕАЭС

В Республике Беларусь активно обсуждаются вопросы регулирования сферы искусственного интеллекта, который связан с процессами цифровизации.

При этом цифровизация – это не разовое действие, это эволюция. Несмотря на отсутствие национальной стратегии или концепции, программы развития искусственного интеллекта, целый ряд нормативных правовых актов затрагивает отдельные аспекты, связанные с его использованием.

Анализируя опыт Республики Беларусь, мы видим классический пример успешной поэтапной трансформации. Этот путь занял более десятилетия, и его можно разделить на несколько ключевых этапов.

На первом этапе мы начали публиковать законы в сети и вести электронный реестр, заменив бумажные носители.

С 2015 г. приоритетным направлением дальнейшего развития нормотворческой деятельности в нашей стране стала автоматизация процессов подготовки, согласования, проведения экспертиз, внесения в нормотворческий орган и принятия правовых актов.

Следуя установленному Президентом направлению, в 2016 г. впервые было внедрено использование **автоматизированной информационной системы, обеспечивающей формирование**

Национального реестра правовых актов Республики Беларусь (АИС НРПА) в ведомственное нормотворчество. Данная система предоставила возможность государственным органам оформлять принимаемые ими акты **в виде электронных документов**, удостоверенных электронной цифровой подписью. Посредством системы обеспечивалось **проведение обязательной юридической экспертизы** таких актов и включение их в Национальный реестр правовых актов.

Первые шаги в отношении регулирования национальной отрасли искусственного интеллекта были сделаны в **Декрете** Президента Республики Беларусь 2017 г. **«О развитии цифровой экономики»**, которым предусмотрено осуществление деятельности в сфере искусственного интеллекта и создания систем беспилотного управления транспортными средствами.

Второй этап стал переходным. Была введена обязательность электронной формы для регистрации правовых актов. Мы ушли от дублирования процессов и сделали цифровой формат стандартным.

Импульсом этих качественных преобразований нормотворческой деятельности в нашей стране стал обновленный в 2018 г. Закон Республики Беларусь «О нормативных правовых актах», который определил **основы использования современных технических средств в нормотворчестве**. В нем и была закреплена, помимо использования бумажных носителей, возможность применения **электронной формы** при подготовке проектов всех нормативных правовых актов **на стадиях согласования, проведения экспертиз и внесения в нормотворческий орган.**

Вопросы внедрения искусственного интеллекта в Республике Беларусь перешли в практическую плоскость в том числе после принятия в **2019 г. Указа Президента Республики Беларусь «О совершенствовании нормотворческой деятельности»**. Данный нормативный правовой акт определил автоматизацию нормотворческих процессов как одну из главных задач развития. Сегодня новейшие технологии в республике

рассматриваются на всех этапах – от создания концепции правового акта и проведения его экспертизы до автоматизированного внесения в нормотворческие органы.

В развитие избранного подхода, а также с учетом необходимости незамедлительного реагирования на мировые и внутренние вызовы Указом «О повышении оперативности и качества нормотворческой деятельности» **Президент Республики Беларусь в 2020 г. дал поручение перевести всю нормотворческую деятельность в цифровую среду.**

Таким образом, наступил третий, самый важный этап, когда Беларусь перешла от оцифровки готовых документов к оцифровке процесса их создания.

Развивая достигнутое, а также создавая предпосылки для дальнейшего совершенствования, в 2023 г. мы закрепили в нашем Законе «О нормативных правовых актах» такой принцип нормотворческой деятельности, как принцип цифровизации, который обеспечивается широким применением информационных технологий на всех стадиях нормотворческого процесса, в том числе за счет развития электронного документооборота, максимального использования цифровых инструментов в процессе нормотворческой деятельности.

В **Концепции правовой политики Республики Беларусь,** утвержденной Указом Президента Республики Беларусь, вопросы применения искусственного интеллекта указаны среди актуальных сфер развития гражданского, экономического (хозяйственного) законодательства.

В 2025 г. запущена новая автоматизированная информационная система «Нормотворчество», которая позволяет вести весь нормотворческий процесс в цифровом поле, начиная с создания проекта, проведения всех экспертиз и заканчивая включением принятого акта в реестр, – для всех без исключения актов законодательства (от решений местных органов власти и до проектов законов и решений главы государства).

В функционал данной системы также заложена **автоматизация функций контроля за сроками** в нормотворческом процессе, **наличием обязательных документов**, прилагаемых к проектам, **виз, подписей должностных лиц,** а также за **устранением необоснованного дублирования проектов** при их подготовке.

Сегодня все документы стратегического планирования, принятые в Республике Беларусь, пронизаны необходимостью использования искусственного интеллекта в реализации фундаментальных задач в сфере государственного строительства. Приведу конкретные примеры.

Утвержденная решением Всебелорусского народного собрания **Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2026–2030 гг.** к основным аспектам цифровой трансформации относит искусственный интеллект.

Из 28 государственных программ практически в каждой упоминаются технологический суверенитет, делается акцент на развитии цифровых технологий.

В настоящее время в Республике Беларусь разрабатывается Единая система электронного документооборота и контроля за исполнением поручений. В данной разработке предусматривается интеграция с уже действующими информационными системами «Государственная статистическая отчетность», «Ведомственный архив», «Нормотворчество» и др. Информационная система будет обеспечивать систематизацию и автоматическое описание документов, а также предоставит возможность каждому пользователю управлять образующимися в процессе его деятельности документами и иной документированной информацией.

Технологии и искусственный интеллект настолько плотно вошли в нашу повседневную жизнь, что пронизывают все ее сферы. И международное сотрудничество не исключение.

В условиях углубления евразийской интеграции объем нормативно-правовой базы ЕАЭС постоянно растет. Сегодня мы имеем дело с многоуровневой системой: международные договоры, акты

органов Союза и национальное законодательство пяти членов евразийской семьи. В такой сложной архитектуре возникновение правовых коллизий становится неизбежным риском, который напрямую влияет на стабильность евразийской интеграции.

Представители юридического сообщества государств – членов ЕАЭС ежедневно сталкиваются с колоссальными задачами, оперируя тысячами норм, сотнями законов и актами органов Союза.

Это не просто база данных, это полноценный цифровой коридор, через который уже прошли тысячи правовых актов. Но самое важное – это вектор развития. Мы движемся в направлении перехода к созданию интеллектуального ИИ-ассистента, который станет для юриста не заменой, а незаменимым навигатором в сложнейшем процессе нормотворчества.

Важно понимать, что искусственный интеллект – это не замена творческому гению, это мощнейший рычаг, который освобождает нас от рутинных операций ради выработки оптимального правового регулирования.

До недавнего времени нашей главной задачей была автоматизация. Сегодня можно смело говорить о том, что мы создали единые реестры, оцифровали правовую базу и обеспечили к ней быстрый доступ.

Цифровизация нормотворческого процесса, внедрение онлайн-доступа к юридическим услугам, включая нотариальные действия и административные процедуры, расширение возможностей использования информационных технологий в исполнительном производстве, электронного делопроизводства – сегодня это для нас норма. Это позволяет ускорить все процессы, обеспечить оперативность и прозрачность принятия решений.

В то же время автоматизация видит буквы закона, но не видит его смысловых конфликтов, не позволяет нам осуществить предикативный анализ, направленный на выявление потенциальных конфликтов еще на стадии разработки проекта акта Союза.

Сегодня юристы государств – членов ЕАЭС тратят бесчисленные часы, чтобы разобраться с национальным регулированием друг друга и рассмотреть его в контексте наднационального регулирования.

Именно здесь и нужны возможности, которые дает нам искусственный интеллект. В данном случае это не следование модным тенденциям, а необходимость.

Поэтому сегодня мне хочется обратиться ко всем присутствующим с достаточно амбициозной и смелой идеей – призывом к созданию специального программного продукта с элементами искусственного интеллекта, который придаст дополнительный стимул развитию нормотворчества ЕАЭС.

Как представляется, такая программа должна сигнализировать о риске коллизии в момент написания первой строчки проекта акта, анализируя действующие нормы права ЕАЭС. Она должна видеть смысловые связи и потенциальные противоречия.

Среди возможных первоочередных элементов концепции такой программы можно выделить следующие.

1. Программа должна **анализировать содержание рассматриваемой проектируемой нормы и находить несоответствия** даже при употреблении терминов, которые отличаются от ранее используемых. Например, если в действующем праве ЕАЭС используется один термин для обозначения какого-либо явления, то человек, анализируя рассматриваемую норму с нововведениями в этой области, не всегда может оценить степень противоречия. В то время как искусственный интеллект сразу подсвечивает эти изменения.

2. Программа должна предлагать **оптимальные пути разрешения противоречий,** находить аналогии в успешных решениях других государств-членов, подсказывать, какие устаревшие нормы пора отменить, чтобы освободить место для нового.

3. Возможно внедрение **функции предикативного сопоставления с практикой Суда ЕАЭС.** Например, предлагаемая норма рассматривается программой как уже ранее оспариваемая в одном из дел Суда ЕАЭС. Таким образом, вероятность

успешности ее внедрения должна оцениваться уже с учетом выводов Суда Союза по вопросу.

4. Программа могла бы содержать в себе определенный функционал для применения принципа **one in** – **one out.** При рассмотрении новой нормы программа могла бы выдавать перечень норм, которые дублируют правило или, наоборот, противоречат ему, для того, чтобы признать их утратившими силу. Данное условие позволило бы совершенствовать правовую систему, делать ее удобной и понятной, устранять повторы в регулировании.

Безусловно, такое видение использования искусственного интеллекта в евразийском нормотворчестве на данный момент является смелым концептом и даже в некотором роде интеллектуальным вызовом. Эти идеи лишь первый набросок фундамента, который нуждается в глубокой проработке.

Мы понимаем, что это требует колоссальной работы на практике. Необходимы и детальная научная экспертиза, и построение пошагового плана-графика. Это трудный путь, который требует больших ресурсов, как финансовых, так и людских.

Вместе с тем, принимая во внимание те задачи, которые сегодня ставят перед нами главы наших государств в сфере развития искусственного интеллекта в Союзе, мы со своей стороны готовы к этой работе и подтверждаем нацеленность на оказание любого возможного содействия Комиссии в работе в данном направлении.

Мы убеждены, что поступательный переход к использованию искусственного интеллекта в процессе создания новых норм права Союза критически важен. Те усилия, которые мы сегодня вложим в этот процесс, станут гигантским шагом вперед уже завтра по целому ряду причин.

Во-первых, это приведет к **экономии времени и повышению профессиональной эффективности.** Мы сможем сосредоточить высвободившееся время и силы экспертов на сложнейших интеллектуальных задачах – разработке стратегий, переговорах, а не на рутинном и иногда механическом поиске противоречий. Сегодня

мы видим, что порой работа над правовыми нормами ведется годами. Задержки же в принятии важных правовых положений из-за длительных согласований могут стоить очень дорого.

Во-вторых, **это повысит качество нормотворчества и минимизирует риски.** Искусственный интеллект в нашем случае выступит своего рода первоначальным контроллером, через крупное «сито» которого не будут проходить откровенно коллизионные нормы. Он не позволит появиться актам, которые создают очевидные барьеры или дублируют уже существующие нормы.

В-третьих, немаловажным последствием, как представляется, станет **укрепление правовой стабильности и доверия к евразийской интеграции.** Внедрение программы с элементами искусственного интеллекта поможет продолжить и углубить гармонизацию и систематизацию права Союза.

И последнее, но не менее важное – **инновации на мировой арене.** Внедрение такой передовой системы в ЕАЭС будет позиционировать Союз как лидера цифровой трансформации. Это станет ярким примером для других интеграционных объединений и демонстрацией инновационного подхода к решению сложнейших задач.

Конечно, на пути от автоматизации к предикативности стоят серьезные вызовы. Это и цифровой суверенитет, и то, что окончательное решение всегда остается за человеком, а система всего лишь подсвечивает риски. Но возможные преимущества слишком значимы, чтобы пренебрегать ими.

Переход к предикативному анализу коллизий права ЕАЭС – это не только вопрос технологий, это вопрос зрелости нашего Союза. Мы должны стремиться к тому, чтобы право ЕАЭС было не просто сводом правил, а бесперебойно работающей операционной системой нашей общей экономики, особенно в контексте совместного заявления лидеров наших стран о развитии искусственного интеллекта в праве ЕАЭС.

Благодарю за внимание!

С. Т. Ызакова
первый заместитель Министра юстиции Кыргызской Республики

Уважаемые коллеги!

Прежде всего позвольте поблагодарить организаторов сегодняшней сессии за возможность обсудить тему, которая напрямую связана с будущим Евразийского экономического союза, – право и цифровая трансформация как новый этап развития ЕАЭС.

Мы живем в период, когда цифровые технологии меняют не только экономику, но и саму архитектуру общественных отношений. Искусственный интеллект, цифровые платформы, электронная коммерция, трансграничный обмен данными, автоматизированные государственные сервисы – все это уже не вопрос будущего, а часть повседневной реальности наших государств.

При этом скорость технологических изменений сегодня значительно опережает скорость формирования правового регулирования. Именно поэтому цифровая трансформация становится не только технологическим, но прежде всего правовым вызовом. Для государств ЕАЭС это особенно важно, поскольку любые различия в регулировании цифровой среды неизбежно влияют на функционирование общего рынка, свободу движения услуг, капитала и развитие трансграничного бизнеса.

В этих условиях особое значение приобретает право Союза и роль Суда Евразийского экономического союза. Сегодня Суд ЕАЭС выполняет значительно более широкую функцию, чем исключительно разрешение споров между участниками интеграционных отношений. По сути, Суд Союза становится важным элементом формирования единого правового пространства ЕАЭС, обеспечивая единообразное понимание норм права

Союза, правовую определенность и предсказуемость для государств и бизнеса.

И это важно именно в условиях цифровой трансформации, когда право должно успевать реагировать на новые формы экономических отношений. Не случайно в профессиональном сообществе все чаще обсуждается необходимость развития цифрового правосудия и цифровых механизмов взаимодействия в рамках интеграционных институтов.

Уже сегодня в деятельности Суда ЕАЭС используются отдельные цифровые решения: электронный документооборот, цифровой обмен материалами, современные механизмы информационного взаимодействия. Это абсолютно закономерный процесс. Потому что эффективность правосудия в современных условиях во многом определяется не только качеством судебных решений, но и скоростью доступа к правосудию, прозрачностью процедур и технологической доступностью судебной системы.

Мировая практика показывает, что цифровизация судебной системы становится глобальным трендом. В Сингапуре значительная часть процессуальных действий осуществляется в цифровом формате, что существенно сокращает сроки рассмотрения дел. В ряде стран уже тестируются технологии искусственного интеллекта для анализа судебной практики, автоматизации обработки типовых документов и поиска релевантных правовых позиций.

Конечно, речь не идет о замене судьи искусственным интеллектом. Но современные технологии уже способны значительно повысить эффективность судебного администрирования, упростить доступ к судебной информации и снизить нагрузку на судебную систему. И, вероятно, в перспективе такие решения будут все активнее использоваться и в интеграционных судебных институтах.

Однако здесь возникает принципиально важный вопрос. Чем активнее государство внедряет цифровые технологии

и элементы искусственного интеллекта, тем выше становятся требования к защите персональных данных, информационной безопасности и соблюдению фундаментальных прав человека.

Сегодня данные становятся новой экономической ценностью. Но одновременно они становятся и источником новых рисков – утечки информации, незаконного использования персональных данных, непрозрачности алгоритмов, возможной цифровой дискриминации. Поэтому задача государства и интеграционных институтов заключается не только в стимулировании цифровизации, но и в обеспечении надежных правовых гарантий. Именно баланс между инновациями и защитой прав человека должен стать основой цифрового развития ЕАЭС.

Кыргызская Республика также активно движется в этом направлении. В феврале текущего года в Кыргызской Республике вступил в силу Цифровой кодекс – первый системный нормативный акт, формирующий комплексную правовую основу цифрового развития государства. Его принятие стало важным этапом модернизации законодательства в сфере цифровых технологий, данных, электронного взаимодействия и государственных цифровых сервисов.

Параллельно продолжается работа по цифровизации судебной системы. В частности, начата работа по внедрению онлайн-трансляций судебных процессов, что направлено на повышение прозрачности правосудия, открытости судебной системы и укрепление доверия граждан. И это уже не просто вопрос технологического удобства. Это вопрос качества государственного управления и доверия общества к институтам правосудия.

При этом цифровая трансформация неизбежно требует и нового уровня взаимодействия между судебными системами государств – членов ЕАЭС.

На мой взгляд, особое значение сегодня приобретает институциональный диалог между Судом Союза и высшими судебными органами государств-членов. Речь идет не только об

обмене судебной практикой. Речь идет о совместном осмыслении новых правовых вызовов: регулирования искусственного интеллекта, трансграничного оборота данных, цифровых платформ, электронных доказательств и цифровой идентификации. Потому что цифровая экономика по своей природе трансгранична, а значит, и правовые подходы в рамках ЕАЭС должны быть максимально согласованными и предсказуемыми.

Не менее важным остается вопрос осведомленности о праве Союза. Сегодня потенциал права ЕАЭС и механизмов Суда Союза пока используется не в полной мере. Для многих представителей бизнеса право Союза все еще воспринимается как сложная наднациональная конструкция, а не как реальный инструмент защиты интересов.

Между тем именно правовая предсказуемость и доверие к судебным механизмам являются основой эффективной интеграции. Если бизнес понимает правила, видит единообразие правоприменения и доверяет механизмам разрешения споров, интеграция начинает работать не только на уровне международных соглашений, но и в реальной экономике.

М. В. Виноградов
начальник главного управления международно-правового сотрудничества Генеральной прокуратуры Российской Федерации

Потенциал цифровой трансформации судопроизводства в Суде ЕАЭС

Уважаемый Аскар Булатович, уважаемые участники форума!

Вопросы развития цифрового пространства в Союзе уже не один год занимают важное место в повестке евразийской интеграции.

Использование искусственного интеллекта и цифровизация нашли свое отражение и в приоритетных направлениях председательства Республики Казахстан в органах Союза в текущем году[1].

В современных реалиях видится актуальным рассмотрение вопросов цифровой трансформации не только в контексте увеличения экономического потенциала Союза, но и применительно к судебному процессу в Суде ЕАЭС с целью повышения его эффективности.

Вынужденные ограничения в связи с пандемией спровоцировали внедрение в судопроизводство Суда ЕАЭС дистанционного формата участия в судебных заседаниях.

Так, с 2020 г. Судом ЕАЭС введена практика участия сторон в судебном заседании посредством видео-конференц-связи на основании соответствующего ходатайства. Такие дела были, однако в решениях участие стороны по видео-конференц-связи никак не отражается. И процессуальные аспекты такого формата

[1] URL: https://www.inform.kz/ru/kasim-zhomart-tokaev-obratilsya-kglavam-gosudarstv-chlenov-eaes-ad9563 (дата обращения: 10.06.2026).

участия правом Союза не урегулированы. Возможность подачи подобного ходатайства разъяснена Судом только в Памятке для сторон об устной стадии[2].

Здесь уместно было бы обратиться к опыту Экономического Суда СНГ, который действует в формате *ad hoc* и демонстрирует возможность сочетания методов дистанционной работы с рассмотрением дел в месте пребывания Суда в Минске.

При этом процедурная сторона дистанционного формата, в том числе использование видео-конференц-связи, процессуальных документов в электронном виде и электронных доказательств, урегулирована непосредственно в Регламенте Экономического Суда СНГ.

В рамках конференций Суда ЕАЭС, проводимых на ежегодной основе, неоднократно озвучен тезис о необходимости внедрения цифровых технологий судопроизводства, применения электронных форм взаимодействия Суда ЕАЭС с участниками процесса[3], а также использования цифрового компонента и информационных ресурсов для целей правового просвещения о деятельности Суда Союза.

Полагаю, что электронный формат взаимодействия не должен полностью заменять непосредственное общение сторон по делу с Судом ЕАЭС, в том числе в рамках очных судебных заседаний.

Вместе с тем расширение использования цифровых технологий в Суде Союза может способствовать уменьшению

---

[2] Памятка для сторон об устной стадии. Суд Евразийского экономического союза. 18.11.2021. – URL: https://www.alta.ru/tamdoc/21bn0158/ (дата обращения: 10.06.2026).

[3] Выступление М. В. Мясниковича на конференции 2022 г. Обеспечение эффективности доступа к правосудию в ЕАЭС : междунар. конф., Минск, 17–18 ноября 2022 г. : сб. материалов / Суд Евразийского экономического союза ; сост. А. С. Бугаева. – Мн. : Колорград, 2023. – С. 19.

временных издержек на этапе приема заявления и при проведении судебных заседаний.

В связи с этим сегодня хотел бы обратить внимание на следующие возможные направления цифровой трансформации в Суде ЕАЭС.

Актуальным видится создание электронных форм заявления о разрешении спора и жалобы на решение Коллегии Суда ЕАЭС.

В настоящее время на сайте Суда Союза уже размещены примерные формы заявлений о разрешении споров и разъяснении для всех субъектов обращения в Суд ЕАЭС.

Полагаю, что введение возможности подачи заявления с использованием электронной формы позволяет минимизировать технические недостатки заявления, приводящие к отказу в принятии его к производству по формальным основаниям.

Представляется также перспективной разработка цифровой платформы (портала), позволяющей зарегистрированным пользователям в лице заявителей или их представителей подавать в Суд ЕАЭС в электронном виде процессуальные документы и получать судебные уведомления о назначенных заседаниях и принятых решениях онлайн.

В настоящее время копия заявления о разрешении спора или о разъяснении может быть направлена в Суд ЕАЭС посредством электронной почты для оперативности. Вместе с тем заседание по вопросу о приемлемости заявления будет назначено в любом случае только после поступления его оригинала на бумажном носителе.

Регламентом Суда ЕАЭС также предусмотрено представление заявления о разрешении спора и прилагаемых к нему документов в одном экземпляре на бумажном носителе и на электронном носителе *(п. 3 ст. 8, п. 4 ст. 9 Регламента Суда ЕАЭС)*. Аналогичное требование установлено также для подачи жалобы на решение Коллегии Суда ЕАЭС *(п. 4 ст. 63 Регламента)*.

Исходя из практики Суда Союза, указанное положение предполагает идентичность материалов на бумажном и электронном носителях, в связи с чем в случае, если приложенный истцом к заявлению флеш-накопитель содержит неполный объем документов, представленных на бумажном носителе, заявление может быть оставлено без движения по формальным основаниям до устранения недостатков[4].

Полагаю, что создание портала для подачи процессуальных документов в электронной форме может способствовать оперативности судопроизводства, а также исключить необходимость дублирования документов на бумажном и электронном носителях при подаче заявления.

Кроме того, направление документа посредством такого портала позволит устранить ситуации, когда заявление о разрешении спора или о разъяснении остается без движения из-за отсутствия подписи[5] или некорректности подписанта.

Безусловно, подобные изменения требуют комплексной проработки и взаимосвязаны с общими процессами цифровизации в рамках Союза, поскольку предполагают предварительное решение в том числе вопросов, касающихся признания электронной подписи, подтверждения ее достоверности и обеспечения безопасности каналов связи.

---

[4] Постановление Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 23.09.2024 об оставлении без движения заявления индивидуального предпринимателя Курко Евгения Александровича.

[5] Например, заявление Центра судебного представительства при Министерстве юстиции Кыргызской Республики о разъяснении Договора о ЕАЭС по вопросам обязательного медицинского страхования сначала было оставлено без движения в связи с отсутствием подписи уполномоченного лица (постановление Суда ЕАЭС от 05.11.2025).

Одновременно внедрение предлагаемых механизмов требует создания соответствующей нормативной базы, в частности, внесения поправок в Регламент Суда ЕАЭС.

Вместе с тем полагаю, что текущие реалии демонстрируют необходимость рассмотрения вопросов совершенствования судопроизводства в Суде ЕАЭС в контексте цифровой трансформации в целях минимизации временных издержек и оперативности коммуникации между Судом и сторонами процесса.

Благодарю за внимание!

А. Е. Басалыга
заместитель директора Правового департамента Евразийской экономической комиссии

Взаимодействие ЕЭК и Суда ЕАЭС как фактор повышения эффективности функционирования ЕАЭС

Уважаемые коллеги, уважаемые гости!

Основная договорная база интеграции создана, поэтому во многом эффективность интеграции сегодня зависит от качества взаимодействия. Это касается всех основных игроков, имею в виду регуляторов стран и органов Союза.

Сегодня форум у нас в Астане, поэтому обращусь к казахской пословице: «Кеңеспен шешкен шешімнің кемісі болмас» – «Сообща принятое решение – самое мудрое решение».

Думаю, эта народная мудрость особенно точно отражает саму природу интеграционных процессов в рамках Союза.

Так, в Союзе два постоянно действующих независимых друг от друга интеграционных органа: Комиссия и Суд. Вот об этом сегодня мой доклад.

По сути, Комиссия и Суд совместно формируют правовую материю Союза – через регулирование, толкование, механизмы мониторинга. Цель такой работы – сформировать правовую определенность, защитить права участников интеграционных процессов, а также повысить доверие государств-членов и бизнеса к механизмам интеграции.

Взаимодействие Комиссии и Суда осуществляется через две основные плоскости:

– процессуальное взаимодействие;

– внепроцессуальная коммуникация.

Процессуальное взаимодействие реализуется через механизмы, которые закреплены в праве Союза. Такое взаимодействие обеспечивается применительно к функции Суда по подготовке консультативных заключений, рассмотрению споров. Внепроцессуальное взаимодействие – это экспертный диалог, который правом Союза не закреплен. Но на практике это очень полезная работа.

На мой взгляд, самый большой потенциал для развития права Союза в контексте взаимодействия Комиссии и Суда – это обращение Комиссии за выдачей консультативного заключения. Фактически речь идет о толковании Судом права Союза.

Поясню. Комиссия сталкивается в работе с вопросами, по которым у стран имеются различные позиции. При этом страны не всегда готовы обращаться в Суд. В свою очередь, Комиссия обладает информацией по всем сферам своей компетенции, что вкупе с высоким уровнем экспертизы позволяет формировать точечные запросы в Суд по таким сложным вопросам. При этом именно Суд обладает инструментарием для принятия консультативных заключений, которые способны разрешить по существу имеющиеся сложности.

То есть Комиссия и Суд в таких ситуациях взаимосвязаны. Суд без обращения Комиссии инициативно не может выдать консультативное заключение, а Комиссия не может разрешить имеющимися инструментами проблему.

Вторая ситуация. В рамках рассмотрения поступивших заявлений от стран Суд обращается к Комиссии за пояснениями и правовой позицией по вопросам применения права Союза. И это представляется абсолютно закономерным, поскольку именно Комиссия обладает специальной компетенцией и значительным практическим опытом.

Мы с удовлетворением в Комиссии отмечаем, что наши позиции часто ложатся в основу решений Суда. Это, на мой взгляд, свидетельствует о высоком уровне профессионального доверия

к экспертной позиции Комиссии как органа, непосредственно участвующего в формировании права Союза.

Одновременно в Комиссии анализируют подходы, вырабатываемые Судом, и используют их при дальнейшем совершенствовании права Союза. Для Комиссии выводы, которые делаются в решениях и консультативных заключениях, – это важнейший пласт информации для обоснования тех или иных позиций, обоснования необходимости принятия актов Комиссии.

Таким образом, у Комиссии и Суда сформировались различные каналы процессуального взаимодействия, которые делают работу каждого из органов, а следовательно и всего Союза, более эффективной.

На самом деле мы благодарны Суду за профессиональное взаимодействие. Несколько слов о непроцессуальном взаимодействии.

Сегодняшнее мероприятие – это пример непроцессуального взаимодействия. Мне кажется, мы начинаем формировать хорошую традицию организации такой секции на Евразийском экономическом форуме «Суд и Комиссия в лице Правового департамента». Начали в прошлом году в Минске, сегодня Астана, ждем продолжения в Кыргызстане. Конечно, здесь важно вспомнить ежегодную конференцию, организуемую Судом, а также работы на Петербургском юридическом форуме.

Но позвольте отметить, что у нас имеются хорошие примеры экспертного диалога по конкретным проектам решений. Кажется, у нас есть совместная заинтересованность. Поверьте, мнение Суда как единства высококвалифицированных экспертов очень ценно.

Регулярный профессиональный диалог между представителями Суда, Комиссии, государств-членов и научного сообщества позволяет своевременно выявлять актуальные вопросы правоприменения, обмениваться опытом и вырабатывать более согласованные подходы к реализации права Союза.

А цель у нас одна – формирование эффективного права и единых подходов к применению права Союза.

Сложно обойти и тему цифровизации. Позвольте тоже поделиться мнением.

В контексте цифровизации и взаимодействия Комиссии и Суда давно назрела необходимость формирования возможности доступа уполномоченных лиц к материалам по конкретным делам в электронном виде.

Теперь к искусственному интеллекту. Безусловно, искусственный интеллект способен стать полезным инструментом повышения эффективности работы органов Союза. Сегодня потенциал этот представлен всеми спикерами.

Не хотелось бы выглядеть старомодным, но несколько консервативных позиций озвучу. Все же судебная работа – это вершина юридической профессии. Тем более когда мы имеем дело с международным правосудием. Есть законодательство государств. Это все живые системы, которые формируются и применяются, например, через призму правовой культуры. А есть еще международное право и интеграционное право ЕАЭС. Если посмотреть на это все вместе, то станет понятно, что это сложнейшая система. На доктринальном уровне у нас это еще не получило должной проработки, а мы уже подумываем отдать все это на откуп ИИ.

Использование таких технологий в правовом поле требует взвешенного и контролируемого подхода. При этом создание механизмов верификации работы ИИ может стать еще более обременительным.

Убежден, что внедрение технологий искусственного интеллекта в деятельность органов Союза не должно быть самоцелью, а должно сопровождаться широким обсуждением экспертами. Процедуры должны быть прозрачными. Мы должны понимать, что речь идет о юридически значимых последствиях.

Возвращаясь к теме выступления, отмечу, что важно не только сохранить постоянный профессиональный диалог между Комиссией и Судом, но и подумать об институциональном развитии такого взаимодействия.

Спасибо за внимание!

XIV ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ФОРУМ

Сессия Суда Евразийского экономического союза «Суд ЕАЭС как инструмент защиты прав и законных интересов Союза, государств-членов и негосударственных субъектов: актуальные тенденции, вопросы и перспективы» (25 июня 2026 года)

А. А. Дронов
Председатель Суда Евразийского экономического союза

Добрый день, уважаемые коллеги!

От имени Суда Евразийского экономического союза приветствую вас на нашей сессии и выражаю признательность организаторам форума за содействие в его проведении!

Расскажу об общих тенденциях, о которых нельзя не упомянуть. Не вдаваясь в глубокие теоретические выкладки, акцентирую ваше внимание на актуальной статистике дел, передаваемых на рассмотрение Суда ЕАЭС. Это именно та «субстанция», которая составляет основу деятельности Суда как постоянно действующего международного судебного органа по развитию права Союза и обеспечению его единообразного применения органами ЕАЭС и государствами-членами.

Отмечу две тенденции, каждая из которых имеет как позитивные, так и, скажем, не вполне позитивные стороны.

Прежде всего с удовлетворением отмечаю, что Суд востребован: количество поступивших на рассмотрение дел в 2024 г. – в первый год деятельности нового состава Суда – было значительным (примерно на уровне 2021 г. – рекордного для Суда по количеству рассмотренных дел). Несмотря на незначительное снижение количества дел в 2025 г., в текущем году мы наблюдаем заметный рост, преимущественно за счет поступающих в Суд заявлений о разъяснении положений Договора о ЕАЭС, иных актов права Союза, по итогам рассмотрения которых Суд выносит консультативные заключения. Эта составляющая компетенции Суда ЕАЭС, закрепленная в его Статуте, давно оформилась в самостоятельное направление деятельности. Сегодня она не только востребована, но и активно используется государствами-членами, Евразийской экономической комиссией

и международными служащими Союза по широкому кругу сложных вопросов интеграционной повестки.

Помимо традиционных вопросов функционирования Таможенного союза и конкуренции на трансграничных рынках, которые составляли львиную долю рассматриваемых Судом дел, в настоящее время наблюдается заметное расширение тематического диапазона дел. В частности, это дела о разъяснении в сфере транспортной политики, включая железнодорожный транспорт и авиацию.

Недавно Суд вынес консультативное заключение по запросу Агентства по защите конкуренции Республики Казахстан, касавшееся расширения сферы естественных монополий.

Все большее значение в практике Суда ЕАЭС приобретают вопросы, относящиеся к социальной проблематике. В этой связи заслуживают упоминания два сложных и резонансных дела: по вопросам доступа к обязательному медицинскому страхованию трудящихся стран – членов ЕАЭС, в котором заявителем выступала Кыргызская Республика, и по вопросам исчисления пенсий граждан государств – членов ЕАЭС, где заявителем стала Евразийская экономическая комиссия.

Отмечаем также неуклонный рост обращений в Суд ЕАЭС с заявлениями о разъяснении положений Договора и иных актов права Союза, связанных с трудовыми отношениями международных служащих Союза. Эта категория закрепилась на третьем месте по количеству обращений – после вопросов регулирования Таможенного союза и конкуренции.

Институт консультативных заключений Суда ЕАЭС имеет ярко выраженную особенность, которая проявляется, в частности, в том, что согласно Договору о ЕАЭС правом на обращение в Суд за толкованием обладают не только органы Союза, но и отдельные государства-члены, которые регулярно используют этот инструмент, причем в ряде случаев достаточно творчески. Заявители нередко используют это право, чтобы получить от Суда как

судебного органа Союза разъяснение вопросов, в связи с которыми, по их мнению, возникает правовая неопределенность, препятствующая единообразному применению права Союза, обеспечение которого согласно п. 2 Статута Суда, содержащегося в приложении № 2 к Договору о ЕАЭС, составляет цель деятельности Суда.

Вместе с тем бывают и такие ситуации, когда в Суд в порядке получения разъяснения передаются дела, где предметом рассмотрения являются вопросы, по которым между государствами-членами имеются принципиальные разногласия, что явно следует из передаваемых в Суд материалов дела. Несмотря на это, государства-члены, не желая обращаться к такой процессуальной форме, как разрешение спора, пытаются прибегать к такой процессуальной форме, как заявление о разъяснении, для получения судебного толкования, подкрепляющего их правовую позицию. При этом они формулируют вопросы так, что в них уже инкорпорирована занимаемая ими правовая позиция. Таким образом, Суд фактически вовлекается в рассмотрение споров в рамках процессуальной формы, не предназначенной для этого (характерный пример – недавнее дело по заявлению Кыргызской Республики об обязательном медицинском страховании).

В то же время нельзя не учитывать, что право государств-членов на обращение в Суд с индивидуальными заявлениями о разъяснении норм права Союза в Статуте закреплено, и этот механизм может быть в ряде случаев весьма полезен в качестве своего рода средства медиации. Статут Суда, однако, не предусматривает норм, которые бы давали Суду право не принимать такие дела к производству при наличии достаточных оснований полагать, что по вопросу, составляющему предмет заявления о разъяснении, между государствами-членами имеет место спор (подлежащий урегулированию в порядке, установленном ст. 112 Договора о ЕАЭС). В связи с этим возникает вопрос, с которым мне хотелось бы обратиться к нашим спикерам и участникам сессии, а именно: какой подход здесь был

бы наиболее оправдан с точки зрения международного права, в свете объекта и целей Договора о ЕАЭС? Вопрос непраздный, в том числе с учетом хорошо известных правовых позиций, нашедших отражение в ряде решений Постоянной палаты международного правосудия. Вспоминается и известный сюжет, когда государство оспаривало правомерность консультативного заключения, вынесенного Международным Судом ООН по вопросам, составляющим предмет межгосударственного спора, в отношении которого оно не давало согласия на юрисдикцию Международного Суда[1].

Другой аспект, признаюсь, вызывает у меня все большую обеспокоенность, поскольку касается наблюдаемого нами в 2025–2026 гг. кардинального сокращения количества дел, передаваемых в Суд ЕАЭС хозяйствующими субъектами (юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями). Поскольку предметом таких дел является оспаривание хозяйствующими субъектами решений, действий или бездействия Евразийской экономической комиссии (постоянно действующего регулирующего органа Союза) и споры не были урегулированы в досудебном порядке, речь, по сути, идет о явных признаках атрофии важнейшей составляющей компетенции Суда, обеспечивающей на уровне Союза функцию нормоконтроля.

До недавнего времени доля дел по заявлениям хозяйствующих субъектов достигала 70 % от общего числа передаваемых в Суд дел, из которых большая часть касалась вопросов таможенного и таможенно-тарифного регулирования (прежде всего таможенной классификации), а также соблюдения общих правил конкуренции на трансграничных рынках (заметный

[1] Юридические последствия, вытекающие из политики и практики Израиля на оккупированных палестинских территориях, включая Восточный Иерусалим : консультативное заключение от 19 июля 2024 г. // Международный Суд ООН.

рост этой категории дел наблюдался в 2024 г.). В период 2025–2026 гг. Судом было рассмотрено только одно дело по конкуренции (небезызвестное дело об оспаривании российским индивидуальным предпринимателем решения ЕЭК о нарушении правил конкуренции с использованием товарных знаков), которое поступило в Суд в 2024 г. В 2025 г. хозяйствующие субъекты не передали в Суд ни одного заявления. В настоящее время в Суде всего одно дело по заявлению российского юридического лица – ООО «МЕЛОДИЯ» (ранее Коллегия Суда по нему вынесла решение, которое обжаловано заявителем в Апелляционной палате Суда).

В свете этой статистики и имеющейся информации возникает тревожное ощущение, что мы наблюдаем не просто случайное стечение обстоятельств. Работа, проводимая нами в рамках участия в различных мероприятиях, семинарах и конференциях, свидетельствует о падении уровня доверия предпринимательского сообщества к Суду как средству правовой защиты их прав и законных интересов, основанных на Договоре о ЕАЭС. Это, по-видимому, обусловлено комплексом факторов, среди которых не последнее место занимает тема исполнения актов Суда ЕАЭС и их учета национальными судами при вынесении решений, затрагивающих применение актов права Союза.

В этой связи возникает вопрос: может ли институт Союза считаться последовательно и эффективно развивающимся на основе верховенства права, если рассмотрение споров по заявлениям хозяйствующих субъектов как существенная часть его компетенции, установленной Договором о ЕАЭС, оказывается в состоянии дисфункции? При этом речь идет о сфере, где возможности национальных судов объективно ограничены, поскольку правовое регулирование в указанной сфере в соответствии с Договором о ЕАЭС составляет прерогативу Союза как международной организации региональной экономической интеграции. В конечном счете, что делать хозяйствующим

субъектам, находящимся на «передовой» внешнеэкономической деятельности, если, по их мнению, их права и законные интересы, связанные с осуществлением предпринимательской деятельности, нарушаются, а они не могут эффективно защитить их в Суде ЕАЭС?

В ходе лекции на XIV Петербургском международном юридическом форуме Председатель Конституционного Суда Российской Федерации В. Д. Зорькин сформулировал интересную концепцию, проводящую терминологическую аналогию с областью медицины, предложив лечение социотравм, имеющих различную этиологию, при помощи верховенства права. Не следует ли и нам посмотреть с этого ракурса на упомянутые выше возникающие в рамках Союза вопросы и заняться лечением социотравм? Очевидно, именно так стоит оценивать ситуацию, когда в национальных правовых системах государств-членов продолжают действовать акты Комиссии, в отношении которых Судом (не только его Коллегией, но и Апелляционной палатой) выносились решения об их несоответствии праву Союза?

В связи с вышесказанным среди прочего, как представляется, требует дополнительного, внимательного рассмотрения с участием специалистов в области международного права и с учетом норм Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. (и прежде всего установленного ею общего правила толкования) вопрос об отвечающем объекту и целям Договора о ЕАЭС толковании и применении положений Договора и Статута, определяющих статус Суда как постоянно действующего судебного органа международной организации региональной экономической интеграции и правовые последствия выносимых им актов (решений, консультативных заключений).

В этом контексте хотел бы задать вопрос (по моему мнению, в известной степени риторический): имеет ли значение для толкования и применения вышеупомянутых положений Договора и Статута тот факт, что для обозначения Суда ЕАЭС

используется понятие «суд», а применительно к лицам, входящим в его состав, – понятие «судьи»?

Что при вступлении в должность и перед тем, как надеть судейскую мантию, судьи, назначаемые решением Высшего Евразийского экономического совета (т. е. совместным решением глав государств-членов), приносят присягу, при произнесении которой клянутся честно и добросовестно исполнять свои обязанности, «быть беспристрастными и справедливыми, как велит им долг судьи». Если указанные атрибуты имеют юридическое значение, то они ясно указывают на наличие в системе органов Союза постоянно действующего судебного органа, осуществляющего в соответствии с положениями Договора и Статута судебную власть (ст. 8 и ст. 19 Договора о ЕАЭС) и, соответственно, наделенного функцией нормоконтроля, которая, в свою очередь, предполагает наличие у актов Суда ЕАЭС такой юридической силы, которая позволяет обеспечивать на уровне Союза судебную защиту прав и законных интересов субъектов правоотношений, регулируемых Договором и основанными на нем иными актами (интеграционного) права Союза. При этом речь, безусловно, идет не только о хозяйствующих субъектах, но и о других участниках этих правоотношений (включая государства-члены и их компетентные органы, а также ЕЭК).

В этом смысле критически важное значение, как неоднократно подчеркивалось, имеет органичное взаимодействие Суда ЕАЭС с судебными системами государств-членов в интересах обеспечения единообразного толкования и применения норм Договора и иных актов права Союза. Поскольку значительная часть работы по применению норм права Союза осуществляется компетентными органами государств-членов, в том числе их органами судебной власти, заслуживает пристального внимания вопрос о том, в каком направлении и каким образом в государствах-членах развивается соответствующая судебная практика. В частности, если говорить о практике российских судов, за последние

годы появился целый ряд, по моему мнению, эмпирически подкрепленных научных публикаций, посвященных анализу судебной практики и вектора ее развития в части, касающейся учета актов Суда Союза и оценки их правового эффекта в национальной правовой системе, которые дают серьезную пищу для размышлений. В частности, если говорить о практике российских судов, просматривается интересная закономерность. В период с 2020 по 2022 г. на фоне глубокого разочарования и выхода Российской Федерации из Совета Европы и Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) российскими судами был принят ряд актов, в которых признавались неприменимыми к Суду ЕАЭС и правовым последствиям его решений правовые позиции, которые ранее были сформулированы в отношении ЕСПЧ и его судебных актов. Данная позиция аргументировалась, в частности, тем, что Суд ЕАЭС не является судом по правам человека.

В этой связи задаюсь вопросом: как быть с конкретными формулировками п. 39 Статута Суда, где прямо говорится о «правах и законных интересах хозяйствующего субъекта [в том числе физического лица, являющегося индивидуальным предпринимателем], …предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза», нарушение которых в результате принятого ЕЭК решения, ее действий или бездействия служит основанием для обращения в Суд ЕАЭС?

Рассмотрим другой аспект. Юридические последствия решений Евразийской экономической комиссии устанавливаются Договором, в частности п. 13 приложения № 1, предусматривающим их обязательность для государств-членов, прямое действие и непосредственное применение, если они приняты в пределах полномочий Комиссии и прежде всего в сфере единой политики. Возникает вопрос: если на основании Статута (неотъемлемая часть Договора о ЕАЭС) Суд наделен полномочиями принимать решения, которыми тот или иной акт Комиссии признается «соответствующим» или «не соответствующим»

Договору о ЕАЭС, может ли из этого следовать, что акты Суда имеют (в том числе на территориях государств-членов) меньшую юридическую силу, чем акты Комиссии? Полагаю, что подобное толкование юристы могли бы назвать лишенным смысла, не соответствующим объекту и целям Договора.

Возникает и другой интересный вопрос: если согласно Статуту решение Суда ЕАЭС, вынесенное по итогам рассмотрения межгосударственного спора, является юридически обязательным для сторон, имеются ли основания вести речь о том, что степень этой обязательности может быть иной применительно к актам Суда Союза, вынесенным по итогам рассмотрения споров с другим составом спорящих сторон (например, споров между хозяйствующими субъектами и ЕЭК)?

Таким образом, дискуссионных вопросов, имеющих важное значение для развития права Союза и института Суда ЕАЭС, немало, и на этом мне хотелось бы завершить свое вступление, предоставив слово уважаемым спикерам, которым хочется сказать отдельное спасибо за готовность участвовать в нашей дискуссии.

А. Б. Кишкембаев
заместитель Председателя
Суда Евразийского экономического союза

Компетенция Суда Евразийского экономического союза: пределы и перспективы развития

(Тезисы выступления)

Рад приветствовать всех участников дискуссии, посвященной вопросам Суда Евразийского экономического союза (далее – Суд): его правовой основы, компетенции, потенциала развития и другим аспектам деятельности.

Сегодняшняя дискуссия проходит в непростых условиях, в том числе для самого Евразийского экономического союза. Безусловно, Суд должен постоянно сверяться в своей деятельности с целями, которые преследовались при его создании, с адекватностью правовых рамок его деятельности, обозревая возможности развития и углубления взаимодействия с субъектами права, с национальными и международными правовыми институтами.

Исходя из правовых актов ЕАЭС и складывающейся доктрины, ключевая роль Суда заключается в разрешении определенной категории правовых споров, предусмотренных Статутом Суда, и в обеспечении единообразного применения права Союза. Суд выступает ключевым институтом в обеспечении правовой стабильности и интеграционного правопорядка.

Договор о ЕАЭС составляет фундаментальную правовую основу Союза как экономического интеграционного объединения. Функционирование любых интеграционных объединений

требует наличия эффективных и независимых правовых институтов, обеспечивающих единообразное применение и толкование права такого объединения, а также защиты прав и законных интересов участников интеграционного процесса, в том числе субъектов предпринимательства. Суд, созданный на основе положений Договора о ЕАЭС, выступает в качестве международного наднационального судебного органа, призванного обеспечивать правовую стабильность и предсказуемость на пространстве ЕАЭС.

Основу для определения компетенции Суда составляют Договор о ЕАЭС, Статут Суда (приложение № 2 к Договору о ЕАЭС), а также Регламент Суда.

Компетенцию Суда можно условно разделить на две категории. К первой категории относится рассмотрение Судом споров, возникающих по вопросам реализации Договора о ЕАЭС, международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов (п. 39 Статута Суда), решения по итогам рассмотрения которых подлежат исполнению соответствующим государством или Евразийской экономической комиссией (ЕЭК). Вторая категория – разъяснение положений Договора о ЕАЭС, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза в виде консультативных заключений, имеющих рекомендательный характер (п. 46 Статута Суда).

В этом контексте можно отметить, что Суд призван не только разрешать конкретные споры, но и участвовать в формировании единого правового пространства ЕАЭС, особенно через инструмент консультативных заключений. Суд достаточно активно использует этот механизм, способствуя гармонизации правоприменения в национальных юрисдикциях.

Следует отметить, что механизм консультативных заключений высоко востребован на практике. Заинтересованные лица все чаще используют правоспособность Суда ЕАЭС как международного суда обеспечивать толкование права «на будущее»,

когда правовой вопрос еще только возник, но не перерос в конкретный правовой спор.

Так, в 2025 г. Судом вынесено 8 консультативных заключений, в 2024 – 7, тогда как в предшествующие годы, как правило, от 3 до 5 заключений. На мой взгляд, это иллюстрирует исключительную ценность возможностей международного правосудия обеспечить конструктивное судебное рассмотрение правовой дилеммы, не облекая ее в форму открытого судебного спора.

Безусловно, особое значение имеют заключения, в которых Суд посредством своих правовых позиций формулирует доктрины права Союза, такие как приоритет (верховенство) права Союза и непосредственное действие или прямой эффект права ЕАЭС, выполняя тем самым свою основную миссию по выстраиванию целостного, устойчивого и эффективного правопорядка ЕАЭС.

На сегодня можно смело утверждать, что консультативные заключения Суда приобретают значение мягкого права, оказывая не прямое, но значительное влияние также и на национальные правовые системы.

Конечно, в правовых актах о компетенции и деятельности Суда еще имеются и определенные пробелы, и противоречия, которые порождают необходимость отдельного толкования Судом. В то же время при анализе причин и исторических условий наделения Суда достаточно ограниченной юрисдикцией при его создании становится понятно, что главная задача создания работоспособного правового института была выполнена. И самое главное, были созданы достаточно гибкие рамки для эффективного осуществления правосудия, основанного на принципах верховенства права и международных стандартах справедливого судебного разбирательства.

Наличие компетенции по разрешению конкретного дела разрешается непосредственно Судом, который руководствуется при этом Договором о ЕАЭС, международными договорами в рамках Союза и (или) международными договорами Союза

с третьей стороной (п. 41 Статута Суда). Эта норма отражает принцип *kompetenz-kompetenz*, позволяющий Суду самостоятельно толковать пределы своей юрисдикции.

В этом аспекте можно обратить внимание на рассмотренное в феврале 2025 г. дело Р-6/24 по заявлению ЕЭК, в котором, ссылаясь на указанное положение Статута Суда, ЕЭК просила дать разъяснение о возможности обращения физических лиц в Суд с оспариванием актов ЕЭК в сфере конкуренции.

Стоит отметить, что в Статуте Суда был заложен механизм возможного расширения предметной компетенции Суда в будущем. Так, государства – члены Союза вправе наделить Суд правом разрешать и иные споры, если такое право прямо предусмотрено в международных договорах в рамках Союза, в соглашениях Союза с третьей стороной или в других международных договорах между государствами-членами. Заключая новые международные договоры, государства – члены Союза могут оговаривать в них подсудность возникающих споров Суду (п. 40 Статута).

Если же говорить о практической стороне вопроса о компетенции Суда на рассмотрение конкретного дела, то важно отметить, что Суд при поступлении заявления осуществляет предварительное его рассмотрение на предмет оценки приемлемости. Суд устанавливает соответствие заявления требованиям Статута и Регламента Суда и разрешает вопрос о наличии компетенции на рассмотрение предмета заявления. Компетенцию Суда условно составляют: 1) предметный; 2) субъектный критерии. Предметный критерий *(ratione materiae)* – это совокупность категорий дел и правовых вопросов, которые Суд вправе рассматривать по существу, т. е. разрешать в рамках своей юрисдикции. Субъектный критерий *(ratione personae)* связан с оценкой, является ли субъект обращения надлежащим.

Наряду с этим выделяются и юрисдикционные ограничения, включая отдельные территориальные и временные аспекты, в пределах которых осуществляется судебная деятельность.

Установление пределов компетенции наднационального судебного органа представляет собой один из центральных вопросов институционального устройства интеграционного объединения. Перспективы развития компетенции Суда во многом связаны с постепенным приближением его модели к лучшим образцам интеграционного правосудия, среди них, с учетом особенностей политического устройства государств – членов Союза, особый интерес представляет опыт Суда Европейского союза (далее – ЕС).

Обобщая сказанное, хотелось бы выделить некоторые рекомендации касательно развития юрисдикции и полномочий Суда. Конечно, в первую очередь речь идет о расширении доступа частных лиц к правосудию ЕАЭС. В аспекте расширения взаимодействия между судебными юрисдикциями интерес представляет обсуждение института преюдициальных запросов от национальных судов.

1. Ранее я уже говорил об отсутствии у физических лиц возможности оспорить в Суде касающиеся их акты ЕЭК, что является препятствием для доступа к правосудию. Здесь важно отметить, что основными законами всех государств – членов Союза предусмотрено абсолютное (т. е. не подлежащее ограничению) право каждого на судебную защиту своих прав. Справедливым будет отметить, что в самой преамбуле Договора о ЕАЭС заложена необходимость безусловного соблюдения принципа верховенства конституционных прав и свобод человека и гражданина. В этой связи очевидна целесообразность внесения соответствующих поправок в Статут Суда.

2. Что касается института преюдициального запроса. Это запрос, направляемый национальным судом государства – члена интеграционного объединения в его судебный орган для получения разъяснений относительно толкования законодательства или действительности актов интеграционного объединения.

Так, например, Суд ЕС при получении преюдициального запроса не заслушивает факты и не выносит решения по отдельным делам, а вместо этого предлагает толкование законодательства ЕС, устраняя тем самым неясности и неопределенность в его трактовке. Таким образом, преюдициальные запросы способствуют диалогу между национальными судами и Судом ЕС, обеспечивая согласованное и последовательное применение права ЕС. При этом национальные суды остаются в центре правовой системы своих стран, сохраняя независимость в принятии решений.

Такой преюдициальной юрисдикцией, а также юрисдикцией по контролю в отношении актов, принимаемых институтами, создаваемыми в рамках такого регионального соглашения, обладают практически все постоянно действующие суды, созданные как компонент региональных торговых соглашений в форме таможенного союза.

Поэтому зарубежный опыт, а также опыт Суда Евразийского экономического сообщества, рассмотревшего 10 июля 2013 г. запрос Кассационной коллегии Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь *(о применении отдельных положений решений Комиссии Таможенного союза)*, представляет большой интерес с позиции перспектив развития компетенции Суда ЕАЭС.

Завершая свое выступление, хотел бы еще раз отметить ключевую роль Суда в обеспечении единообразного применения права на пространстве ЕАЭС, а также исключительную важность развития и углубления институционального диалога между национальными судебными юрисдикциями.

М. Л. Ермолович
член Коллегии (министр) по конкуренции и антимонопольному регулированию Евразийской экономической комиссии

(Тезисы выступления)

Министр по конкуренции и антимонопольному регулированию Евразийской экономической комиссии (далее – Комиссия) Максим Ермолович в рамках своего выступления:

1. Отметил необходимость оперативного устранения пробелов в Статуте Суда, касающихся отсутствия возможности для физического лица (в том числе должностного лица) обжаловать в Суде ЕАЭС решения, действия (бездействие) Комиссии в сфере контроля за соблюдением общих правил конкуренции на трансграничных рынках, а также возможности Комиссии обжаловать решения Суда, касающиеся решений Комиссии по делу о нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках.

В рамках проработки этого вопроса Комиссией совместно с представителями Суда ЕАЭС, а также с экспертами государств-членов подготовлен проект протокола о внесении соответствующих поправок в Статут Суда и приложение № 19 к Договору. В настоящее время ряд государств-членов уже завершил внутригосударственное согласование проекта протокола и положительно оценил предлагаемые поправки.

Выразил предположение, что до конца 2026 г. удастся выйти на стадию подписания таких поправок главами государств – членов ЕАЭС.

2. Обратил внимание на правовые последствия решений Суда ЕАЭС для решений Комиссии по делам о нарушении общих правил конкуренции, отметив, что Суд Союза принимает решения о соответствии либо несоответствии решения

Коллегии Комиссии по делу праву ЕАЭС. При этом решения Суда ЕАЭС, принятые в пользу хозяйствующего субъекта – истца, не отменяют решения Комиссии, а только констатируют его несоответствие Договору. В этом случае Комиссия должна сама привести такое решение в соответствие с Договором посредством принятия другого решения.

На практике не всегда понятно, что именно положения решения ЕЭК подлежат изменению или отмене в результате решения Суда, поэтому Комиссия проводит консультации с Судом ЕАЭС с целью его надлежащего исполнения.

Учитывая подходы национальных судебных систем, высказался о необходимости предусмотреть возможность принятия Судом ЕАЭС окончательных решений по существу – об отмене решения Комиссии по делу полностью или частично либо об оставлении его в силе.

При этом участники процесса должны обладать правом обжалования таких решений Суда ЕАЭС.

3. Выступил с предложением о создании в Суде ЕАЭС органа итогового пересмотра судебных постановлений по аналогии с президиумами национальных судов, который бы принимал окончательное решение по рассматриваемым спорам. В состав президиума могли бы войти все судьи Суда ЕАЭС.

Это обусловлено тем, что в практике Суд ЕАЭС уже принимал решение, которое в последующем было обжаловано субъектом рынка, и по итогам рассмотрения принято другое решение Апелляционной палаты Суда ЕАЭС. Вследствие чего возникла ситуация, когда один состав судей согласился с выводами Комиссии, другой – не согласился. Представляется, что есть необходимость выстраивания такой системы, при которой будет формироваться общее решение Суда ЕАЭС.

4. Относительно принятого консультативного заключения Суда ЕАЭС от 30 марта 2026 г. по заявлению Комиссии о разъяснении положений Договора о Союзе и протокола об общих

принципах и правилах конкуренции (приложение № 19 к Договору), касающихся полномочий Комиссии запрашивать информацию для реализации функций по контролю за соблюдением общих правил конкуренции на трансграничных рынках, отметил наличие процессуальной неполноты полномочий Комиссии, которая существенным образом сказывается на работе блока по конкуренции и антимонопольному регулированию.

Так, при проведении процессуальных мероприятий по обращению хозяйствующего субъекта Комиссия обладает всем спектром полномочий, включая запрос информации и применение штрафных санкций за ее непредставление, вынесение мотивированного представления о совершении определенных процессуальных действиях и т. д. Вместе с тем невозможность привлечения лица к ответственности за непредставление им в Комиссию информации, запрошенной в целях проведения оценки состояния конкуренции до начала проведения расследования по собственной инициативе, не позволяет эффективно достигать цели по восстановлению условий конкуренции на трансграничных рынках.

При этом представители Суда уже высказывались о том, что такое нежелание представления информации субъектом рынка может быть признаком того, что субъект нарушает установленные общими правилами конкуренции запреты.

5. Высказал мнение о необходимости предоставления Комиссии права обращаться в Суд ЕАЭС с исками к органам государственной власти государств – членов ЕАЭС, которые не исполняют требования права ЕАЭС, с целью понуждения их к исполнению соответствующих обязанностей.

Примеры невыполнения таких требований со стороны государственных институтов сторон встречаются часто. В частности, речь идет о случаях, когда в рамках исполнительного производства не осуществляется принудительное взыскание штрафов, наложенных решениями Комиссии, а также когда

государственные органы не предоставляют ответы на мотивированные представления Комиссии о проведении отдельных процессуальных действий.

В заключение своего выступления министр подчеркнул, что антимонопольные нарушения постоянно видоизменяются и мимикрируют под легальные правовые институты, например, защиту интеллектуальных прав или права на судебную защиту, скрывая дискриминацию других субъектов рынка. В этой связи отметил необходимость продолжения дискуссии о том, где проходит граница между гарантированными законом правами лица и его обязанностью соблюдать права иных лиц.

А. Ю. Чурсина
адвокат, адвокатское бюро «Нортия»,
руководитель аппарата
общественного представителя по спорам с таможней
при Уполномоченном при Президенте Российской Федерации

Уважаемый Алексей Александрович Дронов, Председатель Суда ЕАЭС, констатировал отсутствие в 2025 г. обращений в Суд ЕАЭС от российских предпринимателей, и я хочу ответить на вопрос, почему российские предприниматели не обращаются в Суд ЕАЭС?

Предприниматели, хозяйствующие субъекты Союза, имеют право обратиться в Суд ЕАЭС с заявлением об обжаловании решений, действий (бездействия) Комиссии в случаях, когда нарушаются их права в сфере предпринимательской деятельности и такое нарушение имеет подтверждение. То есть предприниматель уже понес убытки или какие-то вредные последствия и хочет их устранить. Но сложившаяся практика рассмотрения и исполнения судебных решений показывает, что решения Суда ЕАЭС не устраняют этих неблагоприятных последствий и непосредственно не восстанавливают нарушенные права, поскольку не содержат императивных указаний об отмене решений, о пересмотре судебных актов или решений контролирующих органов в государствах-членах.

Например, 31 октября 2019 г. Судом ЕАЭС по заявлению ООО «Шиптрейд» было признано не соответствующим праву ЕАЭС решение Коллегии ЕЭК от 31 января 2018 г. № 15 о классификации судовых дизельных двигателей по коду 840890 ТН ВЭД ЕАЭС.

ЕЭК внесла изменения в решение № 15 только 20 января 2020 г., т. е. через 81 день. При этом ЕЭК фактически проигнорировала решение Суда ЕАЭС. В результате Суд ЕАЭС повторно 2 октября 2023 г. признал решение № 15 (в ред. решения

№ 20) не соответствующим праву Союза уже по обращению ООО «Транспортейшн Рус», и только с 3 января 2024 г. решение № 15 было отменено.

Таким образом, изначально не соответствовавшее праву Союза решение применялось в течение пяти лет. Все это время импортеры уплачивали повышенную таможенную пошлину, а некоторых российских участников ВЭД дополнительно привлекли еще и к административной ответственности.

По жалобе Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Омской области, поданной в интересах ООО «Ремдизель», Конституционный Суд Российской Федерации в определении № 191-О от 10 февраля 2022 г. обратил внимание на то, что согласно п. 102 Статута Суда ЕАЭС его акты о признании решений Комиссии не соответствующими праву Союза не только не обладают ретроактивным значением, но и сами по себе непосредственно не влекут отмены указанных решений. Решение Комиссии, признанное Судом не соответствующим праву Союза, должно быть приведено Комиссией в соответствие с правом Союза в разумный срок, но не превышающий 60 календарных дней с даты вступления в силу решения Суда, если иной срок не установлен в решении Суда (п. 111 Статута).

Такая позиция КС РФ, безусловно, вызывает вопросы с точки зрения формального применения права судом, который призван толковать право по воле законодателя, в его совокупности и взаимосвязи, понимая, что право Союза составляет неотъемлемую часть российской правовой системы.

Вместе с тем, обращаясь в Конституционный Суд Российской Федерации, Уполномоченный по защите прав предпринимателей в Омской области ожидал признания недействующим на территории Российской Федерации решения Коллегии ЕЭК № 15 и на необходимость обязательного применения российскими таможенными органами установленных Судом ЕАЭС классификационных признаков судовых двигателей, а также

подходов их классификации в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС согласно решению Суда ЕАЭС до тех пор, пока решение Коллегии ЕЭК № 15 не будет отменено.

Безусловно, формальный перечень оснований для пересмотра вступивших в силу судебных актов, установленный ст. 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, тем не менее позволяет Конституционному Суду Российской Федерации принять решение о необходимости толкования ТН ВЭД и ОПИ ТН ВЭД с учетом позиции Суда ЕАЭС, что согласно подп. 3 п. 3 ст. 311 АПК РФ могло бы образовать новые обстоятельства. Возможно, это требовало обращения о неконституционности именно этих норм права.

Дополнительно отказная позиция КС РФ была закреплена определением от 21 июля 2022 г. № 1972-О, которым Конституционный Суд еще раз указал на невозможность пересмотра состоявшихся судебных актов в случае признания Судом ЕАЭС решений Коллегии ЕЭК не соответствующими Договору, чем, безусловно, подорвал доверие предпринимателей к Суду ЕАЭС как к институту реальной правовой защиты предпринимателей, гарантирующему индивидуальный положительный эффект обратившемуся субъекту.

Кроме обжалования решений Комиссии, предприниматели применяют такой механизм получения правовой позиции Суда по тем или иным вопросам, как оспаривание бездействия Комиссии по проведению мониторинга. Но такой механизм в еще меньшей степени содействует восстановлению нарушенных прав, поскольку предметом спора в таком случае является надлежащее выполнение Комиссией обязанности по проведению мониторинга, что в отсутствие установленного порядка для его проведения, как установлено Судом ЕАЭС в решении по делу ООО «Мелодия», приводит к повышению конфликтности и непредсказуемости таких споров. Формируемые при этом правовые позиции Суда по толкованию материальных норм права

Союза обычно не относятся к предмету спора и применяются национальными судами Российской Федерации лишь факультативно.

Обратиться за разъяснениями в Суд ЕАЭС российский предприниматель может только через уполномоченный орган – Генеральную прокуратуру Российской Федерации. По информации, предоставленной Генпрокуратурой журналу «Налоговед», с 2021 по 2024 г. рассмотрено только два обращения предпринимателей для передачи в Суд ЕАЭС, и оба признаны нецелесообразными для направления.

Последующее обращение в Генеральную прокуратуру Российской Федерации от Аппарата Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по вопросу разъяснения положений ст. 277 ТК ЕАЭС также было признано нецелесообразным для передачи, несмотря на высокую степень готовности, поддержку Минтранса России и Минпромторга России, а также наличие рекомендации Консультативного комитета по таможенным вопросам при ЕЭК об инициировании такого обращения.

Так что вопрос о целесообразности или нецелесообразности направления обращения носит исключительно оценочный характер, что фактически создает более благоприятные условия для предпринимателей отдельных государств – членов ЕАЭС, например Казахстана, по сравнению с российскими предпринимателями.

Такое неравенство можно устранить, если основания для отказа в направлении обращения в Суд ЕАЭС за разъяснением будут унифицированы на наднациональном уровне либо если перечень лиц в Российской Федерации, уполномоченных на обращение в Суд ЕАЭС за разъяснениями, будет расширен и включит общественные объединения предпринимателей.

Полномочиями на обращение в Суд ЕАЭС за разъяснениями обладает также Комиссия, но порядок и возможность направления Комиссией обращений в Суд ЕАЭС в интересах российских

предпринимателей не урегулированы (хотя это и не запрещено). Это могут быть, например, вопросы, поступающие от консультативных советов Комиссии, делового совета, объединенной коллегии таможенных служб. Сейчас такой практики нет, но Статут Суда не содержит ограничений относительно содержания обращений от Комиссии.

Не имея доступа к разъяснению в Суде ЕАЭС, российские предприниматели активно обращаются за разъяснениями в Комиссию. Следовательно, институт Суда ЕАЭС в этой части очень востребован, но пока останется фактически недоступным в Российской Федерации, что, безусловно, необходимо пересмотреть.

Неважно, будет ли это достигнуто посредством внесения изменений в Статут, изменения подходов Комиссии или расширения перечня уполномоченных лиц в Российской Федерации, но только равный доступ всех участников правоотношений к союзному правосудию обеспечит будущее развитие Суда.

Е. В. Тарибо
судья Конституционного Суда
Российской Федерации

Применение практики Суда ЕАЭС в российском конституционном правосудии

Не столько и не только практика Суда ЕАЭС, которая учитывается Конституционным Судом, сколько само право ЕАЭС сейчас является материалом и ориентиром для Конституционного Суда при вынесении им решений. Это подтверждают решения Конституционного Суда последнего времени.

Само право ЕАЭС – прогрессивное, передовое и правозащитное – зачастую помогает Конституционному Суду выявлять допущенные нарушения прав граждан и вставать на их защиту. И если мы ориентируемся на это право, если анализируем это право, то учитываем и практику Суда ЕАЭС. Право ЕАЭС – право, рассчитанное на всех членов Союза, и оно действует в коллективном интересе. Когда предприниматели, граждане и организации применяют это право и затем начинают взаимодействовать с национальными органами по поводу применения этого права, то они нередко сталкиваются с ограничительными подходами.

Например, в одном из рассмотренных Конституционным Судом дел (постановление от 5 марта 2024 г. № 9-П) импортер товара был привлечен к административной ответственности. При проведении таможенного контроля обнаружилось, что вес брутто одних товаров в рамках одной товарной партии оказался больше заявленного, в то время как вес других товаров – напротив, меньше заявленного. Общий вес товаров в партии оказался

даже меньше заявленного, общая таможенная стоимость товарной партии по сравнению с заявленной не изменилась. Это, однако, все равно послужило основанием для привлечения компании к административной ответственности по ч. 2 ст. 16.2 КоАП РФ за недостоверное декларирование товаров. При этом данная норма предусматривает ответственность за недостоверное декларирование, если такие сведения послужили или могли послужить основанием для освобождения от уплаты таможенных платежей или уменьшения их размера.

Предметом рассмотрения в данном деле, соответственно, явилось указанное положение Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в той мере, в какой на его основании решается вопрос о привлечении к административной ответственности за указание в таможенной декларации на товарную партию недостоверного веса брутто (меньше фактического веса) одного из товаров, что приводит к изменению таможенной стоимости данного товара в сторону увеличения, при том, что вес другого товара, как и его таможенная стоимость, изменились в сторону уменьшения, без увеличения при этом общей таможенной стоимости и размера подлежащих уплате таможенных платежей по товарной партии в целом.

Конституционный Суд постановил, что в подобном случае – учитывая, что общая стоимость товарной партии, исходя из которой исчисляются таможенные платежи, не изменилась – привлечение к административной ответственности недопустимо, поскольку это явно противоречит воле законодателя, сконструировавшего состав как материальный, а не формальный, а значит, нарушает гарантию не быть подвергнутым наказанию за деяние, не являющееся правонарушением в момент его совершения (ч. 2 ст. 54 Конституции).

Конституционный Суд, разрешая это дело, обращался к Таможенному кодексу ЕАЭС, который устанавливает правила таможенного декларирования, в том числе права и обязанности

декларанта (включая право корректировать таможенную стоимость), правила определения таможенной стоимости товаров, а также к решению Коллегии Евразийской экономической комиссии, которое устанавливает правила дополнительных начислений при определении таможенной стоимости товаров.

В другом деле (постановление Конституционного Суда от 16 октября 2025 г. № 34-П) предметом проверки выступили положения Федерального закона «О таможенном регулировании и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в той мере, в какой на их основании при осуществлении таможенного контроля разрешался вопрос об определении места происхождения товара в целях уплаты антидемпинговых пошлин, если в ходе гражданского оборота изменяется страна его назначения и (или) сведения о грузополучателе в сравнении с первоначально указанными в сертификате о происхождении этого товара.

Конституционный Суд постановил, что допускается установление для целей уплаты антидемпинговых пошлин, в том числе исходя из совокупности представленных таможенному органу документов, страны происхождения товара на основании подлинного сертификата о происхождении товара, если в ходе гражданского оборота изменяется страна его назначения и (или) сведения о грузополучателе по сравнению с теми, которые были указаны в этом сертификате.

В постановлении Конституционный Суд опирался, среди прочего, на положения Таможенного кодекса ЕАЭС и правила определения происхождения товаров, ввозимых на таможенную территорию ЕАЭС, утвержденные решением Совета Евразийской экономической комиссии, в которых было указано, что происхождение товара определяется по декларации о происхождении товара или по сертификату о происхождении, имеющему установленные правилами реквизиты, и, кроме того, определены особенности таможенного контроля происхождения

товаров, в частности установлены случаи, когда происхождение товара считается не подтвержденным. Указанные нормы права ЕАЭС позволили Конституционному Суду не согласиться с формалистским подходом национальных органов власти. Поэтому и в этом случае с опорой на право ЕАЭС и с учетом практики Суда ЕАЭС Конституционный Суд фактически обозначил возможность и необходимость подтверждения достоверности заявленных декларантом требований, исходя из реальных фактически складывавшихся отношений в сфере трансграничного перемещения товаров.

В качестве последнего недавнего примера соприкосновения с правом ЕАЭС следует отметить постановление от 23 июня 2026 г. № 42-П, в котором разрешался вопрос о взимании утилизационного сбора. Предметом рассмотрения стали правительственные акты, которые корректируют размер данного платежа в сторону увеличения. Несмотря на то, что это, очевидно, фискальный платеж, повышение размера которого может иметь существенные последствия для участников экономической деятельности и требует адаптации, не было предусмотрено каких-то общих правил вступления в силу таких правительственных актов (акты правительства по общему правилу вступают в силу по истечении 7 дней). Но если это фискальный платеж, то возникает вопрос, достаточен ли этот общий срок или нужно ориентироваться на минимальные сроки, предусмотренные для вступления в силу налогов или хотя бы для сборов, – не менее одного месяца. При ответе на этот вопрос большим подспорьем выступает в том числе право ЕАЭС. В частности, по общему правилу решения ЕЭК в сфере трансграничного перемещения товаров (например, при повышении размеров обязательных платежей) вступают в силу не ранее чем по истечении 30 дней после их официального опубликования. Таким образом, этот правовой материал (союзное регулирование), на который Конституционный Суд может ориентироваться, помогает выявлять

и исправлять нарушения прав и перекосы национального регулирования.

Вот лишь некоторые примеры за последние три года, в которых проявляется взаимодействие Конституционного Суда и Суда ЕАЭС, где Конституционный Суд ориентируется на практику Суда ЕАЭС и в принципе на право ЕАЭС.

А. В. Кирильченко
адвокат, партнер практики таможенного права и международной торговли BGP Litigation

Суд Союза формировался не только как орган для разрешения спорных вопросов между государствами Союза, но сразу как площадка для реализации прав хозяйствующих субъектов на защиту своих законных интересов.

В период с 2015 по 2025 г. в Суд ЕАЭС обратилось 94 хозяйствующих субъекта, что подтверждает востребованность союзной судебной инстанции со стороны бизнеса.

Однако в последние годы количество обращений хозяйствующих субъектов в Суд Союза существенно снизилось: 1 (одно) в 2025 г. против 14 (четырнадцати) в 2024 г.[1]

Целью данного доклада является поиск причин снижения интереса бизнеса к судебным процедурам в ЕАЭС и возможных мер для исправления такой ситуации.

Посредством судебных процедур хозяйствующий субъект стремится к практическому результату и задает вопрос: как он сможет реализовать судебное решение? Без работающих механизмов исполнения даже самое лучшее судебное решение не имеет для бизнеса практического смысла.

Востребованные хозяйствующими субъектами таможенные споры с Евразийской экономической комиссией о классификации товаров показали, что позиция компании, поддержанная

---

[1] Статистические данные о деятельности Суда Евразийского экономического союза по состоянию на 29 декабря 2025 г. – URL: https://courteurasian.org/upload/iblock/d26/84ioqn251nsbpy1n0doidrx206fgncrg/Статистические%20данные%20о%20деятельности%20Суда%20ЕАЭС%20за%202015%20-%202025%20годы%20по%20состоянию%20на%2029%20декабря%202025%20г..pdf (дата обращения: 10.07.2026).

Судом Союза, встречает сопротивление и сбои в исполнении. Приведу несколько примеров.

«Несмотря на принятие Судом решения от 18 июня 2019 г. об удовлетворении требования хозяйствующего субъекта, Комиссия внесла в решение о классификации отдельного вида товара, оспоренное ООО “Шиптрейд”, весьма незначительные изменения, которые не в полной мере учли правовую позицию Суда». «…Сохранение в правовой системе Союза норм, идентичных тем, что признаны Судом противоречащими актам большей юридической силы, привели к обращению в Суд иных субъектов (ООО “Польские машины” по делу АО “СУЭК-КУЗБАСС”, а также самого ООО “Шиптрейд” и ООО “Транспортейшн Рус” по делу ООО “Шиптрейд”) с исками об оспаривании новых решений Комиссии в части включения в них тех классификационных кодов, о правомерности которых Суд высказался в ранее рассмотренных делах»[2].

Наблюдаются также сбои в исполнении судебных актов Суда Союза на национальном уровне, несмотря на то, что верховные судебные инстанции стран Союза ориентируют судебные системы стран учитывать судебные позиции Суда ЕАЭС.

Так, Верховный Суд Российской Федерации предписывает, что «при толковании и применении норм права Союза, принятых в сфере таможенного регулирования, судам следует учитывать акты Суда Евразийского экономического союза». Верховный Суд Республики Казахстан указывает, что «акты Суда ЕАЭС должны учитываться судами при разрешении споров, связанных с применением норм права ЕАЭС, соответствие

[2] Чайка, К. Л. Реформирование процессуальных аспектов деятельности Суда Евразийского экономического союза / К. Л. Чайка // Влияние практики Суда Союза на формирование правопорядка ЕАЭС : Междунар. конференция Суда ЕАЭС, 16–17 нояб. 2023 г. : сб. материалов. – 2024 – С. 68–69.

которых Договору о ЕАЭС было предметом рассмотрения в Суде ЕАЭС».

Тем не менее в отсутствие содержательных норм об обязательности судебных актов Суда Союза национальные суды стран Союза воспринимают их по-разному.

Примером тому служат дела «Транспортейшн Рус» против Комиссии[3] и российских таможенных органов, которые параллельно рассматривал Суд Союза и российские национальные суды. По одному и тому же вопросу о классификации морских дизельных двигателей Суд Союза и национальные суды пришли к противоположным правовым выводам.

Оценивая акты Суда ЕАЭС, российские национальные суды отмечают особенности опосредованного исполнения, которые не позволяют национальным судам применять позиции Суда Союза. Конституционный Суд Российской Федерации указывает, что «акты Суда о признании по заявлению хозяйствующего субъекта решений Комиссии или отдельных их положений не соответствующими Договору и (или) международным договорам в рамках Союза не только не обладают ретроактивным значением, но и сами по себе непосредственно не влекут отмены (недействительности) указанных решений или отдельных их положений»[4]. Российские арбитражные суды в деле ООО «Транспортейшн Рус», обосновывая основания для противоположной по отношению к решению Суда Союза правовой позиции, также ссылались на то, что Суд Союза не отменяет правовые нормы, даже если признал их не соответствующими праву Союза[5].

Назрела потребность в расширении полномочий Суда ЕАЭС и предоставлении ему права признавать решения Комиссии

[3] Дело Суда ЕАЭС С-1/23 Транспортейшн Рус, Шиптрейд.

[4] Определение КС РФ от 10 февраля 2022 г. № 191-О.

[5] Дело № А56-16549/2021.

недействительными как с момента вступления в силу судебного акта, так и с даты принятия решения ЕЭК. Тем самым акты, неправильно регулирующие и регулировавшие такие правоотношения, могут эффективно исключаться Судом Союза из правового поля, а для национальных судов недействительность решений Комиссии может рассматриваться как достаточное правовое основание для неприменения нормативного акта, противоречащего праву Союза.

Статут Союза допускает хозяйствующих субъектов к союзному правосудию в форме оспаривания решений Комиссии или ее действий и бездействия. Такая процессуальная форма слишком сильно фильтрует вопросы, с которыми компании могут обратиться за защитой в Суд Союза, ограничивая их в таможенной сфере до вопросов классификации товаров по Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности.

У бизнеса в странах ЕАЭС существует потребность в судебной оценке, в том числе в толковании норм Союза в части таможенной стоимости, происхождения товаров, таможенных платежей и других вопросов.

Попытка компаний ООО «Порше Руссланд» и ООО «МСИ-БГ-ТУЛС» получить толкование норм Союза о дополнительных начислениях лицензионных платежей и дивидендов к таможенной стоимости применительно к отдельным обстоятельствам их применения столкнулась с трудно преодолимыми процессуальными преградами. ООО «МСИ-БГ-ТУЛС» ставило вопрос, подлежат ли включению в таможенную стоимость лицензионные платежи за ноу-хау в случае, если ввозимые товары использованы в производстве в незначительном количестве, а по большей части проданы в неизменном виде. ООО «Порше Руссланд» интересовал вопрос о возможности включения дивидендов в таможенную стоимость.

Очевидно, что законный интерес хозяйствующих субъектов заключался в получении толкования со стороны судебных

властей Союза по поставленным вопросам таможенной стоимости. Однако в обоих случаях компании были вынуждены оспаривать решения и бездействие Комиссии, чтобы остаться в рамках процедуры оспаривания, доступной хозяйствующим субъектам. На что Суд Союза ответил, что «при таких обстоятельствах оспариваемое истцом поведение Комиссии не может быть признано не соответствующим требованиям норм права Союза и нарушающим права и законные интересы, предоставленные хозяйствующему субъекту Договором и международными договорами в рамках Союза»[6].

Бизнес является активным участником экономических правоотношений на пространстве Союза, и у него должна быть возможность получать юридически значимые ответы на спорные вопросы, возникающие в ходе ведения экономической деятельности. В настоящее время такая возможность реализована только в Республике Казахстан. Казахстанский бизнес вправе обращаться за получением консультативного заключения через Национальную палату предпринимателей Республики Казахстан «Атамекен». Право на обращение за получением консультативного заключения должно быть у бизнеса из других стран Союза. В Российской Федерации бизнес объединен на площадках Российского союза промышленников и предпринимателей, «Деловой России» и других ассоциаций, которые могли бы взять такие полномочия и обеспечить качественную подготовку обращений со стороны российского бизнеса.

Суд Союза активно использует экспертные мнения и позиции государственных органов стран ЕАЭС при подготовке и проведении судебного разбирательства (ст. 49 Регламента). Судьи и представители сторон вправе задавать в судебном

[6] Решение Коллегии Суда ЕАЭС от 23 декабря 2024 г. по делу С-10/24 Порше Руссланд.

заседании вопросы экспертам и специалистам (ст. 44 Регламента), а также заявлять им отвод (ст. 29 Регламента).

Однако хозяйствующим субъектам не предоставляется возможность поставить перед экспертами и специалистами, мнение которых запрашивает Суд Союза, свои вопросы. В свою очередь, Суд Союза пропускает возможность получить от экспертов и специалистов более полное и всестороннее мнение по рассматриваемой Судом ситуации. Уведомление Судом Союза сторон спора о специалистах и экспертах, а также о поставленных перед ними вопросах позволит реализовать стремление к более полной и всесторонней оценке всех обстоятельств спора.

Суд Союза неизменно демонстрирует высокий уровень правосудия и профессионализма судей Суда Союза, чем обеспечивает внимание и доверие к своим судебным актам со стороны бизнеса и профессионального сообщества. Качество судебного представительства со стороны хозяйствующих субъектов должно соответствовать уровню Суда Союза.

Регламент допускает к судебному представительству любых лиц, полномочия которых подтверждаются соответствующими документами (ст. 32 Регламента). В то же время большинство стран Союза предъявляет к судебному представительству в национальных высших судебных инстанциях повышенные требования.

Так, в Конституционном Суде Российской Федерации вправе представлять интересы заявителя адвокаты или лица с ученой степенью по юридической специальности[7]; в Конституционном Суде Республики Казахстан – адвокаты или аттестованные юридические консультанты[8]; в Конституционном Суде

[7] Статья 53 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации».

[8] Статья 41 Конституционного закона РК от 5 ноября 2022 г. № 153-VII ЗРК «О Конституционном Суде Республики Казахстан».

Республики Армения – адвокаты, лица с высшим юридическим образованием[9]; в Конституционном Суде Республики Беларусь – адвокаты[10].

Уровень судебного представительства также может влиять на качество правосудия в Суде ЕАЭС, поскольку от этого зависит качество доказывания позиции, заявленной хозяйствующим субъектом, качество оппонирования противоположной стороне и качество состязательности сторон спора.

Руководствуясь данными соображениями, представляется полезным установить критерии судебного представительства в Суде Союза до уровня не ниже, чем в национальных конституционных судах государств-членов.

[9] Статья 46 Конституционного закона РА от 17.01.2018 «О Конституционном Суде Республики Армения».

[10] Статья 18 Закона Республики Беларусь от 8 января 2014 г. № 124-З «О конституционном судопроизводстве».

М. В. Токарева
проректор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС)

Позвольте предварить свое выступление небольшим сравнительным наблюдением.

Преамбула Договора о Евразийском экономическом союзе декларирует, что государства-члены заключили его, «основываясь на принципах верховенства права, уважения прав и свобод человека, взаимного уважения государственного суверенитета»[1]. Преамбула Конституции Российской Федерации, в свою очередь, провозглашает, что многонациональный народ России принял ее, «утверждая права и свободы человека, гражданский мир и согласие»[2].

Перед нами два документа, принятые в разное время и на разных уровнях правотворчества, однако укорененные в одном и том же идейном основании: права и свободы человека, верховенство права как принцип, пронизывающий одновременно и национальный конституционный порядок, и архитектуру наднационального интеграционного объединения.

Это не случайное совпадение формулировок. Это осознанная идеологическая преемственность, которая и составляет подлинную основу евразийской правовой интеграции.

---

[1] Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29.05.2014).

[2] Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 31. – Ст. 4398.

Именно с этой точки зрения я предлагаю рассматривать роль университетского сообщества во взаимодействии с Судом ЕАЭС.

За 11 лет своей деятельности Суд ЕАЭС убедительно доказал институциональную состоятельность: он сформировал практику консультативных заключений, обеспечил доступ негосударственных субъектов к международному правосудию, последовательно утверждал принцип единообразного применения права Союза. Без этого принципа единое экономическое пространство остается декларацией, а не реальностью. Суд – тот инструмент, который превращает интеграционное право из текста договора в живую норму, регулирующую реальные правоотношения.

Вместе с тем имеется существенный разрыв между институциональным развитием Суда и уровнем осведомленности о нем в профессиональной среде.

Практикующие юристы нередко не знают о возможностях консультативного производства. Участники внешнеэкономической деятельности не в полной мере осознают, что право прямого обращения в Суд открыто и для них.

Академическое сообщество лишь в последние годы начинает систематически включать практику Суда в образовательные программы.

Это структурная проблема, отражающая пока еще недостаточную незрелость доктрины евразийского права как самостоятельной научной и учебной дисциплины. И именно здесь университеты несут особую ответственность.

Президентская академия в партнерстве с Судом ЕАЭС уже предпринимает конкретные шаги в этом направлении. В тесном взаимодействии с Председателем Суда Алексеем Александровичем Дроновым мы реализуем проект «День Суда ЕАЭС» – серию открытых лекций с участием председателя, судей и сотрудников аппарата, ориентированных на живой диалог

с академической аудиторией, анализ реальных дел и демонстрацию того, как работает евразийское правосудие на практике[3].

Принципиально важно, что проект изначально выстраивался не как точечная московская инициатива, а как масштабируемая модель: через широкую сеть региональных кампусов академии он охватывает студентов и преподавателей по всей стране, а через механизм межвузовского партнерства вовлекает коллег из других университетов. В этом и состоит его мультипликативный эффект: знание о Суде распространяется не через административные каналы, а через живую образовательную среду – фактически диалог поколений юристов[4].

Тем не менее подобные инициативы – при всей их ценности – остаются паллиативом, если не подкреплены системной программой подготовки кадров. Именно поэтому мы развиваем магистерскую программу «Евразийская интеграция: право, экономика, международные отношения», в основу которой положен принцип целостного, а не фрагментарного изучения евразийского пространства.

Классики евразийской мысли определяли Евразию как «месторазвитие» – социальную общность, детерминированную не только географией, но и общностью исторической судьбы, культурных кодов, хозяйственных закономерностей. Программа будет стремиться воспроизвести именно эту целостность: взаимосвязь правовых институтов, экономических механизмов и дипломатических процессов внутри Союза не изучается в отрыве друг от друга, а осмысляется как единая система.

---

[3] О проведении «Дня Суда ЕАЭС». – URL: https://courteurasian.org/news/o-provedenii-dnya-suda-eaes/ (дата обращения: 22.06.2026).

[4] ЕАЭС: система права и Суд (проведение дня Суда ЕАЭС на базе ФГБОУ ВО «РАНХиГС»). – URL: https://vlgr.ranepa.ru/news/main/2025-10-21/4/eaehs-sistema-prava-i-sud.html (дата обращения: 22.06.2026).

Позвольте завершить выступление тезисом, который представляется мне ключевым.

Университеты традиционно воспринимаются как площадки для передачи знаний. Однако подлинная академическая миссия иная: это производство доктрины, которая опережает практику и указывает ей ориентиры.

Суд ЕАЭС нуждается не просто в квалифицированных кадрах, он нуждается в доктринальном партнерстве с академическим сообществом: в центрах, которые анализируют его практику критически и конструктивно, выявляют системные лакуны, предлагают научно обоснованные решения, формируют евразийскую правовую доктрину как самостоятельный интеллектуальный проект.

Именно такими, на мой взгляд, и должны стать экспертно-аналитические центры доктринальной евразийской правовой мысли при ведущих университетах государств-членов: не административными структурами с соответствующими вывесками, а живыми интеллектуальными площадками, органически связанными с Судом, с Евразийской экономической комиссией, с академическим сообществом всех пяти стран Союза.

Напомню: совокупный ВВП государств ЕАЭС в 2024 г. вырос на 4 % опередив среднемировую динамику. Экономическая интеграция работает. Теперь право и правовая наука должны не отставать от экономики, а предвосхищать ее следующий шаг.

Убеждена, что институт живет ровно столько и ровно так, как его понимает профессиональное сообщество, которое с ним работает. Верховенство права – это не раз и навсегда завоеванная позиция. Это ежедневная работа: Суда – в зале заседаний, университетов – в аудиториях и лабораториях правовой мысли.

Т. В. Шашихина
заместитель Председателя
Высшей квалификационной коллегии судей
Российской Федерации,
директор Евразийского учебного института
МГИМО МИД России

(Тезисы выступления)

В своем выступлении хотела бы обратить особое внимание на потенциал процедуры консультативных заключений Суда ЕАЭС. Считаю обоснованным активнее использовать данный механизм для получения разъяснений по вопросам общего толкования права Союза, что будет способствовать единообразию правоприменительной практики.

При этом подчеркну, что консультативные заключения не должны восприниматься как подмена судебных разбирательств между государствами-членами – напротив, их ценность заключается в превентивном разрешении правовых неопределенностей без перехода к конфронтационным процедурам.

Предлагаемая инициатива направлена на повышение эффективности работы Суда и расширение доступа к правосудию. В частности, предлагается внедрить современные программы-переводчики на основе искусственного интеллекта, что позволит участникам внешнеэкономической деятельности из разных государств-членов оперативно получать информацию о судебных актах и решениях на доступном им языке, способствуя единообразному пониманию и применению права Союза.

Предлагается создание при Суде ЕАЭС института Генерального адвоката. Такой функционал во многом схож с деятельностью по подготовке заключений, осуществляемой экспертно-аналитическим отделом Секретариата Суда ЕАЭС. Однако закрепление статуса Генерального адвоката предоставило бы

возможность участия в слушаниях по делу в качестве участника судебного процесса, а также право задавать вопросы сторонам.

Заключение Генерального адвоката, содержащее развернутую аргументацию и сравнительный анализ правоприменительной практики, могло бы публиковаться вместе с актом Суда, способствуя правильному пониманию судебного акта.

Такие меры будут способствовать дальнейшему развитию евразийской интеграции на основе верховенства права, повышению доверия к интеграционным институтам и более эффективной защите прав и законных интересов всех субъектов права Союза.

К. Л. Чайка
главный научный сотрудник
ИГП РАН,
судья Суда ЕАЭС в отставке

Проблемные аспекты исполнения решений Суда ЕАЭС

1. Одним из основных критериев эффективности суда интеграционного объединения является исполнимость его решений, которая обеспечивается как за счет правовых норм, содержащихся в учредительных документах соответствующего судебного органа, так и за счет его авторитета, аргументированности принятых органом интеграционного правосудия решений.

Анализ практики Суда Евразийского экономического союза (далее – Суд ЕАЭС, Суд Союза) за неполные 12 лет, которые прошли с момента начала его функционирования, демонстрирует наличие проблемных аспектов в исполнении принятых им решений. Во многом истоки этой проблемы заложены в самих формулировках норм Статута Суда (приложение № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе (далее – Статут и Договор)), которые допускают двоякое толкование.

2. С проблемой исполнения решений Суда Союза неразрывно связана обсуждаемая в доктрине такая особенность его компетенции, как отсутствие возможности собственным решением исключить из правовой системы Союза акт Евразийской экономической комиссии (далее – ЕЭК, Комиссия), признанный не соответствующим Договору и международным договорам в рамках Союза. Так, в силу п. 111 Статута решение Комиссии или его отдельные положения, признанные Судом не соответствующими Договору и (или) международным

договорам в рамках Союза, в разумный срок, но не превышающий 60 календарных дней с даты вступления в силу решения Суда, приводятся Комиссией в соответствие с правом Союза, если иной срок не установлен в решении Суда. При этом п. 103 Статута предусматривает, что стороны спора без ущерба положениям пп. 111–113 Статута самостоятельно определяют форму и способ исполнения решения Суда. Буквальное толкование названных правовых норм, которого последовательно придерживается ЕЭК, позволяет предположить, что Комиссия наделена максимально широкой дискрецией по исполнению решений Суда. Вместе с тем телеологическое толкование процитированных положений права Союза, учет принципов функционирования интеграционного объединения, зафиксированных в ст. 3 Договора, дает основания для принципиально иного вывода.

Обращение к принципу добросовестного сотрудничества, закрепленному в ст. 3 Договора, влечет необходимость такого исполнения Комиссией решения Суда, которое означает обязанность устранить выявленное Судом противоречие в ее решении и тем самым обеспечить соблюдение права Союза. Применительно к признанию решений ЕЭК не соответствующими Договору и иным международным договорам в рамках Союза добросовестное исполнение следует рассматривать как обязанность ЕЭК исключить из правовой системы Союза акт или его отдельные положения, в отношении которых Суд установил их противоречие праву ЕАЭС. Учитывая, что п. 100 Статута закрепляет обязательность, а ст. 83 Регламента окончательность в качестве основных свойств вступившего в силу решения Суда, любые попытки ЕЭК преодолеть судебное решение посредством введения регулирования, аналогичного тому, что Суд признал не соответствующим праву ЕАЭС, следует рассматривать как нарушающие принцип добросовестного сотрудничества между органами Союза.

3. Следует с сожалением констатировать, что до настоящего времени подобный подход не получил распространения в практике ЕЭК. По состоянию на июнь 2026 г. остаются не исполненными Комиссией следующие решения Суда ЕАЭС, вынесенные в пользу хозяйствующих субъектов:

– решение Коллегии Суда от 14 апреля 2021 г., решение Апелляционной палаты Суда от 15 июля 2021 г. по делу № *С-1/21 СУЭК-Кузбасс;*

– решение Коллегии Суда от 8 декабря 2022 г. и решение Апелляционной палаты от 14 марта 2023 г. по делу № *С-6/22 Польские машины*.

Несмотря на отмену Коллегией Комиссии ее решений, касающихся классификации отдельного вида товара, решением Совета ЕЭК в Товарную номенклатуру внешнеэкономической деятельности Союза включена та же подсубпозиция, наличие которой Суд признал не соответствующим праву Союза. Подобные действия ЕЭК однозначно свидетельствуют о последовательном намерении противостоять решениям Суда Союза и преодолевать их за счет принятия нового регулирования, что запрещено законодательством всех государств – членов Союза, но остается дозволенным на уровне ЕАЭС.

Бесспорно, сложившаяся ситуация с неисполнением решений Суда влечет как репутационные риски, так и неуклонно приводит к падению доверия к Суду как к инструменту защиты прав и законных интересов хозяйствующих субъектов на пространстве ЕАЭС. При таких обстоятельствах закономерно, что неуклонно снижается число обращений хозяйствующих субъектов в Суд.

4. Полагаю, что одним из способов преодолеть сложности с исполнением ЕЭК решений Суда могло бы стать включение соответствующей информации в ежегодный отчет Суда, который он представляет Высшему Евразийскому экономическому совету на основании п. 120 Статута.

По имеющейся информации, отчет Суда за 2024 г., содержащий такие сведения, по инициативе ЕЭК не был представлен Высшему совету.

5. С вопросом об исполнении решений Суда тесно связана проблема отсутствия в процессуальном законодательстве отдельных государств, включая Российскую Федерацию, решений Суда в перечне обстоятельств, которые именуются новыми и служат основанием для пересмотра вступившего в законную силу решения арбитражного суда или суда общей юрисдикции.

Анализ российской арбитражной практики показывает, что суды Российской Федерации отклонили ссылки заявителя (ООО «Транспортейшн Рус») на решение Суда ЕАЭС по делу № *С-1/19 Шиптрейд,* равно как и на решение Суда ЕАЭС по делу № *С-1/23 ТранспортейшнРус/Шиптрейд*, придя к выводу, что указанные решения не содержат указания на возможность ретроспективного применения сформулированных в них позиций для пересмотра ранее принятых решений таможенных органов о классификации товаров в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС, а также судебных актов судов Российской Федерации об оспаривании соответствующих решений по конкретному делу.

Такая ситуация приводит к тому, что хозяйствующий субъект лишается возможности восстановить свои права в случае, когда его дело было рассмотрено национальным судом с применением акта Комиссии, признанного не соответствующим праву Союза уже после рассмотрения данного дела.

В этой связи представляется целесообразным обеспечить возможность пересмотра вступивших в силу актов национальных судов вследствие вынесения решения Судом.

В государствах – членах Союза сложился различный подход по вопросу пересмотра вступивших в силу судебных актов в связи с вынесением решения международным судом. Так, в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 374 Гражданского процессуального кодекса Кыргызской Республики одним из оснований

для пересмотра по новым обстоятельствам является решение международного органа (суда), созданного на основании международного договора, участницей которого является Кыргызская Республика, по конкретному делу, рассмотренному судами Кыргызской Республики.

Представляется, что отсутствие единообразия по вопросу пересмотра вступивших в силу судебных актов в связи с вынесением решений Судом ЕАЭС приводит к тому, что хозяйствующие субъекты различных государств-членов находятся в неравном положении с точки зрения возможности восстановления нарушенных прав.

Научное издание

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВЕРХОВЕНСТВА ПРАВА НА ПРОСТРАНСТВЕ ЕАЭС

Сборник материалов VIII Международной конференции Суда ЕАЭС,
V Евразийского экономического форума,
XIV Петербургского международного юридического форума

Составители:
Джаманкулов Марат Тургунбаевич,
Орлова Екатерина Сергеевна

Ответственный за выпуск *И. В. Чекалов*
Компьютерная верстка *О. Н. Воробьева*
Корректор *Т. В. Малеева*

Подписано в печать 16.10.2026. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 23,72. Тираж 220 экз. Заказ 26487.

Издательское частное унитарное предприятие «Энциклопедикс».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий 1/266 от 03.04.2014.
Ул. К. Маркса, 15-203А, 220050, Минск.

Общество с ограниченной ответственностью «Колорград».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий № 2/203 от 07.12.2018.
Пер. Велосипедный, 5-904, 220033, Минск.

ISBN 978-985-7340-40-8

